

Архимандрит
Рафани (Карелин)

КАК ВЕРНУТЬ В СЕМЬЮ
ПОТЕРЯННУЮ РАДОСТЬ

2017

Аннотация

Данная книга представляет собой сборник статей, написанных в разное время и объединенных одной темой – как сохранить христианскую семью в наше сложное время. Катастрофическое число разводов свидетельствует о том, что семья перестает быть источником счастья. Автор видит причину этого в отступлении от христианских заповедей – в грехе гордыни и эгоизма, которые подтачивают основу семьи и, прежде всего, любовь супругов друг к другу. Он обращает внимание на демоническую сущность таких явлений, как детоубийство и разврат.

Книга предназначена для тех, кто хочет создать христианскую семью или вернуть в свою семью потерянную любовь и радость.

От автора

Эта книга – боль моей души, боль за убитых младенцев, боль за родителей, которые не понимают, что творят, боль за землю, напоенную невинной кровью, боль за тех, кто молчит, когда совершается побоище, по числу жертв, превосходящее все войны. Моя книга может показаться жестокой на первый взгляд. Но жестоко само преступление, а не рассказ о нем. Мне говорят, что она может привести в состояние уныния и отчаяния тех, кто совершил это убийство. Но отчаяние наступает тогда, когда, кажется, что выхода нет, а Господь дает всем надежду – это путь покаяния; в нем совершается чудо милосердия Божьего. Грехи детоубийства могут быть прощены, если человек осознает свой грех, искренно покается, исповедует его, и будет иметь в сердце твердое решение – не повторять его в будущем и по мере сил предохранять других от этого злодеяния. Под нами ад, а над нами небо, и человек стоит на распутье двух дорог. Покаяние – путь к небу. Господь обещал, не отвергнуть того, кто идет к Нему. Я писал эту книгу, прежде всего, для христиан, но она обращена также к людям других религий и конфессий, и к тем неверующим, у которых звучат в душе слова: «Благоговею перед жизнью». Я не осуждаю, я предостерегаю. Осуждение или оправдание – во власти Божией. Я хочу счастья людям, и поэтому желаю им покаяния, через которое радость возвращается в человеческое сердце. Для тех, кто не хочет исправить свою жизнь, моя книга может показаться суровой. Но те, кто хотят жить по воле Божией, услышат в ней голос любви.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

Потеря любви – трагедия нашего времени

У людей различные характеры, различные вкусы, различные потребности: то, что один считает главной целью жизни, может быть безразличным и несущественным для другого. Но есть нечто, лежащее за пределами материального, то, в чем нуждается каждый человек, хотя бы он и не признавался в этом открыто, хотя бы это было тайной его сердца. То, в чем нуждается каждый человек – это любовь. Это то загадочное чувство, в тепле которого хочет согреться душа каждого человека, даже преступника. Высшая форма любви – это любовь человеческой души к Божеству. Эта любовь в самом совершенном, непосредственном и законченном виде, проявляется в монашестве, где становится целью всей человеческой жизни. Эта любовь не знает ни разочарований, ни измен. Она требует многого, но дает гораздо больше.

Потеря любви к Богу сделала человечество несчастным и все достижения цивилизации – надгробьями на кладбище душ. Теперь мало счастливых людей. Постоянная внутренняя неудовлетворенность, чувство оставленности, отчужденности постепенно трансформируется в злобу, жажду разрушения и уничтожения. Внешне это проявляется в самых различных формах: в наркомании, алкоголизме, семейном садизме, национализме, тирании, бессмысленных актах жестокости, язвительных насмешках, как будто человек мстит за себя всем и самому себе.

Кроме того, душевная опустошенность человека и эмоциональная холодность окружающей среды вызывает чувство постоянного опасения, постоянного ожидания нравственных ударов со стороны самых близких людей. Чувство своей незащищенности и бессилия порождает целые комплексы психических расстройств, человек как будто хочет убежать

от действительности в свою болезнь. Духовная опустошенность личности и всего современного общества делают из человека или примитивное существо без нравственных устоев, в сущности, очень несчастное, или насильника, или человека, живущего в этом мире, как в лесу, наполненном зверями, в вечном страхе перед ожидающим его несчастьем.

Наше общество – глубоко больное и глубоко несчастное. Высшая любовь, любовь к Богу, почти потеряна. Любовь к Богу завоевывается в борьбе с грехом и страстями. Кроме монашества, которое, по своей идее, является концентрированной любовью к Богу, есть и другая форма любви – это христианская семья. Семья, построенная на принципах Евангелия, на уважении и любви друг к другу, объединенная одной верой, является живым оазисом в мертвой пустыне – в нашей бездушной пантехнологической цивилизации. Если храм – это огромный огненный столп, то христианская семья – это малая свеча, зажженная от этого огня.

Семья названа апостолом Павлом домашней церковью. В семье воспитываются чувства долга и смирения, осуществляется служение друг другу. Христианская семья должна быть объединена верой, молитвой и милосердием. Она – первая школа христианства для детей. Демон пытается разрушить Церковь извне и изнутри, а также разрушить и семью: или уничтожить ее как форму человеческого общения или, оставив ее как внешнюю оболочку, уничтожить дух самой семьи – христианскую любовь и ту душевную теплоту, без которой жизнь превращается в трагедию или бессмысленность.

Одним из методов уничтожения семьи, как благословенного Богом союза для помощи друг другу и для продолжения человеческого рода, является убийство детей самими родителями. Семья из домашней церкви превращается в сожительство разбойников.

Убийство детей иссушает любовь между супругами, семья распадается, как бы разламывается на две части. Эгоизм – это

внутренняя борьба за власть, борьба за свои привилегии внутри самой семьи. Убийство ребенка обычно продолжается в нравственном убийстве супругами друг друга. Аборт привлекает темных духов ада и зла. В таких семьях возникают какие-то духовные поля черных демонических энергий, которые гнетут человеческую душу, как будто гонят ее из этого места. Дом перестает быть родным для членов семьи. Часто они испытывают необъяснимую злобу друг против друга и ищут несуществующего счастья на стороне.

В Библии находятся поразительные слова, обращенные к братоубийце – к Каину: «Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли» (Быт. 4, 10). Кровь невинных детей, как кровь Авеля, вопиет к небу. Не только в будущей, но и в земной жизни убийцы получают возмездие. Загрязненная совесть лишает человека самого главного – духовного мира и духовной радости. Только через покаяние душа может вновь обрести их. Древние предания, отраженные в мировой литературе, говорят об угрызениях совести, о внутренних муках, которые испытывает убийца. Может быть, теперь преступление так глубоко эмоционально и не переживается, но человеческая кровь так же мстит за себя: убийцы, убивая свою совесть, живут в духовном холоде и пустоте.

История облучает

На рубеже XIV–XV веков Грузия пережила трагедию, возможно, самую ужасную за всю ее многовековую историю. Эмир Тамерлан семь раз, подобно огненному вихрю, проходил по землям Кахетии и Картли, оставляя за собой руины и пожарища на месте цветущих городов и сел, пустыни – на месте полей и садов. В Грузии существу-

ет предание, что Тамерлан родился с острыми, как у волка, зубами, седыми волосами, что в младенчестве у него проявлялся свирепый нрав: он до крови кусал грудь своей матери, поэтому кормили его кобыльим молоком. В юные годы он отличался на войне не только своей хитростью и военным искусством, но также беспощадностью и жестокостью к тем, кого считал своими врагами. Грузинскому царю Симону он предложил выбор: или ислам, или смерть для всего народа. Царь, чтобы выиграть время и подготовиться к войне, согласился, и в сопровождении 6-тысячного монгольского войска вернулся на родину якобы для того, чтобы обратить народ в ислам. Войско монголов, проходя через горы, попало в засаду и было уничтожено грузинами.

Тамерлан решил отомстить. Взяв Тбилиси, он приказал собрать всех детей и младенцев за городской стеной, в местечке, называемом Калоубани, где молотили пшеницу. Детей связали вместе, как снопы, уложили их на землю и раздавили огромными бревнами и камнями. Потоки крови окрасили землю, как поле боя. Рядом стоял шатер, где в это время пировал Тамерлан со своими вельможами.

Семь раз вторгался Тамерлан в Грузию. Страна обезлюдела. Но самым страшным и самым подлым злодеянием Тамерлана было убийство младенцев. На месте этого преступления была построена калоубанская церковь; теперь она разрушена до основания и погребена под зданием кинотеатра.

Дело Тамерлана продолжается, кровь младенцев льется на землю, гора их трупов беспрерывно растет. Тамерлан ненавидел Грузию прежде всего за христианскую веру. А за что мстят своей родине женщины, убивающие своих детей – будущее страны?

Когда убийство детей допускается законом и молчаливо поддерживается общественным мнением, то все декларации о справедливости и любви становятся абсурдом. Закон узаконил вопиющее беззаконие – право отнимать жизнь.

В прессе появляются циничные объявления рекомендации, как лучше расправиться со своим ребенком, например, сообщение о том, что французский фармацевтический концерн изобрел эффективное средство, которое безотказно и безопасно для матери убивает плод. С жестокостью этой статьи может соперничать только ее лицемерие. Убийство названо операцией, как будто дело идет об удалении гнойного аппендицита или раковой опухоли, а не об убийстве собственного ребенка; в другом месте оно хитроумно завуалировано фарисейски туманной фразой: «временный отказ от материнства». Там же помещен рисунок-реклама: в открытом зубастом рту таблетка, которая несет неминуемую смерть ребенку. В зубастом рту матери, современной людоедки – ее собственный ребенок. И дальше, – верх ханжества, – слова: «Спасительная таблетка».

Спасительная!?! От кого вы хотите спастись?

ЛЕГЕНДА, СТАВШАЯ БЫЛЬЮ

Во время англо-французской войны, называемой столетней войной, одним из выдающихся полководцев Франции был герцог Жюль де Ре, близкий помощник Жанны д'Арк, прославленной французской героини.

Жизнь этого человека похожа на страшную сказку, но, к несчастью и стыду человечества, это не сказка, не кошмарная легенда, а быль, зафиксированная в судебных протоколах и исторических хрониках.

Ребенком Жюль де Ре лишился отца и был отдан матерью на попечение деда. Он получил блестящее светское воспитание, но без всяких нравственных устоев. Жюль де Ре стал одним из самых способных военачальников из окружения «ор-

леанской девы», и уже в 25 лет ему было присвоено звание маршала. Он блистал не только воинскими подвигами, но и своим изысканным воспитанием, обвораживающими манерами, знанием искусства и философии. Он получил в наследство огромное имение, и его двор соперничал по роскоши с королевским двором. Со всех концов Франции в его дворец тянулись вереницы гостей. В его замках находили приют и щедрую помощь музыканты, поэты, художники и трубадуры. Но такая жизнь не могла продолжаться долго. Сундуки его стали пустеть, сокровища таять.

В это время он познакомился с колдуном алхимиком, который пообещал сделать его богаче, чем он был раньше, и открыть секрет изготовления золота из человеческой крови.

Алхимик-окультист поставил перед Жюлем де Ре условие – продать свою душу демону, без чего не ручался за успех. Герцог выполнил условие алхимика. Был похищен 10-летний мальчик, у которого отрезали правую руку, затем выкололи глаза и вырезали из груди еще бьющееся сердце. Кровью этого сердца Жюль де Ре написал расписку о том, что отдает свою душу демону. После этого герцог и колдун пропели восторженный гимн сатане.

Жюль де Ре изгнал из своего дворца жену и дочь. Он возненавидел их и отправил в ссылку в дальнее имение. Затем вместе с колдуном они приступили к магическим опытам. В окрестных деревнях стали пропадать малые дети. Пропадали бесследно, безвозвратно. Герцог чувствовал себя безнаказанно, если не считать, что по временам его мучили угрызения совести. И тогда он хотел на оставшиеся деньги воздвигнуть собор, или постричься в монахи, или ходить как нищий странник по святым местам. Но эти порывы бесследно проходили, и он опять предавался убийствам детей, которые совершал с неслыханной жестокостью и садизмом.

Безошибочный материнский инстинкт указывал на замок герцога, который высился на равнине, как огромный мрач-

ный склеп. Среди населения поползли темные слухи. Наконец они дошли до местного епископа. Он вызвал герцога на суд, но тот не явился. Епископ обратился за помощью к королю, и посланные войска штурмом взяли дворец. В потаенных комнатах и подземельях было найдено множество скелетов и искалеченных трупов детей, а также сосуды и колбы, наполненные их кровью. На суде герцог признался во всем. 7080 детей было зверски убито им.

Суд приговорил его к сожжению. Перед смертью осужденный со слезами просил прощения у родителей детей и умолял Бога о помиловании. Вместе с ним был сожжен алхимик, который смеялся над слезами герцога, как над слабостью, и умер, проклиная Бога.

Когда читаешь историю жизни этого злодея, то хочется думать, что это только кошмарная легенда или сон, но это явь. А еще ужаснее, что злодейство Жюля де Ре продолжают теперь те, кто должны стать матерями. Не у них похищают детей преступники-сатанисты, а они сами похищают своих детей у Бога. Убивают с такой же жестокостью, как это делал продавший душу дьяволу герцог. Убивают большей частью из-за материальных расчетов, поэтому, образно говоря, так же хотят превращать в золото кровь своих детей. Если некоторые из них каются в совершенном злодеянии, как Жюль де Ре перед костром, то большинство живет и умирает без покаяния, с ожесточенно-холодным сердцем, как учитель герцога, умирает, потеряв навеки Бога.

Кровь детей на Страшном суде превратится в огненную реку, которая отделит нераскаянных убийц от Христа.

УБИЙСТВО БЕЗЗАЩИТНЫХ

Повсюду мы слышим слово мир, но это ложь, это гнусное лицемерие. Это один из звериных обликов современного цивилизованного мира. Вокруг нас идет война, непрекращающаяся и жестокая, где нет перемирия или окончания, где нет победителей и побеждённых, а только палачи и их жертвы. Эта война охватила весь мир, но с особой силой те страны, которые гордятся своей цивилизацией, культурой и прогрессом. Эта война – бесчеловечная, методическая бойня, геноцид, не имеющий прецедента или сравнения в истории всего человечества. Это – война родителей против своих детей, это – война, где льются потоки крови, где убийство сопряжено с пытками. Эта бойня, уносящая ежегодно десятки миллионов жертв, с лицемерием, присущим современному человеку, почему-то не называется своими именами: «убиением невинных и беззащитных», «садизмом палачей», «узаконенным правом на убийство»; она скрыта и замаскирована туманным и бессовестно лицемерным термином «аборт», что означает «выбрасывание вон», как будто дело идёт о ненужном хламе, который выбрасывают из дома в мусорную кучу, а не о живом существе – ребёнке.

Ежегодно в Советском Союзе совершалось 7–9 миллионов аборт¹, и это только зарегистрированных в медицинских учреждениях. Число тайных аборт^{ов} вообще не подлежит учёту. Наибольшее количество жертв унесла Вторая мировая война, но за то же время детей, убитых своими роди-

¹ В 1986 г. в СССР по официальным данным производилось 7116 тыс. зарегистрированных аборт^{ов}, в 1989 – 7265 тыс. Число аборт^{ов} на тысячу женщин в возрасте от 15 до 44 лет в СССР достигало 120 в год. В настоящее время эта статистика сохраняется. По числу аборт^{ов} на тысячу женщин репродуктивного возраста Россия находится на 2-м месте в мире (после Румынии – *Изд.*

телями, было гораздо больше, чем солдат, погибших на фронте. Эта тёмная сторона в жизни современного человечества как нельзя лучше доказывает, что цивилизация превратилась в эскалацию жестокости. Мы слышим призывы к миру, но вокруг нас не только продолжается, но и увеличивается кровавое побоище, которое по числу своих жертв превзошло нашествие гуннов и монголов, а по жестокости – злодеяния Тамерлана и Шах-Аббаса². Жертв от этой невидимой войны больше, чем от всех войн вместе взятых, от всех убийств и казней. Этим преступлением перечёркивается всякое, не только божественное, но и человеческое право.

Уже с момента зачатия образуется живой организм, который несёт в себе генетический код и весь потенциал человеческой личности. Экспериментально доказаны сложные и целесообразные реакции плода на окружающую среду. Это – существо, испытывающее чувство боли, обладающее желанием жизни, и, что самое главное для христианина – существо, наделённое бессмертной человеческой душой, несовершенство которой заключается в ещё неоформившемся теле – её инструменте. Но если считать оправданным убийство человека из-за его несовершенной телесной организации, тогда с большим правом можно убивать людей престарелых, больных и так далее.

Итак, узаконение абортов ниспровергает все нравственные и юридические кодексы, основами которых является защита человеческой личности. В принципе разницы между убийством плода и другими видами убийств не существует. Доступность и ненаказуемость аборта наделяет родителей властью тирана, который может по своему усмотрению и произволу оставлять в живых или умерщвлять своих подданных. Ненаказуемость абортов, отсутствие нравственной

² ШахАббас I (ум. в 1629, на троне с 1587 г.) – персидский шах, в начале XVII в. предпринимавший завоевательные походы на Грузию, отличавшиеся такой кровавой жестокостью, что его имя для грузин до сих пор звучит как символ национального бедствия – *Изд.*

юридической защиты плода и его гарантии на жизнь делают лицемерными и бессмысленными все декларации по защите достоинства и свободы человека.

Убийство беззащитного – самый подлый и мерзкий вид убийств, поэтому люди, решившиеся на убийство беззащитного младенца, могут при определённых обстоятельствах и ситуациях совершить любое другое преступление. Афоризм древних судей гласил: «Лучше оправдать 10 виновных, чем наказать одного невинного», а здесь невинный наказывается смертью, притом мучительной смертью, достойной таких садистов, как Нерон и Калигула, – младенец живым разрывается на части.

Раньше палачу не протягивали руки, не садились с ним за один стол, а теперь родителям, обрекающим на смерть детей, и врачам – профессиональным убийцам, общественное мнение не высказывает порицания. Значит, все общество участвует в убийствах. На совести у таких знаменитых бандитов, как Джек Потрошитель, десятки человек жертв, а у гангстеров в белых халатах – сотни и тысячи. Если бы их бросили в яму, наполненную кровью убитых ими детей, то они захлебнулись бы в ней. Долг врача – оказывать помощь даже врагу; теперь он становится наёмным убийцей. Поэтому мы призываем: объявить врачей, которые делают аборт, преступниками против человечества и врагами своего народа. Убийство младенцев является преступлением против божественного и человеческого права, против идеи семьи и супружества, против самой человеческой природы, против своего народа и всего человечества. Убийство детей – это ступок эгоизма, жестокости, трусости и лицемерия.

Семья по христианскому учению есть малая домашняя церковь. Семья – это взаимопомощь и общность прав во временной и вечной жизни. Аборты превращают её в шайку разбойников; здесь люди влекут друг друга на преступление, к нравственной гибели; вместо дружбы и взаимопомощи по-

ступают друг с другом хуже всяких врагов. Семья – это взаимная любовь. Но можно ли любить убийцу своего ребёнка, если даже оба родителя повинны в этом? Преступление и человеческая кровь никогда не соединяют, а только разделяют, поэтому число разводов прямо пропорционально количеству аборт. Убийство младенца профанирует сложные многогранные взаимоотношения супругов, сводя их к одному сексу, который не может дать ни счастья, ни душевного тепла, к культуре наслаждения, в котором есть нечто жестокое и безобразное.

Доказано, что дети наследуют не только физические свойства, но и определенные душевные качества своих родителей. Эмоциональная жизнь родителей отражается в генетических кодах и переходит к их детям в виде предрасположенности. Родители, решившиеся на убийство своего ребёнка, уже внесли в свой генетический фонд предрасположенность к убийству, которое отяготит психику будущих детей. Иногда душевные свойства передаются не прямо, а через поколения. Поэтому родители, решившиеся на убийство своего ребёнка, совершили преступление не только перед ним, но и перед детьми, которых они произведут в будущем на свет. Родители, передавшие своим детям потенциал жестокости и подсознательного стремления к убийству, часто сами становятся жертвами жестокости своих детей и удивляются: откуда такая, по их мнению, несправедливость?

Для христианина убийство младенцев открывается не только как нравственное падение и деградация человека, но как страшная духовная бездна. В Библии сказано: «Не убей». Эта заповедь – неременное условие союза человека с Богом. При нарушении заповеди союз расторгается самим человеком: он остается без Бога. Убийство младенца – это не только убийство его тела, но и убийство его души. Душа переходит в вечность, не просвещённая таинством крещения, под печатью прародительских грехов. Она рождается в вечность как бы слепая.

В Карфагене стоял идол по имени Молох. Он был сделан из меди и серебра. Внутри его разжигали огонь, как в печи. Когда металл раскалялся, тогда на протянутые руки идола клали детей, которых добровольно приносили родители. Убийство ребёнка считалось высшей жертвой демону. Чтобы заглушить стоны и крики детей, жрецы играли на музыкальных инструментах, пели и плясали. Молох считался божеством богатства. И теперь этому демону богатства и наслаждения – гедонизма, приносятся в жертву дети.

Истребление ханаанских племен псалмопевец Давид объясняет карой Божьей за человеческие жертвоприношения. В колдовских и магических ритуалах средневековья кульминационным пунктом являлось убийство младенца, поэтому с мистической точки зрения аборт можно рассматривать как неосознанное людьми демонопоклонение, как всемирную гекатомбу (массовые убийства в честь богини Гекаты, богини колдовства и смерти, которую изображают обвитой змеями). Это неосознанное призывание демона всегда бывает услышано, и демон неразлучно находится с такими людьми.

Ни одно животное, ни одно пресмыкающееся – ни змея, ни скорпион – не уничтожают своих детёнышей, а человек эпохи цивилизации, просвещения и гуманизма превзошёл их в жестокости. Разумные существа, живущие на земле, стали безжалостнее змей и скорпионов. Пока убийство детей не будет объявлено самым большим злодеянием и поставлено вне закона, все призывы к миру и справедливости будут только маской на лице каннибала.

В агиографической литературе приведён пример самого глубокого нравственного падения, случившегося с отшельником по имени Иаков. Он совершил в состоянии опьянения прелюбодеяние и убийство, а затем скрыл труп своей жертвы, лишив его христианского погребения. Но здесь же описан и необычайный подвиг покаяния, который Иаков – падший подвижник, отвергнутый Богом прелюбодей и убийца

возложил на себя. В течение 10 лет он молился в подземелье, в каморке, вырытой под полом дома, где жил священник – его духовный отец. Он не видел солнечного света, питался только хлебом и водой; эта каморка была настолько тесна и низка, что он не мог стать во весь рост, не мог лечь на пол, а сидел скорчась. Через 10 лет последовало знамение, что он прощён. А супруги, обрекающие на убийство своего младенца, неоднократно повторяют грех Иакова, вовсе не думая о каком-либо покаянии.

Аборт это убийство жестокое и циничное, это лишение человеческого существа не только простого предания земле, но даже самой возможности стать христианином и наследовать блаженную жизнь в вечности. Имя первой женщины – Ева – означает «жизнь»; имя женщин-детоубийц – «смерть». Эти матери становятся демонами своего собственного тела: созданную Богом лабораторию, в которой зарождается и развивается человеческая жизнь, они превратили в плаху, на которой палач четвертует их ребёнка, чей труп затем находит место в какой-нибудь канализационной трубе. Эти женщины будут возмущены, если ктонибудь усомнится в их порядочности.

Иаков совершил свой грех в состоянии опьянения. В состоянии душевного опьянения гневом или ревностью убийца, не владея собой, может, как в припадке безумия, лишиться жизни свою жертву. Но при абортах происходит нечто худшее и более страшное. Родители спокойно, чуть ли не со счётами в руках, рассуждают, жить или не жить их ребёнку. Далек ли они ушли от тех нацистов, которые рассуждали, сколько килограммов мыла можно сварить из трупа или сколько мешков волос можно настричь у расстрелянных и задушенных в газовых камерах жертв?

Убийство с холодным расчётом, убийство ради выгоды – самый гнусный вид убийства и самое страшное падение человека. Великое бедствие – война; в ней как бы воплощается та сатанинская энергия греха, которую накапливает челове-

чество. На войне совершают жестокости, на поле боя убивают врага, но и погибают сами. А здесь убийца убивает беззащитного, он застрахован от такого же ответа. На поле боя воин решает свой спор с врагом, а родители, умерщвляющие своих детей, поступают намного хуже бандита и разбойника. По крайней мере, бандит и разбойник тоже идут на риск, хотя бы перед законом; а здесь закон молчит, здесь убийца заранее оправдан законами стран, которые декларируют право на жизнь, но не защищают это право; здесь убийца оправдан своей развращённой совестью и мнением современного либерального общества, которое, не протестуя против этого преступления, по сути дела, солидарно с убийцами.

Многие говорят о своём патриотизме, о своей любви к Родине, но Родина, прежде всего, сами люди. Родина – не только прошлое, это настоящее и будущее. Те родители, которые убивают младенцев, убивают будущее своей Родины. Они ведут геноцид против собственного народа.

АБОРТЫ – ВИД ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИИ САТАНЕ

Одним из самых страшных грехов языческого мира, обнаруживающим, как бы высвечивающим, сатанинскую сущность идолопоклонства, было приношение в жертву людей. Эти ритуальные человеческие жертвоприношения существовали на всех четырех континентах. Есть предание, что Каин не только убил своего брата из-за соперничества и зависти, но первым из людей принес кровавую жертву сатане. Часто ритуальные убийства производились особо мучительным способом, похожим на пытку. Например, жрецы народов майя, разрезали грудь человека, и затем вырывали

у него еще бьющееся сердце: именно живое сердце должно быть брошено на алтарь грозного солнечного божества. В такие праздники приносились в жертву тысячи людей, а когда не хватало пленников, то цари Юкатана предусмотрительно устраивали набеги на соседние племена, чтобы захватить как добычу юношей для жертвоприношения.

В Египте ежегодно перед весенним разлитием Нила в реку бросали избранных по жребию самых красивых девушек в дар Нилу, как будто божество реки требовало для себя лучших жертв; ни царский род, ни богатство не спасали «невест Нила» от смерти. В Индии существовала тайная община, называемая «душителями»; каждый из ее членов имел веревку и заступ. Употреблять оружие запрещалось, убийца должен был выследить одинокого путника, как зверь, подкрасться к нему сзади, набросить на шею петлю и задушить, затем тут же, у дороги, заступом вырыть могилу и закопать труп своей жертвы. Этим он хотел умиловить Кали – супругу Шивы – свирепую богиню смерти. У народов, населявших территорию Вьетнама и Камбоджи, существовал обычай: у пленных воинов вырезали печень и поедали ее, а человека оставляли умирать в страшных мучениях. В XX веке «красные кхмеры» восстановили этот обряд.

В языческом мире человеческие жертвоприношения были тесно связаны с оккультизмом и магией. Римский император Гелиогабал, будучи главным жрецом Рима и, кроме того, жрецом восточных солнечных божеств, известен тем, что вместе со своими жрецами-сирийцами убивал детей и по расположению их внутренностей предсказывал будущие события в империи. Даже после утверждения христианства кровавые жертвоприношения среди язычников тайно продолжались. Император Феодосий Великий (конец IV столетия по Р. Х.), чтобы убедиться в этом, приказал осмотреть помещение языческого храма Сераписа в Александрии. Но язычники, запершись в храме, представлявшем собой крепость, оказали

сопротивление. Когда правительственные войска взяли эту цитадель язычества штурмом, то в тайных комнатах и подземельях были обнаружены отрубленные головы детей с позолоченными губами, посредством которых жрецы Сераписа совершали волхвования и предсказания. В храме Астарты находились помещения, которые назывались «залами человеческой крови», что указывает на их злое предназначение.

В Грузии человеческие жертвы приносились до царствования Рева (II век до н. э.), который запретил их и был назван за это своими потомками «праведным». Кровавые жертвы существовали у балтийских народов и славян. Византийские историки с ужасом писали об обычае скифов купаться в ямах, наполненных человеческой кровью. В древней Греции во время гекатомб жрецы Гекаты закалывали множество людей. В Риме роль гекатомб стали играть гладиаторские бои, на которых присутствовал император, как верховный жрец, и служительницы огня – весталки, которым было предоставлено право решать участь побежденных.

В Библии написано, что ханаанские племена в Палестине приносили людей в жертву демонам, и это было главной причиной их истребления. Но все эти ужасы древнего мира меркнут перед теми гекатомбами, которые совершаются в наше время. Потоки крови убитых младенцев, сжигают как огонь несчастную землю: ведь каждая капля невинной крови это проклятие, произнесенное как приговор над человечеством.

Характерно, что языческий культ с его жертвоприношениями реанимируется в современном искусстве. Большинство песен на музыку тяжелого рока посвящено сатане: их сюжет – убийство, самоубийство, прославление дьявола, месть Богу, а в частности – убийство детей: «Я убиваю детей. Я люблюсь, когда они умирают», – вот начало одной из таких сатанинских песен. Окультисты согласны в том, что лучшая жертва сатане – человеческая кровь. Первая по своей ценности – это «кровь луны», сопровождающаяся та-

ким гнусным обрядом, о котором невозможно писать. Вторая – кровь детей и т.д. Как видно, кровь детей котировалась очень высоко у адептов черной магии. Известный сатанист XX_го века Алистер Кроули писал: «Глупость считать, что, убивая жертву, мы приносим ей вред. Напротив, это самая благословенная и милосердная из всех смертей, поскольку дух (убитого) тут же соединяется с божеством и достигает цели».³

В языческом мире мы можем указать еще на одно характерное явление. С людьми, которые предназначались в жертву для богов, обращались не как с преступниками, осужденными на казнь, а наоборот, их окружали особым уважением, ведь они становились достоянием божеств, как бы собственностью этих грозных духов. В глазах народа такие люди являлись вестниками, которые несут в загробный мир, как в далекую страну, послания от живых к умершим. Аристотель писал, что в Греции людей, выбранных для жертвоприношения, кормили за государственный счет и старались исполнить все их желания. У многих народов считалось особой честью быть принесенным в жертву богам, и люди не только добровольно, но часто с радостью шли на смерть; родители с песнями приносили к жертвенникам, залитым кровью, своих детей. Особо высокой жертвой считался первенец – старший сын; нередко отец своей рукой закалывал его.

В средневековье человеческие жертвы существовали в ритуалах тайных сатанинских сект. Во время сборищ колдунов и колдуний, называемых иудейским словом «шабаш», женщины, отдавшие свою душу сатане, приносили похищенных или собственных младенцев, которые употреблялись как снедь для общего пира. Их закалывал главный маг, который исполнял роль распорядителя пира. Затем тела детей резали

³ «Люди погибели», М., 2000 г. С. 162.

на части и варили в котле, пели гимны сатане и садились за трапезу.⁴ Это был пир ведьм, который подробно описывался их участниками, впоследствии раскаявшимися в своих преступлениях. Надо сказать, что сами сатанисты во время убийства детей не испытывали жалости к ним, и пожирали тела своих малюток не только без угрызения совести, но с ликованием и шумным весельем. Они считали, что, убивая детей, оказывают им милость, так как посвящают их души сатане, и царь ада с честью примет их в свою свиту. Надо помнить, что адепты черной магии считают сатану другом и помощником людей, а его изгнание из рая – только эпизодом борьбы, которую он ведет с Богом, и эта борьба закончится победой Люцифера и славой тех, кто служил ему.

Особой разновидностью убийства детей было умение вызывать выкидыши отваром ядовитых трав; тела малюток пожигались как изысканные блюда, кровавыми гурманами. Мы не будем останавливаться на всех гнусностях сатанинского шабаша, а хотим подчеркнуть, что демонопоклонники убивали и съедали своих детей, считая, что убитый младенец окажется под особым покровительством сатаны – будущего бога небес. Они как бы посылали их с почестями во дворец своего владыки.

В русских летописях написано, что когда варяг Феодор воспротивился отдать своего сына в жертву Перуну – боже-ству грома, то это вызвало возмущение язычников – киев-лян, как черная неблагодарность отца к боже-ству, который достаивал его сына такой почести. Разъяренная толпа сожг-ла их живьем.

⁴ «Они (ведьмы) убивают и едят детей, если они (младенцы) уже окрещены, а если попадает еще некрещеный новорожденный, то приносят его в жертву дьяволу». «Кровь таких детей (умерщвленных до крещения) служит цементом для мази, с помощью которой ведьмы совершают поездки на пабаш». (Орлов М. А. «История сношения человека с дьяволом». СПб, 1904 г. С.186). Аналогичные сведения содержатся в книге Шпенглера «Молот ведьм». Далее указывается, что, употребляя такую мазь, ведьмы могут вызвать выкидыши через прикосновение к телу. Там же. с. 186.

Зло имеет свою апологию. Человеческие жертвоприношения также опирались на языческую теодицию и апологию. Считалось, что эти жертвы – благо для государства, для рода, из которого выбиралась жертва, и для самого человека, предназначенного к убиению. Арабские историки описывали обычай у литовцев и славян, когда во время похорон князя его жены и слуги добровольно решались быть убитыми, чтобы не разлучаться со своим господином в загробной жизни.

Когда мы читаем о человеческих жертвоприношениях, которые совершались в горах Юкатана, в пустынях Африки и Аравии, в Карфагене и Риме, то нам кажется это какой-то фантазмагорией. И мы словно забываем, что человеческие жертвоприношения совершаются вокруг нас и рядом с нами, что это не далекое прошлое, а кровавое настоящее, что река человеческой крови, текущая в ад, становится все более многоводной, что в жертву сатане приносят своих детей не древние язычники, а те, кто осмеливается назвать себя христианами. И здесь для людей, совершающих детоубийство, нужна своя апология, свое оправдание греха, что бы остатки совести не мучили их.

Здесь возникают две разновидности апологии: одна для верующих, другая для неверующих. Неверующим внушается, что плод – это еще не человек, а существо, которое повторяет этапы эволюции, что в первой стадии он напоминает собой амэбу, а в предпоследних – обезьяну, поэтому здесь не может быть речи об убийстве человека. Они доказывают, что с юридической точки зрения плод является частью тела матери, и она вправе распоряжаться своим телом по собственному усмотрению (то есть аборт можно рассматривать как такую же операцию, как вырезка гланд или аппендицита). Затем человеку внушается, что аборт представляет собой даже нравственное действие, потому что перенаселение Земли грозит экологической катастрофой, и поэтому аборты служат чем-то вроде предохранительного клапана в котле, через который выходят излишки пара, иначе бы котел взорвался. Выходит, что роди-

тели, решающиеся на аборт, убивают своих детей ради будущности человечества, поэтому лукавая совесть может быть спокойна: аборт – это жертва, принесенная на благо человечества. Наряду с этим пропагандируется секс и поощряется разврат, которые способствуют развитию эгоизма и гедонизма в чудовищных размерах. Секс иссушает родительскую любовь к детям, делает их помехой для культа наслаждений, и тем самым толкает развращенную душу на преступление. Разврат разрушает семью, охлаждает привязанность супругов друг к другу, делает детей ненужной ношей для родителей. Люди и так готовы идти по трупам для достижения своей цели, а здесь еще учат, что умерщвленный плод – это труп существа, напоминающего человека, и перейти через него можно также свободно, как через тело дохлой собаки, наступив на нее сапогом.

На верующих людей, разумеется, такие доводы не действуют. Поэтому здесь применяется другая тактика: попытка через подтасованную ложь, даже богословского характера, примирить религиозное и родительское чувство с убийством ребенка, представив это преступление в глазах христиан не таким ужасным и отвратительным, каким оно есть на самом деле. Так возникает апология детоубийства, похожая на апологию языческих жертвоприношений, только более лицемерная и кощунственная. Сердобольные либералы от религии успокаивают родителей тем, что умерщвленный ребенок (плод) получит награду от Бога за свои страдания и, лишившись земной жизни, станет наследником рая, получит те блага, ради которых великие подвижники трудились десятки лет. Перед лукавой совестью человека появляется заманчивая перспектива – отправить младенца прямо на небо, убив его до рождения. Знаменательно, что такая теория возникла в православных странах синхронно с шумной рекламой противозачаточных средств и сексуальной свободы. К сожалению, в эту апологию включились некоторые священнослужители, пытающиеся найти в патристике хоть какие нибудь намеки о спасении

некрещеных младенцев, и не находя их, извращают тексты, то есть, говоря образно, «выкручивают руки» у прежних богословов. Неужели эти почтенные люди задались целью – оправдать преступление и тем самым стимулировать его? Мы считаем, что это не совсем так. Сознательное оправдание и поощрение аборта – грех Иуды. По нашему мнению, здесь главная причина в либеральном мышлении, которое просачиваясь в сознание современных христиан, как вода в щели корабля, извращает христианскую антропологию, стирает понятие о первородном грехе и этим самым убеждает, что человек без искупительной Жертвы Христа Спасителя, таинств Церкви, и причастия благодати Духа Святого, только по одной человеческой природе, он уже достоин рая и единства с Богом.

Современный либерализм заставляет забыть о том, что человеческая природа нравственно поражена и растлена, что душа младенца уже несет в себе первородный грех, который является потенцией всех грехов, что искупительную Жертву Христа необходимо усвоить каждому человеку через таинство крещения. Большинство людей, которые учат о спасении некрещеных младенцев, не задумываются о последствиях своей «гуманной» ошибки. Либеральное сознание через искусство, литературу и средства информации постепенно и незаметно изменяет христианский менталитет, поэтому главная причина этого учения – то, что называется «духом времени».

Надо отметить, что наш мир во многом возвращается к языческим временам, и само христианство для наших современников теряет свою метафизическую глубину и рассматривается в плоских юридических категориях. Когда-то в древнем Карфагене родители с радостью несли своего младенца на смерть, чтобы положить его на раскаленные руки медного идола, в чреве которого пылал огонь. Теперь родители идут в абортарии, успокаивая себя тем, что их ребенок будет в Небесном Царстве, а если убийство – грех, то ведь можно покаяться. А как покаяться? До следующего аборта.

Еще один штрих. Когда ребенка клали на огненные руки Молоха, то на его лице появлялась гримаса от боли, рот широко открывался и застывал в беззвучном крике, так, что выражение лица у малютки напоминало смех. Отсюда название «сардонический смех». Жрецы говорили, что это радость ребенка о том, что его принял Молох. Теперь либералы как будто повторяют слова жрецов Молоха, убеждая супругов, что убитый во чреве ребенок удостоится вечного блаженства.

Адам после грехопадения получил обетование, что мир будет искуплен кровью – Жертвой Невинного за виновных, Безгрешного – за грешных. Это древнее предание проходит красной нитью через всю Священную Историю – от зари человечества до пришествия Христа на землю. Мы искуплены кровью Христа Спасителя, пролитой на Голгофе, которая является для нас началом вечной жизни.

Падший первоангел Люцифер назван сатаной, что означает «противник». Он противник Бога; он кощунственно назвал себя богом и требует к себе божественного поклонения. Сатана, и его адепты знают, что человечество спасается Кровью Христа, и поэтому в черных мессах, которые совершаются в аду и на земле и в ритуалах черной магии, главным актом было принесение человеческой крови сатане. Особо высоко ценилась кровь младенцев – невинных малюток.

В сатанинских сектах существовала обязательная инициация: человек писал своей кровью расписку, что он добровольно отдает свою душу дьяволу, а если этот человек был христианином, то он снимал с себя крест и топтал его ногами. В мире существует огромное число сатанинских сект, и количество их все более увеличивается с каждым годом. Мы узнаем о злодеяниях, совершаемых поклонниками сатаны – о ритуальных человеческих жертвах, которые продолжают приноситься в настоящее время. Сатана по-прежнему требует человеческой крови, особенно крови детей. Поэтому на аборт мы смотрим не только как на социальное или психоло-

гическое явление, а как на нескончаемую, «черную мессу», в которую включена большая часть человечества, то есть, как на страшный оккультный феномен. Кровь младенца, пролитая его родителями, является их распиской сатане, только без адресата, но она безошибочно найдет своего хозяина. Каждое детоубийство – это расширение царства сатаны на земле и укрепление его владычества. Вместе с убийством ребенка свою душу отдают дьяволу, по крайней мере, трое: те, кто должны были стать родителями, но стали могильщиками ребенка, и тот, который совершил аборт, как жрец сатаны, который принес ему еще одну жертву.

Язычество и оккультизм неразрывно связаны друг с другом. У оккультистов для волхования употребляются имена демонов, взятых из каббалы, и имена языческих богов. Иногда из корней этих имен составляется одно имя, которое должен повторять неофит, вступающий в сатанинскую секту, как залог его союза с сатаной. Древние и современные оккультисты считали, что жертвам могущественных и свирепых духов в том мире будет хорошо. На этих сатанинских внушениях, похожих на массовый гипноз, держалось жертвоприношение людей, и это было не убеждением каких-нибудь дикарей, а наиболее культурных народов античности. Даже в гуманных Афинах, известных своим законодательством и философской просвещенностью, в праздник Аполлона и Артемиды приносили в жертву людей вовсе не гуманным способом: их сжигали живьем и пепел бросали в море.

Мы, читая о кровавых жертвах язычников и гнусных обрядах сатанистов, содрогаемся от ужасов и часто думаем, как хорошо, что эти времена прошли, теперь подобные злодеяния невозможно совершать в христианском мире, по крайней мере, явно. Однако, намного хуже и гнуснее, когда сами христиане приносят жертвы сатане, притом в невиданном для древности масштабе. Большинство семейств забрызгали кровью убитых детей свое ложе, затушили свой семейный

очаг, осквернили венцы, полученные от Церкви, надругались над молитвой Церкви, прочитанной в день бракосочетания перед алтарем о умножении их потомства, попрали те благословения, которые укрепляют семьи, отогнали благодать Духа Святого, как голубя, смрадным дымом, и открыли свои души и дома для демонов – первых человекоубийц. Вместо детей в их жилищах поселились, как хозяева, духи ада, и жизнь таких людей часто становится похожей на ад.

Известный сатанист и оккультист Кроули признавался, что в период 1922-27 гг., когда он интенсивно занимался изучением магии Тибета, то ежегодно приносил в жертву от 120-ти до 150-ти младенцев. Этот сатанист и наркоман, побывавший во многих странах Азии и на Тибете, не нашел лучшего способа для общения со своим божеством – сатаной, как принесение в жертву младенцев. Как мы писали, такие жертвы обычно соединялись с антропофагией. Надо сказать, что на средневековых шабашах, которые продолжаются в современных сатанинских сектах, различались обряды принесения в жертву крещеных и некрещеных младенцев. Над крещенными младенцами совершался краткий ритуал: в жертву приносились их тела, которые затем шли на общую трапезу, об их душах ничего не упоминалось. Что касается некрещеных младенцев, то при их заклинании пели особые гимны о том, что новые души посылаются к их властителю – сатане. Эти песнопения носили торжественно-радостный характер.

Следует сказать, что в Советской России впервые был принят закон о легализации аборта, то есть закон, разрешающий делать то, что в прошлые века считалось одним из тяжких преступлений, караемой виселицей.

Теми же силами в 90-х годах XX в. в России было проведено в жизнь постановление о том, что родители могут продавать новорожденного ребенка для фармакологических целей. И это не ново. Сатанисты готовили различные снадобья из органов убитых ими детей. Сюда входили и другие компонен-

ты, в том числе одурманивающие травы, кости повешенного преступника, пепел сожженной жабы и т.д., иногда в котел бросали пойманных змей. Был еще один способ приготовления магического снадобья: ребенка клали на решетку, под которой горел огонь, и собирали вытекающий из тела жир, затем смешивали его с жиром летучих мышей – это состав назывался сатанинской мазью. Теперь картина почти повторяется: родившегося, еще живого младенца кладут в холодильник, где он умирает, затем из его органов готовят лекарства, в том числе косметические мази и различные кремы.

Ведьмы мазали свое тело сатанинской мазью, отправляясь на шабаш. Современные дамы, отправляясь в театр или на вечеринку, мажут свое лицо той же самой мазью из убитых малюток, только приготовленной по иной технологии.

На шабашах употреблялось выражение «отдать ребенка его господину»; теперь о матерях, продавших на смерть своих детей, говорят: «Она отдала ребенка науке». Язычники клали ребенка на раскаленные руки Молоха – божества богатства, а в больнице не сжигают, а замораживают новорожденного. После этого мать получает плату за убитого ребенка и включает ее в семейный бюджет. Таким образом, она кормится из того же ведьминного котла мясом своих детей.

Неужели мы, будучи христианами, допустим, чтобы продолжалась кровавая гекатомба? Мы должны помнить слова святителя Григория Богослова: «Молчанием предается Бог».

Матернализм и фискальная жестокости

Детоубийство – это кровавый дождь, который, не переставая, день и ночь бесшумно льется на землю весной и осенью, летом и зимой. Кажется, что уже вся

земля окрашена красным цветом, что в голубом пространстве океана плавают одетые в багряницу крови материки, как огромные корабли после жестокой битвы. Мы говорили о преступлении людей, но есть еще один виновник этого кровавого побоища – это учение, которым демон отравляет сознание людей, это палач нашей совести, это многоликий и в то же время безликий материализм, который внушает нам со школьной скамьи, что человек – продукт эволюции, происшедший от низших форм, что эмбрион и плод человека – это не живое существо, а только вещество, из которого формируется тело, что это только биомасса в процессе преобразования ее в человека. Здесь ребенок до его рождения представляется как часть тела его матери, и она может освободиться от него, как мясник отсекает от туши кусок мяса. В этом перманентном преступлении материализм заставил забыть, что человек – прежде всего, образ и подобие Божие, луч, направленный от земли в бескрайние пространства духовного мира; что стержень человека – его бессмертная душа, которая дается при зачатия. Душа во время земной жизни обогащается знаниями, раскрывается в своих силах и способностях, но по природе остается одной и той же. Мы видим странный парадокс, жуткую трагикомедию: женщина, добрая и сострадательная по натуре, которая горько плачет о смерти своей собаки, которая не согласится резать цыпленка, чтобы приготовить обед, убивает своих собственных детей, отправляя их на трапезу демонам и считает, что это не живые существа, а отвердевшие сгустки слизи и крови, или куклы из кожи, набитые внутри жилами и костями.

Материализм как идеология превратился в эскалацию жестокости. Он привел человечество к двум войнам XX века, самым страшным в истории мира; он создал лагеря смерти не менее ужасные, чем поля битв. Но жертвы войн, концлагерей и застенков, все вместе взятые, не могут сравниться с числом детей, убитых своими же родителями.

Христианство учит, что эмбрион и плод – это человек, только с не оформившейся телесной структурой. На грузинском языке беременность названа «двумя душами», двумя жизнями – матери и ее плода. На русском языке убийство младенца названо «душегубством» – убийством жизни, убийством существа, имеющего душу. Поэтому одним из главных учредителей этой гекатомбы является невидимый, но вездесущий призрак – дух материализма, дух лжи, который глубоко отравил человеческий менталитет, который живет в нашей литературе и образовании. Он должен быть признан первым убийцей и сам приговорен к смерти судом человеческой совести, пока сама совесть не будет уничтожена им до конца.

О ЛЕГАЛИЗАЦИИ АБОРТОВ

Нам говорят, что легализация абортсв с 13-14 летнего возраста, то есть с детских лет, на всех стадиях беременности необходима, так как тайные аборты, к которым все равно будут прибегать подростки, производятся в нестерильных условиях, без профессиональных знаний, и поэтому угрожают здоровью и жизни женщины. Впервых, мы начнем с маленького возражения: почему мы не видим другой заботы о жизни и здоровье женщины, кроме легализации абортов, почему она проявляется не в защите материнства, а в уничтожении материнства? Если бы здравоохранение действительно волновало здоровье женщины, то оно предложило бы бесплатные роды, а не убийство плода (разумеется, мы говорим о бесплатных родах в реальном значении этого слова). Во-вторых, безопасных абортов вообще не бывает. Хирургическое вмешательство в эту область оставляет

тяжелые последствия в виде предрасположения к раковым заболеваниям и бесплодию, а нередко оканчивается смертью даже при стерильных условиях; мы уже не говорим о неизбежной психической травме.

Нас убеждают, что женщина, решившаяся на аборт, все равно сделает его. Значит, мы должны не бороться с преступлением, а содействовать ему, создавать при помощи законов и общественного мнения благоприятную атмосферу для де-тоубийства? Почему в таком случае не узаконить продажу и бесплатную раздачу наркотиков? Здесь можно привести еще больше аргументов. Например, несмотря на все запреты, наркоманы будут продолжать колоться. Для удовлетворения своей страсти, которая переходит в привычку и болезнь, они станут совершать преступления, вымогать у родителей деньги, отнимать у собственных детей средства для жизни и обогащать этим наркобизнес. Не лучше ли открыть в городах и деревнях специальные консультации, где врачи в стерильных условиях делали бы им впрыскивание наркотиков, чтобы наркоман не заразился СПИДом и не стал его переносчиком? Надо раздавать наркотики школьникам, чтобы они не воровали деньги для их покупки, и объяснять, какую дозу наркотиков нужно принимать, сообразуясь с весом своего тела, ведь дети будут практически учиться этому где-нибудь на улицах и могут умереть от передозировки. Нужно помочь детям и профессионально вводить в их вены оптимальное количество яда. В общем, надо устроить «культурный ад» на земле во избежание «стихийного ада».

Почему распространение и пропаганда наркотиков считается преступлением, а легализация и пропаганда аборт — гуманностью к женщине? Ведь и одно и второе ведет к вырождению личности и народа. Судебная статистика свидетельствует о том, что во всем мире повышается уровень преступности. При этом значительный процент приходится на поножовщину и убийства. Почему бы, в таком случае, не

открыть пункты, где производилась бы стерилизация ножей, чтобы раны после драк не были инфицированы; ведь все равно будут продолжаться преступления, почему не совершать их более гуманно?

Нам говорят: абортывы были и будут. Но само узаконение абортов нравственно развращает все общество. Значит, законы заботятся о том, чтобы убийца не потерпел вреда во время преступления, то есть допускает убийство, и даже поощряет его. Законы должны ограждать жизнь человека и защищать, прежде всего, жертву преступления – ребенка, а не насильницу, потерявшую совесть – его несостоявшуюся мать. Как понять то, что законы во многих странах запрещают смертную казнь за самые страшные преступления и, в то же время, позволяют убивать невинных, заботясь об убийцах?

Нас уверяют, что в условиях больницы больше женщин, совершающих аборт, выживет. Но кто выживет? – Люди, потерявшие совесть и свою человечность? Выживет кусок мяса, который продал дьяволу вместе со своим ребенком свою душу? Для чего выживет? Чтобы развратничать, зачинать детей и снова их убивать? Когда через законы легализируется аборт, тогда все общество становится убийцей, тогда все мы принимаем прямое или косвенное участие в каждой отнятой жизни, в каждой смерти ребенка.

У некоторых народов был такой обычай. Когда человека за преступление приговаривали к смертной казни, то на его шею надевалась петля с длинной веревкой, и все односельчане тянули эту веревку, чтобы никто персонально не считался его убийцей. Может быть, это делалось во избежание кровной мести? Так или иначе, но если мы молчим, то руки всех нас на веревке, которая душит младенцев, и мы ответственны перед Богом и собственной совестью.

Фон, на котором происходит убийство детей, уносящее больше жертв, чем эпидемии холеры или чумы, это разврат, который разрушает семейства, убивает уважение и любовь

друг к другу. Разврат стал терпимым явлением, но похоже на то, что скоро он станет престижным. Разврат, цинизм и убийство – это звенья одной цепи. Дети не защищены от самых мерзких картин разврата. Душа ребенка особенно чутка и восприимчива как к доброму, так и к худому. Здесь происходит массовое насилие над детьми и их духовное растрепывание. У человека с детства как будто хотят уничтожить чувство совести и чести, оторвать его от традиций своего народа, парализовать влияние семьи. Почему не запрещена телевизионная, уличная и газетная порнография? Нам отвечают: «Во имя свободы!» Но свободы от чего, и свободы для чего? Свободы от нравственности для удовлетворения самых низменных страстей, где оправдывается всякий разврат? Это уже не свобода, а свинство! На людей обрушиваются со всех сторон потоки грязи, которые буквально затопляют современное общество. Нельзя открыть журнал или включить телевизор, чтобы не увидеть самую мерзкую наготу интимной жизни. Людям, начиная с детского возраста, насильно впрыскивают инъекции яда и при этом говорят о свободе. Самое страшное еще не сам факт преступления, а его легализация, когда преступление делается обыденным, когда на него смотрят как на неотъемлемую часть жизни, когда оно не возмущает совесть общества, когда с ним свыкаются, когда оно никого не трогает, и до него никому нет дела.

Мы живем во время нарастающего как обвал разврата. Аборт нельзя рассматривать отвлеченно, он органическая часть бездуховности общества и культа наслаждений. Еще недавно аборт считался преступлением, теперь он стал обыденностью, но вскоре аборт станет признаком цивилизации, и тогда тех, кто осмелится порицать аборт, будут презирать и высмеивать как фанатиков и обскурантов.

Свобода абортотворения – это свобода убивать, это льготы, данные убийцам! Почему современные телепередачи постоянно вращаются вокруг одной оси – секса и убийства? Людям

хотят внушить в течение 24 часов в сутки, что разврат – это не нравственная аномалия, не надругательство над достоинством человека, а простая деталь жизни, как, скажем, завтрак или прогулка на свежем воздухе. В последствии блуда и разврата возникает эмоциональная холодность людей друг к другу. Разврат убивает человека как личность, от человека остается только его животная сторона.

Если душа потеряна, то все остальное – это мешок с костями и кровью. Но самое мерзкое, что растлители народа смеют называть себя христианами. Где для них достоинство человека как образа и подобия Божьего, где феномен бессмертной души, которая, только стяжав чистоту, может видеть Бога? Апостол Павел пишет: «Кто растлит свое тело, тот растлит храм Божий». Христос сказал о развратителях: «Лучше бы им повесить на шею мельничный жернов и броситься в море». Он сатану назвал «человекоубийцей от начала». А кто же вы? Дети Авеля или Каина?

Легализация абортс с детского возраста – это призыв детей к блуду и убийствам. Такой ребенок, нередко, становится законченным преступником. Его жизненный путь с самого начала забрызган человеческой кровью. Знаменитый христианский мыслитель II в. Климент Александрийский писал: «Женщина, извергая плод, выбрасывает вместе с ним из себя все человеческое», то есть, более глубокого падения не существует.

Легализация абортс для девочек тринадцатилетнего возраста, проекты преподавания сексологии в школах и тому подобные «культурные» и «благотворительные» мероприятия – это санкционирование духовного и физического растления детей, это снятие последних ограничений, хотя бы моральных, с блуда и разврата, это скольжение в пропасть, где нет дна и конца.

О противозачаточных средствах

Вопрос. Многие люди считают, что аборт – это убийство, недопустимое для христиан, но употребление противозачаточных средств, хотя тоже не вписывается в христианское понятие брака, может быть все же терпимым, ввиду условий нашей современной жизни. Широкий ассортимент этих средств имеется в каждой аптеке, особенно популярна т.н. «спираль». Нам говорят, что, по крайней мере, при употреблении противозачаточных средств не происходит убийства плода, по христианскому учению – живого человека. Правда ли это?

Ответ. Фармацевты, изготавливающие эти средства, и практикующие врачи скрывают действия таких препаратов. Здесь самоназвание «противозачаточные» имеет маскировочный характер. Ни одно из этих средств не может полностью гарантировать предохранение от зачатия и, поэтому, они направлены на последующее умерщвление плода. Большинство таких средств вообще не имеют прямого отношения к зачатию и рассчитаны на убийство живого эмбриона. Чаще всего они отравляют эмбрион. Что касается так называемой спирали, то и здесь такой же обман. Спираль препятствует не зачатию, а движению эмбриона – уже оплодотворенной клетки. Здесь, говоря языком христианской антропологии, происходит убийство человека с бессмертной душой, но еще с неразвившимся телом. Он лишается своей жизненной среды, необходимой для развития, и через несколько дней погибает. Если же эмбрион, несмотря на спираль, внедряется в тело матери, то спираль служит тому, чтобы отторгнуть его и выбросить вон. Происходит убийство, о котором может не знать и даже не подозревать женщина. Живой плод в ее теле

убивается механически или химически. Поэтому противозачаточные средства в большинстве случаев представляют собой миниаборт и в этом отношении не отличаются от обычного убийства.

Вопрос. Значит, между абортом и противозачаточными средствами можно поставить знак равенства?

Ответ. Да, но с одной оговоркой. Противозачаточные средства убивают намного большее число жизней, чем аборт. При употреблении таких средств у женщины происходит в среднем несколько зачатий в год, следовательно, несколько убийств. К сожалению, большинство женщин не понимают, что когда они приобретают спираль, то уже становятся потенциальными убийцами. Хотя Церковь запрещает употребление противозачаточных средств, но некоторые священники не понимают механизма их действия и считают, что здесь хотя совершается грех, но без убийства и пролития крови, и смотрят на него как на жестокую реалию нашей современной жизни, для которой не могут найти выхода и альтернативы. Поэтому бывали случаи, когда священники разрешали своим духовным чадам употребление противозачаточных средств и допускали таких женщин к причастию. Во время исповеди и причаствия в лоне женщины может погибать мучительной смертью убиваемый противозачаточными средствами ее ребенок. Причастие во время убийства – это страшный парадокс нашей современной духовной жизни!

Вопрос. Что вы можете сказать о современных методах лечения бесплодия?

Ответ. Римский папа приветствовал искусственное зачатие как выдающееся научное достижение. Я не буду касаться техники искусственного осеменения – это дело специалистов. Хочу только остановиться на самом распространенном методе, при котором используется концентрат спермы. Он

может одновременно оплодотворить множество клеток в пробирке (это уже живые существа). Затем несколько эмбрионов переносятся в тело женщины. Со временем делается новый отбор: один эмбрион оставляется живым, а остальные умерщвляются; обычно им прокалывают иглой сердце. При таком оплодотворении можно сказать, что плод растет на кладбище своих братьев и сестер. В брюхе живородящей акулы детеныши, подрастая, начинают поедать друг друга, пока не останется один наиболее сильный. Он выжил, потому что сумел сожрать других акул. Утроба женщины, согласившейся на такой метод лечения, похожа на брюхо акулы, где остается один эмбрион – остальные погибают, только не в борьбе друг с другом, а по выбору врача.

АБОРТ – БИД ПЫТКИ

То, что происходит во время аборта, похоже на демоническую фантасмагорию. Представим картину, из так называемых фильмов ужасов: человек попадает на какую-то планету, где обитают чудовища в виде огромных рептилий и пауков. Гигантский ящер бежит за ним, настигает его, хватая своими железными лапами и начинает грызть. Слышится хруст переломанных костей. Чудовище, насытившееся человеческой кровью и мясом, уползает в свою нору. Нечто подобное происходит во время аборта: инструмент вводится в тело женщины, ребенок чувствует смертельную опасность и замирает от ужаса. Железные когти щипцов впиваются в его тело, как лапы чудовища. Его разрывают на части, расплющивают голову, ломают позвоночник. Врач-убийца занимает место рептилии. Он внешне похож на человека, но потерял облик человека. В духовном плане – это

скорпион, вышедший на добычу; клещи – его кровавый рот, которым он хватается голову несчастного ребенка.

Другой пример. Пловца окружили акулы. Огромное море стало для него западней. Акулы, как бы играя со своей жертвой, делают вокруг него круги, которые сужаются все больше и больше. Наконец одна из них бросается на свою добычу, вырывает из тела кусок мяса и отплывает снова. Кровь как будто пьянит хищников, они бросаются на человека и разрывают его на части. Зубы акулы, как стальные пилы, режут кости. Через несколько мгновений алое пятно на поверхности воды исчезает.

Есть инструмент, похожий на диск с острыми концами. Палач разрезает им ребенка так, как строгают ножом трость. Ребенок погибает мучительной смертью. Если плоду уже несколько месяцев, то употребляют клещи. В древние времена была особая казнь для злодеев, называемая «четвертованием». Им отрубали сначала руки до локтя и до плеча, потом ноги, а затем голову. Теперь такой казни предают невинных детей. Щипцами отсекают им руки, отрывают голову, затем разрезают туловище на части. Тело матери превращается в плаху палача или эшафот с той разницей, что здесь казнят не преступников, а невинных. Их мучают за одну вину: что они появились на свет, и казнят за то, что они хотят жить.

Представим еще одну картину. Удав схватил человека, обвил его своими кольцами и затем медленно заглатывает своей огромной пастью. Еще живой человек находит свою могилу в брюхе змеи. Эта картина очень похожа на уничтожение плода при помощи метода, называемого «созданием вакуума». Эмбрион ловится трубкой, в которой создается атмосферный вакуум, и она засасывает его, вырывает из тела матери. Здесь роль удава исполняет инструмент, выдуманный человеком. Затем тело ребенка попадают в специальный ящик, похожий на коробку пылесоса, где собирается мусор. Мать пускает в свое лоно змею, чтобы убить своего ребенка, и это называется цивилизацией и научным прогрессом.

У кочевых народов Азии существовала казнь для особо важных преступников. Котел с водой ставили на костер, затем в него клали человека и закрывали крышкой. Вода постепенно нагревалась, пока не доходила до кипения. Человек умирал в страшных мучениях. Затем его тело, как сваренный кусок мяса, бросали собакам. Подобный метод употребляют «внуки» Гиппократата: в околоплодную жидкость впрыскивается концентрированный раствор соли. Он постепенно разъедает тело ребенка, выжигает ему глаза, проникает в легкие и жжет их как огонь. Плод испытывает такую же боль, как и всякий человек. Какие страдания он должен пережить в эти минуты, какое проклятие ложится на душу его матери? Через день женщина рождает убитого ею ребенка – обезображенный труп, на котором, как лохмотья, висит кожа.

В то время, когда вы читаете эту статью, на земле продолжается кровавая бойня. За эти несколько минут, пока ваш взгляд дойдет до последней строки, будут убиты десятки тысяч детей. Когда вы ложитесь спать, то помните, что в эту ночь будут совершены во всем мире страшные злодеяния, похожие на описание «вальпургиевой ночи», когда колдуны и ведьмы приносили в жертву младенцев и пожирали их.

Множество картин посвящено материнской любви: женщина прижимает к своей груди ребенка; сколько нежности и ласки в ее взоре! Теперь детей бросают в другие объятия – в костлявые руки смерти. Матери убивают своих детей и кидают во мрак метафизической ночи их души: из тьмы они переходят во тьму.

Когда вы просыпаетесь утром, то вспомните, что в это время в вашем городе палачи спешат на свою работу – в камеры пыток, которые называются «абортариями»; только они оденут на себя не красные рубахи палачей, а белые халаты. Железные клещи тянутся к ребенку, он чувствует приближение смерти, он в ужасе, рука палача не дрогнет от жалости – железные зубы вонзятся в его детское тело и разорвут на части. Он

беззащитен, он оставлен всеми, он предан обществом, в котором так много говорят о защите прав человека, он осужден на смерть законами, разрешающими аборт. Он отдан своими родителями под нож палача – убийцы, который живет на деньги от аборт, как от доходного ремесла. Много гнусных грехов творилось и творится на земле, но есть ли более циничный и мерзкий грех, чем убийство родителями своих детей, грех, которого не знают даже дикие звери!

Аргументы защитников аборта

Сторонники противозачаточных средств и аборт выдвигают против нас следующие аргументы:

Первый аргумент. Население земного шара быстро увеличивается. В настоящее время оно достигло 6-ти миллиардов. В одном Китае население превысило 1,5 миллиарда. Резкий демографический скачок произошел в Индии. Если так будет продолжаться, то земля не вместит людей уже через несколько поколений, поэтому аборты и противозачаточные средства являются необходимостью.

Ответ. Мы живем не в Индии или Китае, а в стране с определенными историческими традициями и народом, который в большинстве своем считает себя христианским, что обязывает его придерживаться христианской нравственности, как нормативов общественной и частной жизни и основы государственных законов. Наша страна вовсе не страдает от перенаселения, скорее обратное – ее население уменьшается, хотя сельскохозяйственные условия таковы, что она может пропитать в несколько раз большее население. Поэтому вопрос о перенаселении мы считаем искусственным и

не соответствующим реалии. Напротив, необходимо создать условия, когда рождаемость встречала бы поддержку, в том числе материальную, зафиксированную законами. Мы против детоубийств вообще, к какой бы нации и стране ни принадлежали бы люди.

Жизнь каждого человека уникальна и неповторима. Решать эти вопросы в плане законодательства и общественного мнения (информации) – мы должны на основе христианской веры, христианского учения о семье и браке, христианского убеждения в том, что плод на всех стадиях развития является человеком и к нему во всей полноте и силе относится библейская заповедь «не убей». Поэтому мы не можем принимать решения на основе чуждой нам материалистической или языческой антропологии, или требовать от буддистов или конфуциан принятия нашего мировоззрения. Давайте начнем не с глобальных вопросов, а с самих себя. Выводы здесь таковы. Нашей стране не грозит перенаселение. Христианская вера, а к ней относит себя большинство населения, не совместима с совершением аборт и практикой искусственного препятствия деторождения. Мы стоим не перед далекой перспективой перенаселения, а перед начавшейся трагедией вымирания, когда смертность выше рождаемости. Неужели мы примем коммунистическую идеологию оправдания убийств ради будущих поколений?

Нам хочется отметить тот очевидный факт, что родители, совершающие аборт, вовсе не думают о перспективе перенаселения земли. Это для них так же безразлично, как погода на Марсе, они просто не хотят утруждать себя рождением и воспитанием ребенка.

В этом проявляется рафинированный эгоизм, который должен быть осужден общественным мнением и законами. Здесь должны стать союзниками искусство, средства массовой информации и воспитание в школе, но пока мы видим обратное: людям проповедуется культ секса, то есть культ се-

блялюбия и наслаждения, а параллельно ему – культ убийства и звериной борьбы. Достаточно включить телевизор или открыть журналы, чтобы убедиться в этом.

Второй аргумент – ссылка на бедность.

Ответ. В таком случае следует бороться не с младенцами, а с бедностью. Надо добавить, что у зажиточных людей детей меньше, чем у бедных, так что здесь главное все-таки психологический и нравственный факторы.

Третий аргумент. Говорят, что рост населения нарушает экологическое равновесие на земле.

Ответ. Это равновесие давно нарушено и меньше всего виновны в этом несчастные дети. Земля буквально задыхается в отходах от промышленности, которые грозят превратить ее в мусорную свалку. Чтобы препятствовать экологической катастрофе, нужно сократить число химических агрегатов, сохранять леса от вырубки, а воды морей и океанов от загрязнения, как двух источников кислорода на земле. Необходимо уменьшить радиоактивный фон, прекратить эксплуатацию земли, которая превращает поля в пустыню, в том числе перестать применять искусственные удобрения, которые делают мертвой почву. Между тем продолжает расти производство механических монстров, отравляющих атмосферу и землю. Нам убеждают, что технический прогресс – это объективный процесс, которого нельзя остановить или обратить вспять, и предлагают другое: убивать детей, чтобы они не дышали и не расходовали драгоценный кислород.

Четвертый аргумент. Запрещение аборт и противозачаточных средств лишает человека наслаждения и радости жизни. Неужели все мы способны и должны стать аскетами, хотя не имеем к этому ни сил, ни расположения?

Ответ. Христианство вовсе не требует от людей насиль-

ственного аскетизма, иначе Церковь не учредила бы таинства брака, в котором призывает благодать Духа Святого на вступающих в супружество, и не возлагала бы на главы их венцы. Но здесь дело идет совершенно о другом – о гиперсексуальности, о распущенности и разврате, которые несовместимы с понятием о христианской семье как домашней церкви. Здесь человек, забывая о высших духовных ценностях, стремится к одному – выпить до дна чашу наслаждений, которую разбавляет кровью собственных детей. Поэтому гиперсексуализм уже вылился в форму людоедства – пожирания родителями своих детей.

Но перед нами стоит еще другой вопрос: действительно ли секс главное и лучшее в жизни, как теперь хотят нас уверить. Обратимся к самым великим умам человечества на протяжении всей ее обозримой истории, пусть это будут философы, политики, ученые, летописцы, поэты. Все они утверждали, что истинное счастье человека заключается в подчинении тела душе, в обуздании страстей и темных инстинктов, в твердости воли, в умении ограничивать себя, в служении высшим идеям. Это были люди, которые создали великие философские системы и бессмертные произведения искусства, которые умели тонко чувствовать красоту и гармонию мироздания; люди, гений которых принадлежал всему человечеству и всем временам, мудростью которых питались целые поколения. Это не были аскеты, ушедшие из мира, о них мы будем говорить отдельно, а люди, любившие свои семьи, преданные своим друзьям, занимавшие различные посты в государстве, отличавшиеся гражданской доблестью. Все они определили счастье людей как их нравственное внутреннее состояние, как чувство чести, как чистоту и мужество души, как верность в любви и дружбе. Даже плотская супружеская любовь была для них неким символом другой, высшей любви, которая единственно может дать человеку счастье. Неужели все эти люди были фанатиками, бесплод-

ными мечтателями или человеконенавистниками только потому, что считали разврат и свободный секс погашением духа, рабством ума, растрепанием человеческой воли, одним словом, низменным и бесцельным существованием? Даже язычник Платон говорил, что существуют две Афродиты – земная и небесная. Земная Афродита без небесной превращается в публичную девку.

Христос учит о борьбе с греховными помыслами, о чистоте сердца, которая дает возможность человеку видеть Бога, то есть реально ощущать благодать Духа Святого. Неужели Христос хотел отнять у людей лучшее? Христианство учит о целомудрии, как вне брака, так и в самом браке, только через это целомудрие супруги могут сохранять истинное уважение и любовь друг к другу от первого дня брака до самой смерти. Неужели опыт христианской Церкви ложен и иллюзорен? Неужели святые мученики и преподобные, духовной красотой которых восхищается наше сердце, ошибались в том, что проповедовали своей жизнью целомудрие, а не разврат? Почему у всех народов во все времена разврат назывался грязью, блуд – падением, а супружеская верность и целомудрие – чистотой? В безудержном сексе люди обкрадывают себя, отнимают у себя лучшее, залепляют грязью свои глаза и становятся неспособными видеть небо. Теперь хотят развратить детей с первого пробуждения их сознания. Уже есть проекты при рождении девочек хирургическим путем лишать их девственности, чтобы не было у них комплекса целомудрия. Правда, это только проект, но ядовитые семена прорастают быстро. Такие дети будут похожи на родившихся в тюрьме, которые не видят ни простора земли, ни красоты небес, которые адаптировались к зловонному воздуху темницы. Если открыть им дверь и сказать: «Вы свободны», то они в страхе забьются в углы своих клеток.

Те, кто говорят, что свободный секс и разврат дают человеку счастье и полноту жизни, похожи на тех, кто хотят

превратить всю землю в огромный общественный туалет и уверяют, что в этом великое благо для человечества. Что касается беспокойства о том, что родители не смогут прокормить своих детей, то это неверие в Промысл Божий: Господь даст столько детей, сколько надо, и позаботится о них. А если родители будут испытывать материальные трудности, то, как раз в этом, они будут исповедниками христианства. Апостол Павел пишет: «Женщина деторождением спасается».

Пятый аргумент. Если раньше люди радовались рождению ребенка, то теперь нам стараются внушить, что иметь много детей неприлично для культурной семьи. Одна дама прямо сказала: «Я не свинья, чтобы рожать столько детенышей».

Ответ. Она права в том, что она не свинья, это было бы большим и незаслуженным оскорблением для животного. В семье, где один или два ребенка, на которых сосредотачиваются заботы родителей, чаще всего дети вырастают эгоистами-потребителями, которые впоследствии отплачивают своим родителям черной неблагодарностью. А в многодетных семьях дети помогают и заботятся друг о друге, то есть учатся великой науке – любить, и великому искусству – ограничивать свои прихоти. Эта привитая с детства привычка к заботе и самоотдаче в жизни сделает их более счастливыми.

Вопрос. Что нам необходимо в настоящее время?

Ответ. Срочное открытие роддомов и больниц для бедных и нуждающихся, где производились бы действительно бесплатные роды с бесплатным обслуживанием, и оказывалась бы всесторонняя медицинская помощь роженицам и младенцам. Необходимы пособия и льготы для многодетных семейств. В этом должны объединить свои силы государство, общественность и частные организации. Наряду с этим должны быть осуждены и запрещены в законодательном порядке порнография и разврат.

Вопрос. В нашей стране действуют многочисленные иностранные миссии, пропагандирующие сексуальное обучение, защиту детей от влияния родителей (в том числе право ребенка вступать в интимную жизнь), однополые браки и т.д. Они готовы бесплатно снабжать население целым ассортиментом противозачаточных средств, в целях «благотворительности». Почему такие миссии не построили больницы с современным оборудованием, где бы бесплатно, то есть без поборов под разными предлогами, принимались бы роды, включая сюда медикаменты и квалифицированную врачебную помощь?

Ответ. Спросите у них самих.

СОВРЕМЕННЫЙ МАТЕРИАЛИЗМ И АПОЛОГИЯ РАЗВРАТА

Когда мы говорим о нравственности, то часто чувствуем, что наши собеседники не понимают нас, как будто говорят на другом языке. У современного человека изменен христианский менталитет. Он может верить в Бога, молиться Ему, посещать богослужения и принимать таинства, но в то же время мыслить, составлять шкалу ценностей и делать оценки с позиции, привычного ему гуманизма, где центральное место занимает не Бог, а человек.

Современные христиане как будто забыли о первородном грехе и, если даже сознают свою личную греховность, то всецело переносят ее в область этики, между тем как грех пустил глубокие корни в саму природу человека. Гуманизм заявляет, что все природное и эмпирическое – естественно, а естественное имеет право на реализацию и удовлетворение, только оно должно регулироваться в общественной жизни

определенными правилами. Христианство учит другому, а именно, что эмпирическая природа вовсе не идеальная природа, а потерпевшая деформацию. То, что мы называем естественным, несет в себе отпечаток болезни, поразившей душу и тело. Эта болезнь – грех. Поэтому смысл и задача жизни – в переходе от эмпирического к идеальному, а не в удовлетворении всех импульсов и желаний невозрожденного благодатью человека. Само слово спасение говорит о том, что нам грозит опасность, от которой надо спастись. Мы находимся перед выбором между жизнью и смертью. Наше спасение от смерти и ада – это Жертва Христа.

Неожиданно для нас (а может быть не так уж и неожиданно) перед современным обществом, значительная часть которого называет себя христианами, встал вопрос: является ли разврат нравственным преступлением, и может ли быть легализован гомосексуализм?

Еще несколько десятилетий назад такой вызов нравственности был бы невозможен. И вот некоторые люди начинают развивать теорию о том, что разврат вовсе не преступление, а гормональное нарушение, что это факт, имеющий не субъективный, а объективный характер, и поэтому гомосексуализм должен быть оправдан и огражден от порицания и наказания, хотя бы в виде общественного мнения. Весьма знаменательно, что эти люди ищут оправдания греха в биологии. Так как нарушение гормонального равновесия – это функциональное расстройство, то, следовательно, гомосексуализм должен быть принят как объективная реалья. Странная аргументация. В крови убийцы и садиста повышается адреналин и изменяется его химический состав, следовательно, надо признать, что присутствие адреналина делает убийство или садизм естественным проявлением природы, и поэтому после лабораторного анализа убийца должен быть оправдан, так как поступал естественно. В крови у блудника и насильника тоже происходит гормональное изменение, действующее

на психику. Неужели поэтому блуд и насилие должны быть реабилитированы? У некоторых преступников наблюдается выраженная наследственная дегенеративность. Неужели поэтому их преступления перестают быть аморальными? Здесь гуманизм входит в противоречие с самим собой. Ему на помощь приходит либерализм, со своим учением вседозволенности, чтобы скрыть эти внутренние противоречия. Но гуманизм постоянно диссонирует с христианством.

Христианство стремится не реализовать, как бы увековечить, эмпирического человека во всех его проявлениях, а преобразовать его в идеального человека, осуществить саму идею человека, которую воплотил в Себе Христос и сделал образцом жизни для нас. Христианская мораль требует, чтобы разврат перед судом совести, общественного мнения и законов всегда был осужден как преступление, как демонизация человека, как надругательство над образом Божиим в человеке, как отказ от христианства. Человек, борющийся со своими пороками, вовсе не обедняет себя, а живет более глубокой жизнью. Напротив, человек, поддающийся порокам, и тем более оправдывающий их, живет в болезненных, неестественных демонических комплексах. Свою личность, как духовное начало, он сужает до размера улитки. Теперешний гуманизм, распрощавшись с романтизмом и заключив союз с либерализмом – своим партийным другом – хочет внедрить мысль о том, что человек это всего на всего сексуальное существо. Между тем, половое влечение вовсе не является необходимостью для человека, как пища и дыхание. Оно должно быть регулировано сознанием и направлено, прежде всего, на продолжение рода, то есть, осуществляемо в брачном союзе, а не являться императивом для человека. Голый секс выродается в патологический секс, а он ведет к нравственному и физическому уничтожению народа, превращает людей в каких-то нравственных слизняков.

В нас живет грех, но не связывает свободную волю чело-

века, не детерминирует наши поступки. Господь говорит уже на первых страницах Библии: «Грех лежит у порога, но ты владычеству над ним». Если мы христиане, то похоть не должна стать доминантой нашей жизни. Рафинированная похоть превращается в какую-то постоянно зудящую накожную болезнь. Неужели это главная цель человеческой жизни? Оправдывать разврат, то есть адаптироваться к нему, это значит потерять смысл христианской жизни. В таком случае более честно не называть себя христианами и снять со своей груди крест. Апостол Павел, говоря о мерзостях языческих, которые поставили человечество на грани вырождения, упоминает этот мерзкий грех, который мужчину превращает в женщину, а женщину в мужчину.

А есть ли вообще счастье в блуде? Многие выдающиеся умы говорили о том, что высокое человеческое достоинство – это разумное ограничение себя в браке, если только не возможно полное воздержание. Даже такие враги христианства, как Лев Толстой и Максим Горький, признавали трагичность этого вопроса. Во все времена воздержание и владение своими страстями считалось признаком мужества. Но пусть не отчаиваются те, чьи души обуреваемы греховными помыслами и искушениями, а сопротивляются им как врагам. Св. Иоанн Лествичник пишет: «Я видел людей от природы кротких, а также раздражительных и гневливых, которые путем борьбы с собой достигли кротости, и посчитал последних высшими первых». Чистота от времен Адама перестала быть свойством нашей души. Она приобретается в тяжелой духовной борьбе. Но у нас есть помощь – это благодать Божия, лишь бы было твердое произволение самого человека.

Беседа Убитого младенца с его Убийцей

Га человек, лишенный человеческого имени. Я ребенок, не имеющий родителей. Меня похитила смерть прежде, чем я родился. Из тьмы я перешел во тьму, не увидев света. И все-таки я обращаюсь к тебе со словом «мать», – к той, которая носила меня в своем чреве, а затем бросила на костлявые руки смерти, как будто, переходя реку, швырнула меня посередине потока.

Я хочу сказать тебе, что я любил тебя еще прежде своего рождения, которое оказалось смертью. В тот час, когда железные когти приблизились к моему телу, то я беззвучно закричал: «Мама, спаси меня». Когда они впились в мое тело, как зубы хищников, я закричал: «Мамочка, не убивай меня, мамочка, пощади меня», но все было напрасно, и чрево матери стало для меня местом казни.

Мать, за что ты убила меня? Наверно, ты не знала, как я любил тебя, когда был единым телом с тобою. Я хотел обвить своими руками твою шею, но они отрублены палачом. Я хотел прижаться к твоей груди своим сердцем, но его пронзило железо. Я хотел, чтобы ты носила меня на своих руках, но ты бросила меня в холод вечной ночи. Младенцев кладут в колыбель, а мое тело, расчлененное на части, бросили в мусорную яму среди бинтов, пропитанных кровью, и гниющих отбросов. Никто не плакал над моим телом, никто не положил его в гробик. Я нашел свою могилу в зубах крыс, которые рыскают на свалке. Мать читает молитвы над своим спящим ребенком, а кто здесь найдет и приглубит меня? А я даже боюсь сказать слово «мать», когда вспоминаю когти, которые разрывали мое тело, и когда в этот час тело матери стало для меня телом холодной змеи.

Есть два святых слова, это Бог и мать. Бог не оставил меня Своей милостью, но глаза мои, не просвещенные крещением, не видят Его, а другое святое слово – мать – я потерял, тебе оказалась ненужной моя любовь.

Ребенок в минуту опасности кричит «мама». Пока жива мать, человек не одинок, он не оставлен, он знает, что сердце матери не отвернется от него, хотя бы весь мир восстал на него, что мать согреет его своей любовью. Я – сирота при живой матери. Она бросила меня в ночь вечности, даже не взглянув мне в лицо. Она без вины осудила меня на казнь, она без суда предала меня смерти. Но она более несчастна, чем я. В то время, когда клинок убийцы резал мое тело, он умертвил ее сердце, и она, потеряв свое сердце, не знает об этом. Ты не только лишила меня земной жизни, ты лишила меня Церкви. Я нахожусь у ее ограды, но не в ней. Я вижу свет, льющийся из нее, но не могу войти в нее. Поэтому, мать, ты стала убийцей не только моего тела, но и моей души. Помни, мать, что в убийстве невинного повторяется суд над Христом. Иуда продал Невинную Душу за 30 сребреников. Ты продала меня за право быть свободной от своего же дитя, и сама заплатила за мою смерть. Ты поступила как Иуда. Каиафа осудил невинного. Он сказал, что пусть погибнет один человек, чем народ. А ты решила, что пусть лучше умрет твой невинный ребенок, якобы для блага своей семьи, как будто я не твой ребенок. Христа распяли на Кресте, и ты приговорила меня к распятию. Теперь я хотя не вижу Лица Божьего, но знаю, что Он хочет всем спасения.

Ты не услышала моих слов, когда я кричал от ужаса в твоём чреве: «Мама, пощади меня», теперь хотя бы услышь другие слова: «Мать, пощади себя, пощади свою душу, омой ее слезами покаяния», а если будет у тебя другой ребенок, то отдай ему ту любовь, которую должна была мне, пусть он чувствует тепло материнских рук, пусть он слышит молитву над своей колыбелью. Просвети его крещением, чтобы он не вошел в тот мир слепым, как я. Чтобы, если он умрет в младенчестве,

услышал над своим гробом песнопения Церкви, а в небе ангельское пение, – то, чего ты лишила меня.

И все-таки, в той жизни я не лишен отблеска света Христа, хотя бы струящегося издалека, и в лучах этого света я люблю тебя, моя несчастная мать.

О ТЕЛЕВИДЕНИИ И СЕРИАЛАХ

В последнее время голубой экран телевизора оккупировало уже не кочевое, а оседлое племя – это многосерийные фильмы. До этих пор телевизор был похож на минитеатр, расположенный в доме: кончается представление, опускается занавес театра, гаснет свет рампы, и зритель прощается с героями пьесы, вернее, с артистами, которые идут в гримерную, где снимают театральные одеяния, и счищают грим с лица. Если раньше телепередачи проходили как короткие встречи, то в многосерийных фильмах человек буквально вживается в чужую жизнь, получает как бы двойное гражданство, живет в своей и чужой семье. Персонажи многосерийных фильмов становятся для него близкими и родными или, наоборот, врагами, которые грозят его благополучию. Он питает к ним самую настоящую, неподдельную дружбу и любовь или же отвращение и ненависть. Он переживает за них больше, чем за своих друзей по эту сторону экрана. Он страдает за них, принимает их неудачи как свои собственные, радуется их счастью, он ревнует и негодует, как будто сказка Гофмана об ожившей кукле, в которую влюбляются, как в живую девушку, стала действительностью. Кажется, что персонажи этих фильмов вышли из экранов и живут в его доме. Когда человек находится на работе или в кругу своей семьи, он высчитывает время, когда можно будет включить телевизор и уйти в ирреальный мир экрана.

Он ждет этого часа, как ждут свидания. Он смотрит на экран, как на дверь, через которую он входит в другой дом, ставший для него родным. Это – мир грез, только написанных по сценарию. Человек становится похожим на наркомана, который уходит от себя, от окружающих его людей, от своих забот и невзгод. Он испытывает чувство, подобное невесомости, только без потери сознания. Что происходит в душе этого человека? Приблизительно то же, что с теми, кто имеет вторую семью на стороне. Вначале он как бы делит между ними свое сердце, а затем постепенно все больше остывает к своей семье. Ему становится скучно и неуютно в том доме, где он жил много лет. Жена кажется ему грубиянкой и неряхой, а дети ни к чему не способными существами, которые занимаются только одним – шумят и не дают ему отдохнуть после работы, а сама квартира – тесной, неуютной и грязной. Он старается скрыть свои чувства, держать себя по-прежнему в своей семье, но появляется то, чего нельзя утаить – это холод отчуждения.

Экран взял у человека его душу, выжал из него все силы, а что осталось, похоже на отжимки винограда, из которого сделали вино. Он играет в своем доме прежнего супруга и отца. Надо сказать, что наркоманы и пьяницы также становятся отчужденными и безразличными к своим родным.

Св. отцы заповедали нам стараться часть дня и ночи посвятить молитве к Богу, мысленно уйти от этого мира, как бы подняться над всем временным и проходящим, над всем, что во власти тления и смерти. Для того чтобы молитва имела крылья, надо ограничивать внешние впечатления, обуздывать воображение, фантазии и заключать ум в слова молитвы. А здесь у экрана человек наполняет свою душу концентрированными впечатлениями, он загружает ими свою душу, и она становится подобной путнику, который идет в гору и несет на плечах тяжелый мешок с камнями. Эти образы и впечатления, хранящиеся в глубине души, во время молитвы выплескиваются на поверхность сознания, и человек молится как

будто при шуме бури, не слыша собственных слов. Святые отцы учили, чтобы вся жизнь человека должна быть приготовлением к молитве, а здесь у телевизора человек продает самое дорогое – свою молитву.

Содержание многосерийных фильмов – это жизнь мирских людей, далеких от Бога, занятых земными проблемами. Если они касаются религии, то показывают ее в нарочито-искаженном виде. Духовные лица представлены так, чтобы вызвать негативное отношение – отвращение и насмешку. Человека вводят в интимный мир персонажей этих фильмов. Здесь часто сценарии идут по Фрейду; пансексуализм пропитывает все взаимоотношения людей, как вода пропитывает губку. Разврат превращается во что-то обыденное и привычное. У людей, которые часами сидят у телевизора, происходит адаптация к духовной грязи, они перестают ощущать ее зловоние, они успокаиваются на той мысли, что так живут все люди. Христианская мораль начинает казаться им каким-то фанатизмом. Они прямо не высказывают этого, но начинают жить какой-то компромиссной моралью. Мы бы назвали это нигилистической нравственностью. Еще недавно у людей отнимали Бога, а теперь отнимают душу, топят ее в грязи разврата, как в помойном ведре слепых котят.

Император–братоубийца

В византийских летописях содержится мрачное повествование о злодеянии, совершенном одним из императоров. У этого царя был брат, отличавшийся благочестием и милосердием. Он пользовался за свою безукоризненную жизнь и справедливость любовью народа. Император возненавидел своего брата. Ему казалось, что

тот хочет отнять у него корону. Придворные льстецы, чтобы получить награду от императора, плели как пауки интриги, и втихомолку шептали ему, что назревает заговор – с целью свергнуть его с престола. Напрасно брат пытался рассеять подозрения царя и с клятвой уверял его, что никогда не хотел взять на себя бремя власти. Но император продолжал верить клевете. Обычно человек судит о других по себе самому. Император решил насильно постричь его в монахи и посвятить в диаконы, чтобы лишить права занимать какую-нибудь светскую должность. Человек, слагающий духовный сан, становился в глазах народа почти вероотступником. Брат тотчас изъявил согласие, и благодарил царя за то, что тот определил ему лучшую участь – служить Небесному Царю.

Прошло несколько лет. Диакон с усердием исполнял свое священное служение, и когда брал в руки чашу с Кровью Христовой, то со слезами молился о брате. Но дьявол овладел сердцем царя – брат даже в одеянии диакона казался ему соперником, и он тайно подослал к нему убийц. Злодеяние совершилось. «Теперь я могу уснуть спокойно», – сказал царь, но в ту же ночь он увидел страшный сон, подобный видению. Пред ним предстал убитый диакон. Держа в руках чашу с кровью, он сказал: «Пей, брат, это моя кровь, пролитая тобой». В ужасе проснулся император, а когда снова прилег на ложе, то, едва сон смежил ему глаза, он вновь увидел брата с чашей крови, который говорил: «Ты получил, брат, то, что хотел – мою кровь, пей ее, пусть будет она сладкой для тебя».

Так продолжалось каждую ночь. Он видел брата в окровавленной одежде диакона, который вместо евхаристической чаши держал другую чашу, со своей кровью, и говорил: «Ты жаждал моей крови, я принес ее тебе, пей, брат». Затем это видение стало являться ему днем. Царь впал в мрачное уныние и однажды, в приступе отчаяния, покончил жизнь самоубийством – бросился в раскаленную печь.

Лучше ли несчастного царя поступают те, кто убивает сво-

их собственных детей; кто нанимает убийц, чтобы ценой человеческой крови сделать свою жизнь более легкой и свободной? Видение убитого брата – невинного страдальца – как тень преследовало царя. Пусть помнят супруги, которые убивали своих детей, что эти малютки невидимо приходят по ночам к изголовью их ложа, с чашей, наполненной кровью, и говорят: «Вот, кровь, пролитая вами, пейте эту чашу до конца».

Реабилитация Содома и Гоморры

В 60-е и 80-е годы прошлого века были реабилитированы коммунисты, подвергшиеся репрессиям. В 90-е годы реабилитированы были белогвардейцы, а к концу II тысячелетия началась реабилитация жителей Содома и Гоморры. Оказывается, дела содомлян не имели характера преступления, следовательно, наказание их было незаслуженным, и Мертвое море является памятником не божественной кары над развратниками, а несправедливого суда. Для этой реабилитации нужно постепенно и последовательно подготовить общественное мнение, чем и занимаются телевидение и пресса. Пока у нас нет еще однополых браков, как в некоторых европейских странах, но постыдный разврат считается ненаказуемым и вполне легальным, более того, он объявлен частью человеческих прав и свободы.

Разврат – это не физическое, а психологическое, вернее, патопсихологическое явление. Человек, потерявший правильное эмоциональное восприятие мира, не может мыслить правильно, будучи нравственным отщепенцем, он не может защищать нравственность, между тем, как таким людям открыт доступ к различным должностям и постам. Общество, где разврат не осужден, уже не может называться христиан-

ским. Развратники делают то, о чем апостол запрещает даже упоминать, как о позоре человечества. Развратник лишает себя прав быть членом Церкви и даже присутствовать на богослужении до своего искреннего покаяния. А теперь нас уверяют, что это только «новые краски» в палитре чувств.

Некоторые художники – авангардисты утверждают, что навоз – это тоже новая краска, которой можно писать картины...

Сексуальная патология – это тяжелая болезнь, которая может разрушить нацию, уничтожить народ. Отцы самого известного церковного собора Грузии, называемого Руисо-Урбнийским (XII в.), обличая содомский грех, писали, что этот мерзкий разврат был главной причиной падения Персии, а затем Византии. Теперь Содом и Гоморра находятся в стадии реабилитации в православных странах. В Греции, которая является одним из центров Православия, стоят здания с наглой вывеской: «Содом». Какие-то силы хотят само человеческое сердце растрепать и превратить в Содом.

Бог обещал Аврааму пощадить преступный город, если в нем оказались бы десять праведников, но их не нашлось. Что будет с нами, когда среди нас не окажется и десяти праведников, сохранивших себя от скверны и душевной нечистоты? – Об этом безмолвно свидетельствует Мертвое море...

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮДОЕД

Недавно в одном из журналов был помещен портрет преступника – психопата, который убил и съел нескольких человек. На читателя с глянцевого листа смотрит дегене ративное лицо – тупое и равнодушное, лишенное каких либо человеческих чувств. Злодеяние обнаружилось случайно: сосед, зайдя в его двор, заглянул в котел и увидел куски человеческого тела.

Разумеется, этот журнал посмотрят и прочтут многие из тех мужчин, которые заставляли своих жен делать аборты, и женщины, которые сами стремились убить своего ребенка во чреве. «Какой ужас!» – скажут они о пойманном полицией людоеде. А на самом деле здесь происходит нечто более ужасное: людоед со страницы смотрит на людоедов, которые держат этот журнал, и каннибалы возмущаются при виде портрета своего брата каннибала.

Это похоже на басню об обезьяне, которая смотрит в зеркало и, видя свое отражение, не хочет узнать себя. Супруги, сделавшие десяток абортов, говорят о людоеде, съевшем вдвое меньше людей: «Неужели это возможно в наш цивилизованный век? Таких надо не судить, а убивать на месте; мало его расстрелять, надо сжечь его на костре», – говорят они. Значит, совесть настолько атрофировалась у них, что они искренно считают себя благородными и нравственными людьми, а не убийцами детей. Завсегдатаи абортариев еще смеют негодовать на людоедов! Здесь, на земле, тюремная решетка разделит этих каннибалов друг от друга, но на том свете не окажутся ли они в одном месте – в одном хороводе сатаны?

Похищение и продажа детей

Одним из самых гнусных промыслов, который когда-нибудь существовал в мире, является похищение и продажа людей. Но из гнусного гнуснейший – это похищение младенцев у их родителей. В преступном мире существовала особая каста – похитителей детей; они вызывали отвращение и презрение даже у своих собратьев – воров и убийц. Эти разбойники требовали у родителей выкуп

за похищенного ребенка, а при замедлении или отказе маленького пленника убивали, иногда мучительным образом, а затем его голову и рассеченное тело подбрасывали под дверь дома. Несчастные родители готовы были продать все, что имели, что бы спасти жизнь ребенка, но не всегда могли удовлетворить этих двуногих вампиров, питающихся кровью, и тогда они получали дьявольский подарок – труп своего ребенка, или он бесследно исчезал. В некоторых случаях ребенка продавали профессиональным попрошайкам, особенно из цыган, которые жалели своих детей, а купленного ребенка увечили, обжигали ему лицо или отсекали ручку, чтобы получить больше подаяния от сердобольных людей. Когда ребенок подрастал, тогда его обычно убивали, чтобы не обнаружилось их злодеяние.

Теперь повторяется тот же кошмар, только правосудие не может защитить человека. Женщина, готовящаяся стать матерью, должна выкупить своего ребенка: если она не соберет нужную сумму денег, то ее ребенок погиб. Раньше в каждом селе были повивальные бабки, которые могли принять у рожениц младенца. Эта наука передавалась из поколения в поколение. Было редким случаем, когда ребенок погибал при родах. Затем прием родов тем, кто не имел медицинского образования, был запрещен, и отнесен в разряд уголовных преступлений. За несколько десятилетий это искусство было забыто, теперь в селе вряд ли найдется женщина, которая бы знала, как принимать ребенка. А на дверях больниц и родильных домов висит огромный замок для бедных. Жизнь ребенка оценивается в такую сумму, которая у бедного человека не была в руках. Что ему делать? – Идти на преступление, ограбить или убить другого, чтобы принести в больницу деньги и сохранить жизнь своему дитя? У кого должны матери выкупать своих детей, какая мафия похищает у них младенцев, как жизнь ребенка может оцениваться деньгами? Опять та же разбойничья альтернатива: или принеси выкуп, или твой

ребенок обречен на смерть. Но здесь скрывается еще одна нравственная катастрофа. Если раньше похищение детей вызывало огромное возмущение, и похититель, попавшись на своем преступлении, не мог рассчитывать на снисхождение, то теперь люди равнодушно смотрят на то, как за жизнь требуется выкуп и как дети во чреве матери погибают из-за того, что родителям нечего продать, неоткуда собрать деньги, чтобы увидеть своего ребенка, чтобы услышать его первый крик.

Плач матерн

Вавилонский царь Навуходоносор вторгся в Иудею и осадил Иерусалим. Огромное войско окружило город со всех сторон, как волны моря – остров. До последнего дня, пока не пал Иерусалим, осажденные защищались с отвагой и мужеством, которыми удивляли вавилонян. Иудеи ожидали помощи от египетского царя, но помощь не пришла. Когда вавилоняне ворвались в город, в Соломоновом храме шла служба, но, казалось, что Бог не слышал молитв. Иудеи надеялись, что Господь вновь поразит их врагов, как некогда поразил Синахирима, но чуда не произошло – небо безмолвствовало. Сама храбрость защитников города и упорное сопротивление оказались для них самоубийственными. Иудейский царь Седекия, увидев, что город пал, хотел скрыться бегством на колеснице – но куда он мог скрыться от Божественной кары? Седекия был пойман, ему выкололи глаза и вместе с другими пленниками отправили в Вавилон. За что Господь наказал Город, который Он Сам избрал? За что рукой язычника сжег дивный храм – трон Божества на земле? Библия говорит об этом скупыми словами: царь и народ впали в идолослужение, даже в потайном подземелье

храма приносились жертвы идолам, которых псалмопевец назвал бесами. До нас дошло древнее коптское житие пророка Иеремии, раскрывающее перед нами, как занавес, страшную тайну царя Седекии. Царь приносил демонам жертвы, от которых содрогались сердца у самих язычников: он вспарывал тела беременных женщин, вырывал плод и бросал его к ногам идолов, и над трупами этих детей совершал волхование. Должно быть, он надеялся с помощью демонов снова вернуть власть над всей страной, над обоими царствами: Иудеей и Израилем. Господь уничтожил ханаанские племена в наказание за человеческие жертвоприношения, а теперь царь иудеев и многие из народа превзошли жестокость хананеев: им мало было убивать детей, для своих дьявольских мистерий – они вырывали ребенка из чрева матери, заставляя обоих умирать в мучениях.

Пророк Иеремия призывал царя к покаянию, но сердце царя окаменело; он велел бросить Иеремию в ров, наполненный нечистотами, чтобы его обличитель задохнулся там, как в топком болоте. Но Иеремия остался жив и продолжал укорять царя, однако тот оставался непоколебимым в своем упорстве. И тогда, по попущению Господню, в наказание народу, чей грех был больше, нежели грех язычников, вавилонский царь Навуходоносор разрушил Иерусалим. Народ, которому через пророков были даны откровения, убивал этих пророков. Народ, которому был дан закон Моисея как свидетельство союза с Иеговой, расторг этот завет и, впав в идолопоклонство, заключил иной союз с сатаной. В храме шла служба Истинному Богу, а в подвалах храма тайно поклонялись идолам. С горы Сион священники звуками серебряных труб возвещали о наступлении праздников, а во дворце царя Седекии из животов еще живых матерей вырывали младенцев для волхования и жертвоприношения бесам.

Навуходоносор вначале колебался: исполнять ли ему приговор Божий Иерусалиму? Он не хотел идти войной против

города, который называли святым, и дважды отказывался от похода. Только услышав грозное повеление Божие в третий раз, он уже не посмел противиться и пошел со своими войсками на юг, в Иудею. Языческий царь стал карающим мечом в деснице Божией, дабы поразить отступников, стал пылающим факелом, чтобы сжечь дотла преступный город вместе с храмом. Город, который был светильником мира, превратился в пепелище. Кровь младенцев и их матерей сожгла этот город, как во времена Лота дождь из горящей серы сжег Содом и Гоморру. Оставшихся в живых иудеев победители превратили в своих рабов и отправили в Вавилонию. Пленников со всех концов Палестины вначале собрали в городе Рамма, где была гробница праматери Рахиль. Когда огромные толпы народа – юношей, девушек, матерей с детьми, окруженные псами, как стадо овец – вели на север мимо этой гробницы, то из нее слышались рыдания: как будто Рахиль оплакивала участь своих детей. Но разве только Иерусалим был запятнан кровью невинных младенцев? А теперь вся наша земля напитана этим кровавым дождем.

Слуги царя Седекии хватали несчастных женщин, как охотники зверей. В потаенных залах дворца, где стояли идо­лы, в присутствии царя – распорядителя кровавого пира – женщинам вспарывали животы и вырывали младенцев, будто это были не живые существа, а плоды, срываемые с деревьев и приносимые на стол гостям.

Теперь сами родители убивают своих детей, даже не думая о том, что невинная кровь, как проклятие, обернется страшной карой на них и принесет бедствия последующим поколениям.

Рахиль рыдала в гробнице, видя, как ее детей уводят в плен – в рабство и на смерть. Это – образ Родины, называемой на всех языках «матерью», которая рыдает горькими слезами над своими убитыми детьми и их убийцами.

ОТНОШЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ РЕЛИГИЙ И СЕКТ К АБОРТАМ

Только христианская религия, а точнее Православие, открывает нам метафизическую трагедию греха детоубийства и глубину вины родителей перед умерщвленными ими детьми. Формально все религии, кроме сатанинских сект, запрещают детоубийство.

Буддизм и индуизм в различных их формах и вариантах осуждают убийство не только человека, но и всякого живого существа. Однако согласно теории перевоплощения – метемпсихоза, душа убитого переходит в новое тело, а так как она потерпело страдание, то новое воплощение будет для нее ступенью ввысь по лестнице духовной эволюции; карма станет чище, следовательно, душа, получив возмездие за грехи в прошлой жизни, «станет рангом выше», как бы пройдя через очистительный огонь. К тому же большинство новых течений, школ и оккультных сект, разделяющих теорию метемпсихоза, учат о том, что плод, только пройдя через определенные фазы развития, получает эфирные ментальные и астральные тела, и становится человеком. Следовательно, уничтожение эмбриона в первые недели его существования не считается человекоубийством. Такого учения придерживался Штайнер; такое мнение разделяют иллюминаты, розенкрейцеры, и члены других оккультных союзов и сект.

Иудаизм считает, что младенец, как и всякий еврей, принадлежит Израилю, поэтому убийство младенца – это похищение собственности Израиля, однако весь Израиль, в конце концов, будет спасен по молитвам Авраама и Моисея. (Некоторые раввины считают, что душа вселяется в плод тогда, когда тело приобретает человеческий облик; а в Талмуде и

Каббале иногда проскальзывают идеи, близкие к метемпсихозу.)

Ислам строго запрещает детоубийство – оно отнимает воинов ислама. Само многоженство рассматривается как возможность иметь многочисленное потомство. Ислам учит, что все магометане, без исключения, будут спасены по молитвам Магомета и его преемников – имамов, хотя допускают, что грешные мусульмане получают временное наказание в аду. Таким образом, ислам, как и иудаизм, учит о спасении младенцев, убиенных и умерших во чреве матерей.

Баптисты и большинство протестантских рационалистических сект, отрицающих необходимость крещения детей, считают, что их младенцы спасаются по вере общины. Таким образом, согласно этим учениям, родители – убийцы грешны перед телом ребенка, но не перед его душой. Характерно, что Цвингли развил оригинальное учение о том, что умершие младенцы язычников спасаются или гибнут по предвидению Бога, Который «Иакова возлюбил, а Исава возненавидел» до их рождения.

В христианских конфессиях, сохранивших апостольскую преемственность, т.е. литургическое предание, хотя и в деформированном виде, содержится учение о том, что младенцы, не омытые от первородного греха таинством крещения, не могут войти в Небесное Царство и остаются чуждыми Церкви.

В этом отношении знаменательно учение католиков. Хотя оно, в отличие от Православия, приуменьшает значение первородного греха и видит в нем главным образом потерю благодати, однако считает, что без благодати, получаемой в таинстве крещения, невозможно войти в Небесное Царство – Царство благодати. В католицизме сотериология упрощена и требования к человеку снижены по сравнению с Православием. Однако католицизм, несмотря на искажение многих догматов и постоянное стремление сблизиться с со-

временным гуманистическим мировоззрением, не решается объявить, что спасение младенцев возможно без крещения и причтения их к Небесной Церкви, минуя земную Церковь.

Конфессии, сохранившие иерархическую преемственность: католицизм, монофизитство и несторианство, подобно Православной Церкви, учат о том, что некрещенные младенцы не могут быть спасены, и ни одна из них не допускает поминовение мертворожденных на литургии, как не принадлежавших к Церкви. Если католицизм считает, что первородный грех только лишил Адама и его потомков сверхъестественной благодати, то Православная Церковь учит, что первородный грех извратил природу человека, и только Голгофская Жертва, передаваемая через крещение, может возобновить союз человеческой души с Богом. Поэтому аборт не только убийство тела ребенка, но лишение его души вечной жизни – участия во славе Христа.

Что касается материалистического мышления, то жизнь для последовательного материалиста – это только структурное понятие; элементы приняли устойчивую форму живого организма – определенный тип, передаваемый по наследству. Смерть – это возвращение элементов в свое первоначальное состояние. Для материалиста человеческий плод – это только «строительный материал» в процессе незаконченного производства, но еще не живой человек. Кроме того, так называемый биогенез, – спекулятивное учение Геккеля о фазах развития плода во чреве матери, соответствующих эволюционной лестнице Дарвина от амебы до человека, – позволяет думать, что на определенных стадиях беременности женщина убивает различные биологические существа от амебы до обезьяноподобного примата, а не человека. Несмотря на то, что биогенез был давно разоблачен как подделка и шулерство под именем науки, но он вместе с дарвинизмом со школьных лет внедрялся в сознание современников.

Теперь наше общество как будто освобождено от духовных

оков атеизма. Но кем мы стали? Кто мы теперь? Если наш народ действительно придерживается христианского мировоззрения и нравственности, то детоубийство во всех его формах должно быть осуждено. Этот вопрос – один из пробных камней нашей веры. Супруги, решившиеся на аборт, этим самым уже отреклись от Христа, показали лживость своей веры и вписались в духовное потомство каинитов.

Мы против аборта, к какому бы народу и религии ни принадлежал бы человек. Но конфуциане и буддисты сами решат свои проблемы, поэтому мы ответственны, прежде всего, перед своей страной, перед народом, перед ее прошлым и будущим. Здесь мы должны честно ответить на вопрос: христиане мы или псевдохристиане, для которых вера – это одно имя, не обязывающее ни к чему.

Прощенный палач

Больница как бы воплощает в себе одну из самых высоких христианских добродетелей – милосердие к человеку. Уже в древние времена от врача требовались не только профессиональные знания, но и высокое чувство нравственности. Врач давал клятву, называемую клятвой Гиппократата: не повредить больному, не использовать свои знания во вред здоровью и жизни людей, не отказывать нуждающимся в помощи, не быть орудием каких-либо интриг, хранить в тайне то, что он услышит от больного, и не считать себя вправе даже в безнадежных случаях прерывать человеческую жизнь. Врач был обязан оказывать помощь даже раненым врагам, попавшим в плен, облегчать страдания преступникам, приговоренным к смерти. Врач был доверенным лицом в доме больного, часто советником и почти что чле-

ном семьи. Библейская заповедь «не убей» была в полном и совершенном ее объеме обязательной для врача. Врач, ни при каких условиях и ситуациях, не мог исполнять работу палача. В древности врачи не имели права делать аборт, этим занимались только преступники от медицины, а то и люди, которые не имели вообще никакого отношения к врачебному искусству, а только знали, какими средствами можно вытравлять плод. Этим людей карал закон суровыми наказаниями вплоть до смертной казни, а Церковь отлучала их от причастия, как разбойников и убийц.

Во всех словах, относящихся к медицине, корнями являются «здоровье», «врачевство», «целитель» и т.д. Само слово «медицина» происходит от имени Медеи – легендарной Колхидской царевны, которая при помощи трав могла продлевать жизнь людей, возвращать им здоровье и даже молодость. Таким образом, призвание, долг и присяга врача – бороться за жизнь человека. Противоположное медицине занятие – работа палача. Убийство людей, даже преступников, осужденных на смерть законом, вызывало чувство омерзения и отвращения. Профессия палача считалась самой гнусной и позорной. Палачу не подавали руки, с ним не садились за один стол, даже его дом старались обходить стороной. Толпы народа собирались на казнь преступника, окружая эшафот, как театральную сцену. Но обычно палач вызывал большее отвращение, чем сам преступник. Гладиатору могли аплодировать зрители Колизея, но работу палача, какой бы точной она ни была, встречали гробовым молчанием. Он был исполнителем черного дела, может быть нужного, но более презренного, чем дело ассенизатора. Палач не имел друзей; собственные дети стыдились сказать, кто их отец. Обычно палач жил на окраине города; во двор к палачу не заходили гости, только лишь стражник тюрьмы стучал в его ворота и говорил, в какой день он должен явиться для исполнения смертного приговора. Но и стражник старался

не переступить порог дома, построенного на человеческой крови.

В средневековых хрониках рассказывается об одном случае. Шла война между германскими княжествами, называемая 30-летней войной. Король в одной из битв потерпел поражение и должен был бежать, скрываясь от врагов. Он одел поверх своей одежды плащ странника, закрыл капюшном лицо, чтобы его не узнали, и так, пробираясь по ночам, по тропинкам, минуя большие дороги, достиг пограничного городка. Он постучал в ворота дома, прося ночлега, но ему никто не отпер, подошел к другому дому, но в ответ услышал только брань и лай собак. И вот в конце города он увидел дом, где светился огонь – значит, хозяева еще не спали. Он постучал в двери. «Что надобно тебе?» – спросил хозяин. «Я бедный странник, я изнемогаю от усталости и голода, пусти меня на ночлег», – сказал король. «Зайди», – ответил хозяин. Гостю дали пищи и вина, а затем уложили спать. Наутро странник сказал хозяину: «Ты узнаешь меня?» Хозяин ответил: «Откуда я могу знать тебя, когда никто не заходит в мой дом». Странник откинул капюшон, сбросил с себя плащ и сказал: «Я – твой король и хочу покоролевски наградить тебя за гостеприимство. Кто ты?» Тот упал ему в ноги и сказал: «Я не принял бы тебя, если б знал, что ты король, – ведь я палач». Король нахмурил брови и опустил голову в раздумье. Для него позор, если люди узнают, что он ночевал у палача. Потом король выхватил меч из ножен, и палач воскликнул: «Ты, наверное, хочешь убить меня за мой невольный проступок». Король ответил: «Опустись на колени»; и, дотронувшись мечом до его плеча, сказал: «Я дарю тебе графское достоинство; до того как я вошел в твой дом, ты был палачом, но я ночевал в доме у графа, как у одного из своих вассалов». От этого человека ведет начало известная фамилия немецких рыцарей, а сам бывший палач был убит во время войны, сражаясь за своего короля, и, истекая кровью,

с радостью принял смерть, как возмездие за человеческую кровь, которую проливал он.

Еще недавно был неписанный закон: палачу не подавали руки. Ведь рукопожатие – это знак солидарности. Если же палач, забывшись, протягивал руку, то она повисала в воздухе. Дотронуться до нее было также противно, как прикоснуться к человеческой крови. Однако какая разница между палачом средневековья, который казнил осужденных законом, о котором можно было бы сказать, что закон убивал, а он только исполнял, и современными палачами в белых халатах, которые убивают не преступников, не злодеев, наводивших ужас, а невинных младенцев? Кто ниже пал? Кто потерял свою душу? Палач, презираемый всеми, который в одиночестве проводит вечера у горящего очага и в отблеске огня видит, как призраки, выплывающие из его памяти лица людей, искаженные страхом смерти и болью. И врач, который дал клятву бороться за жизнь человека, а убивает в десятки раз больше человеческих жизней, чем любой инквизитор и палач, и при этом он не чувствует угрызений совести.

Ему пожимает руку муж женщины, которой он сделал аборт, ему платят деньги, как будто он не убил, а спас ребенка. Уже древние сказали: «Не столько страшно преступление, сколько узаконение преступления». Самое страшное, что убийство разрешено законом, самое страшное, что оно не вызывает в обществе чувства ужаса и протеста. Видя дачу или автомобиль, которые купил человек за цену крови убитых детей, многие с завистью говорят: «Видно хорошо зарабатывает, знает как надо жить».

Как такой человек может быть христианином, как он может верить в Бога? Ведь если он поверит, что нерожденный младенец – это человек с бессмертной душой, что есть высшая справедливость и вечное возмездие, то призраки убитых детей будут терзать его сердце день и ночь. Но если случится чудо, и сердца этого человека коснется благодать, проникнет,

как луч солнца в глубокое подземелье, то пусть он не отчаивается и знает, что милосердие Божие неисчерпаемо, только он должен искупить свои преступления глубоким раскаянием и посвятить остальную жизнь спасению таких же младенцев, каких он убивал. Ведь Господь более милосерден, чем король, который принял в свои друзья палача.

Благовещение и материнство

Праздник Благовещения – это день всемирной радости. Нам хочется поделиться мыслями о подвиге, который совершила Дева Мария, ответив Архангелу Гавриилу: «Вот, Я раба Господня, пусть будет по слову твоему». Мы будем говорить о человеческой стороне этого подвига.

Господь в Своих великих деяниях оставляет свободной человеческую волю. Со стороны Девы Марии Ее ответ был подвигом самопожертвования. Священники Иерусалимского храма знали, что Она дала обет девства, и именно поэтому обручили Ее с праведным восьмидесятилетним старцем, который должен был стать Ее вторым отцом. Рождение ребенка при таком браке должно было расцениваться как прелюбодеяние, а оно по законам Моисея каралось смертью. Говорить о тайне боговоплощения Дева Мария не могла – священники храма приняли бы это за богохульство, само по себе достойное смерти. Праведный Иосиф при всем его благочестии и необычайной доброте мог быть убежден в этом только откровением Божиим, а не словами юной девушки. Более того, по закону он был обязан объявить о состоянии Девы Марии суду, иначе он оказался бы клятвопреступником.

Евангелие, приписываемое апостолу Иакову, повествует

о том, что в Иерусалимском храме Деву Марию и Иосифа подвергли испытанию через заклätую воду, приняв которую умирал тот, кто произнес ложное свидетельство или совершил клятвопреступление. Дева Мария, имея ясный и пронизательный ум, знала, что Ирод – узурпатор царской власти – страшится, чтобы кто-нибудь не отнял у него иудейский престол, принадлежащий по праву потомкам Давида. Если бы даже свидетельство Девы Марии о Ее дивном зачатии было бы принято, то оно явилось бы так же смертным приговором для Нее со стороны Ирода, так как Она и Иосиф Обручник принадлежали к роду Давида, потомков которого особо боялся Ирод. Чудный младенец в его глазах стал бы царем – мессией, который бы, прежде всего, возвратил себе престол Давида и сверг власть идумеев. Поэтому, по-человечески, над Девой Марией нависло, как черные тучи, ожидание смерти; если суд не поверит в сверхъестественное зачатие, то – смерть по закону Моисея; если бы поверил, то – смерть от убийц Ирода. Что могла противопоставить этому юная Дева? – Упование на волю Божию и преданность Его Промыслу.

Господь хранит мир и каждого человека. Он сказал, что волос с головы не падет без Его воли. Но для этого нужна вера не только в то, что Бог существует, но что жизнь каждого человека в Его руке, что Его слово – истина.

Самым светлым лучом в ветхозаветной истории была Библия, но теперь книги Моисея – Тора, как бы обратившись в руках человеческих против Марии, осуждали Ее на смерть. Самым темным периодом в истории Иудеи было правление Ирода, а теперь это темная сила, уничтожающая все на своем пути, должна была обрушить всю сатанинскую ненависть, порожденную страхом, на дивного Младенца – Мессию и направить клинок убийства в грудь юной Девы. Что Она могла противопоставить этому? – Веру, молчание и молитву.

Благовещение – день всемирной радости. Если бы Дева

Мария поколебалась в своем уповании на Бога, то будущая история человечества была бы другой. Воплощение Сына Божьего, Который стал Сыном Девы, Который родился как младенец, должно показать нам, какой драгоценностью является человеческая жизнь. Пусть свет Благовещения озарит совесть тех женщин, которые предпочли стать иродами по отношению к собственным детям. Пусть они осудят себя в страшном грехе человекоубийства, чтобы не быть с сатаной – первым человекоубийцей – в его мрачном царстве.

Через покаяние возвращается благодать, но для этого надо не бояться увидеть бездну своего падения. Когда священник поздравляет с днем Благовещения и Рождества Христа, то пусть ангелы-хранители храма видят пришедших сюда не дочерей Ирода, забрызганных кровью, а послушниц Божьей Матери, или тех грешниц, которые омыли свои грехи слезами покаяния, такими же горькими, как кровь убитых ими детей.

О том, в каком страшном испытании и, по человечески в безвыходном положении оказалась Дева Мария, или какому огненному испытанию подверг Ее промысл Божий, говорят краткие, как бы скупые слова Евангелия. Иосиф был праведником и поэтому он хотел тайно отпустить Марию. Он, будучи исполнителем ветхозаветного закона, не мог оставить в своем доме женщину, которая зачала ребенка от блуда, как думал Иосиф, не будучи посвященным в тайну Божию. Отдать Ее на суд, как требовал закон, он по своей доброте не мог, это было подобно тому, как убить обручницу своей рукой. Старец не упрекнул Марию, так как, будучи праведным, сам не судил никого, а суд предоставлял Богу. Он не упрекнул Марию ни одним словом, но глубоко мучился в своем сердце, поэтому его молчание было хуже укора. Если бы Иосиф сказал, что этот ребенок его, тогда он солгал бы

перед священниками храма, а это было невозможно для старца: лгать в храме – это значит лгать Богу. Иосифу было легче умереть или видеть Марию в гробу, чем выдать Ее суду, и праведный старец решается тайно отпустить Ее: он больше не видит выхода. Обычно мы не задумываемся над тем, что лежит под этими словами. Мария должна покинуть дом старца, но куда может Она идти? Ее родители уже лежат в могиле, дом их отдан другим, от родных Она должна скрываться, значит, Мария должна идти в какую-то другую страну, скрыв свое имя. Что могли подумать о Ней? Что это беглая рабыня, или что это женщина, совершившая преступление? Где Она могла бы укрыться без родных и без дома? Скитаться, как нищенка? Но в лохмотьях нищенки Ее юная красота привлекла бы взоры людей, подобных хищникам. Но это решение праведному Иосифу казалось единственным выходом, чтобы сохранить жизнь Марии, и Она могла в сердце своем сказать те слова псалма, которые произнес на Кресте Ее Божественный Сын: «Боже мой, Боже мой, зачем Ты Меня оставил». Но помощь Божия приходит тогда, когда исчезает другая надежда. Ангел явился Деве Марии в день Благовещения. Ангел явился во сне Иосифу, потому что Иосиф не мог перенести присутствия ангела наяву, и сказал: «Не бойся принять Марию, жену твою», то есть, не бойся назвать Ее своей женой, Она не изменила своему обету девства, и ты будешь чист перед законом Моисея.

Кого Господь избирает Себе, то избирает через испытания и страдания.

Подвиг императора Константина

Существует древнее сказание о святом равноапостольном царе Константине Великом. В молодости он был язычником, но по примеру своего отца Хлора, правителя Британии, тайно покровительствовал христианам. Константин отличался мужеством, справедливостью, милосердием и был любим своими подданными и войском. Неожиданно его постигло несчастье, одно из самых страшных бедствий, которое могло выпасть на долю человека. Константин заразился проказой, и тело его стало покрываться гнойнными язвами и струпами, как у Эдесского царя Авгаря, которого исцелил апостол Фаддей.

Прокаженный обречен на медленную смерть. Тело его покрывается вначале белыми пятнами, которые потом мертвеют и перестают чувствовать боль, даже если их прижигают огнем; затем на их месте возникают гноящиеся язвы. Тело отваливается кусками подобно чешуе змеи, из ран течет зловонная сукровица; лицо опухает и становится похожим на львиную пасть; проваливается нос, гниют челюсти, и человек становится похожим на маску смерти. На лице обнажаются кости, из глаз капают слезы, смешанные с гноем, руки опухают и пальцы разрушаются сустав за суставом. Человек становится похожим на живого мертвеца, который встал из могилы, когда тело его наполовину изъедено червями. Язвы прокаженного источают невыразимый смрад. Даже самые близкие и родные боятся приблизиться к нему. Прокаженных изгоняли из домов, они жили в лесах и пустынях, питаясь подаянием людей, которые клали пищу в определенном месте и поскорее уходили от логова прокаженного, как от проклятого места.

Царь Авгарь закутывал лицо свое черным покрывалом,

когда говорил со своими подданными, может быть, поэтому его называли Авгарь Черный. Он был исцелен по вере в Иисуса Христа через прикосновение к Нерукотворному образу Спасителя, а затем последние язвы на лице исцелил апостол Фаддей, крестив Авгаря.

Но Константин был язычник и, хотя покровительствовал христианам как справедливый правитель, но мало что знал о Христе. Он обращался за помощью к языческим врачам, но болезнь была неизлечимой, и все врачебное искусство оказывалось бессильным дать хотя бы малое облегчение. Тогда врачи сказали ему, что есть еще одно, последнее средство – принимать ванны из крови детей. Константин долго не соглашался, но болезнь усиливалась. И вот во дворец принесли детей – малюток, отобранных у родителей, чтобы их кровью лечить проказу будущего цезаря. Константин услышал их плач и вошел в комнату, где были собраны эти дети. Врачи убеждали его, что другого средства нет, иначе он должен умереть мучительной и страшной смертью, а до этого годами носить на себе свое тело, как у разлагающегося и гниющего мертвеца. Константин стоял в раздумье. Он слышал плач детей, видел страх в их глазах, как будто они догадывались, зачем отняли их у матерей и принесли во дворец, который должен стать их могилой. И вот чувство сострадания, как луч небесного света, озарило сердце язычника. Он сказал: «Пусть лучше я буду болеть и умру, чем получу исцеление, пролив кровь этих детей», и приказал отнести их назад, а родителям дать дары из царской казны.

И Господь совершил чудо: язвы проказы стали заживать и затем исчезли бесследно. Неисцелимая болезнь отступила перед силой Божией. За милость к детям, ради которых язычник готов был принять мучительную смерть, Господь дал ему высшую милость: Свою благодать.

Здесь произошло первое, еще тайное, обращение Константина в христианство. Может быть, если не милость Кон-

стантина к этим малюткам, то он не познал бы Христа, и история Церкви и мира была бы иная. Если бы он исполнил совет язычников, то душа его покрылась бы вечными язвами, и он предстал бы на вечный суд в образе прокаженного.

Пусть подумают над этим те, кто готов ради своего временного и иллюзорного благополучия пролить кровь своих детей и остаться навеки прокаженными.

ЗАКОНЫ ВОЙНЫ

Войны есть свои неписанные законы: там можно оставаться человеком или превратиться в зверя. Одно из страшных преступлений на войне – это убийство детей. Некоторые дикие племена мстили побежденным тем, что разрезали животы у беременных женщин. Существовала свирепая игра, вроде пари: надо было угадать человеческий плод – мальчик или девочка? Теперь не дикари, а ученики и преемники Гипократа делают почти то же самое, только с одной разницей: они оставляют живой мать. Первое называется чудовищным преступлением, второе – прекращением беременности.

Первое совершалось во время войн или набегов озверевшими разбойниками, а второе – происходит постоянно. В первом случае мать становилась жертвой вместе с ребенком, а во втором – она сообщница злодеяния вместе с убийцей.

Но и у разбойников были родительские чувства по отношению к своим собственным детям, а здесь какое-то нравственное растрепывание, похожее на помрачение ума: убийце мать сама платит деньги за то, что он убьет ее ребенка, как бы выпотрошит ее чрево, а шкуру оставит целой. Где падение ниже – судите сами.

Техника против детей

Нз всех видов науки самых значительных результатов достигла военная техника, то есть наука убивать. К сожалению, некоторые медицинские изобретения также превратились в диагностирование для смерти – в науку убивать, это эхоскопия, с помощью которой определяют пол еще формирующегося плода. Для чего родителям нужно знать прежде времени кто у них должен родиться – мальчик или девочка, разве ребенок не должен быть одинаково дорог для родительского сердца? Но здесь человеческий произвол нагло вмешивается в Промысл Божий, и родители присваивают себе право давать или отнимать жизнь у ребенка в зависимости от того, кого они хотят иметь – сына или дочь.

Странный парадокс: гражданские законы запрещают дискриминацию женщины, а здесь разрешается убивать ребенка за то, что он относится к нежелаемому для родителей полу, то есть осуществляется не дискриминация, а геноцид по признаку пола. В этом циничном и преступном выборе хуже приходится девочкам. Если хозяйка, имеющая выводок цыплят, старается оставить кур для носки яиц, а в суп попадают петушки, то здесь происходит обратное: в живых чаще оставляют мальчиков. Итак, матери убивают будущих матерей. Это также одна из мин, заложенных под будущее существование народа. Если изменится соотношение между мужчинами и женщинами, то рождаемость естественно падет. Таким образом, эхоскопия является выстрелом в ребенка. Неужели кабинет врача – это камера допроса плода: кто ты – мужчина или женщина? Если женщина, то преступление доказано, приговор – казнь. Конечно, бывают случаи, когда приговаривают к смерти и мальчиков, но это в принципе не меняет дела. Пол рассматривается как преступление, достойное смерти.

Эхоскопия, как следователь, собирает доказательства «виновности» плода. Родители, как судьбы трибунала, выносят приговор, а врачи являются исполнителями этого приговора, и в большинстве случаев, не отговаривают родителей, а наоборот, толкают их на преступление. Кто лучше в таком случае: человек в халате, получивший диплом, долг которого бороться за жизнь каждого человека, или пьяный палач в красной рубахе, который с площадной руганью расстреливает свои жертвы?

Существуют так называемые «надзаконы», которые регулируют равновесие между численностью мужчин и женщин на земле. Например, во время войны рождается больше мальчиков, чем девочек, и что характерно – особенно в той стране, которая потеряла больше убитых солдат, а затем соотношение восстанавливается. Эхоскопия, как прогноз пола, уже есть нравственно неоправданное действие. Если нежелательный плод даже оставляют в живых, то ребенок во чреве матери будет лишен любви, как падчерица в доме у мачехи. Поэтому эхоскопия должна быть признана несовместимой с христианской нравственностью как средство жуткой селекции, которое может привести человечество или народ к подавляющему преобладанию носителей одного пола над другим и, следовательно, к демографической катастрофе. Уже сегодня мы можем с полным правом говорить о нравственной деградации современного человека и трагедии будущих поколений.

Есть еще один зловещий аспект этого метода: в руках неопытных или недобросовестных людей он может служить средством различных не только ошибочных решений, но и спекуляций, чтобы психически принудить женщину к аборту. Ей может быть внушено, что ее ребенок обречен на смерть, что он родится уродом или калеккой, или же мать пугают тем, что роды могут оказаться роковыми для нее. Когда верующая или просто нравственная женщина отказывалась

от аборта, то часто случалось, что эти прогнозы вовсе не оправдывались: ребенок рождался совершенно здоровым, при этом врач не подвергался никакой ответственности и наказанию за ложный диагноз.

Для христиан больной или здоровый ребенок должен быть одинаково дорог. Он принадлежит Богу, Который, как драгоценность, дал его в руки родителей и потребует у них отчета. Даже убийство умирающего с целью освободить его от страданий запрещено, а здесь болезнь ребенка воспринимается не как общее несчастье семьи, в которой повинны и родители, не как причина к большей любви к ребенку, а как смертный приговор. Неужели убийство ребенка из-за его возможной болезни в принципе отличается от преступления злодеев, которые сжигают больницу вместе с больными? Почему первое – предусмотрительность, а второе – гнусное злодеяние?

Господь назвал в числе заповедей милосердия заботу о больных, за исполнение которой человек может получить в награду прощение грехов и вечную жизнь. Если даже ребенок родится больным, то родители всегда будут иметь в своем доме возможность исполнить заповедь Христа – служить больному и этим совершенствоваться в любви. Таким образом, болезнь ребенка может стать средством к спасению всей семьи.

Христианский взгляд на душу человека

Человеческая душа по природе своей едина, а по действиям, свойствам и способностям многообразна.

Первородный грех ввёл определённую дисгармонию в область душевных сил, которые мы ощущаем как постоянные внутренние противоречия. Человек живёт в мире пространства и времени, но он сотворён для вечности. Образно говоря, материальный мир – это кокон из шёлковых нитей, где червь превращается в крылатую бабочку.

Силы и способности души, благодаря которым человек может включиться в мир бестелесных сущностей и соприкоснуться с Божеством, называется *духом*.

Те силы и способности, благодаря которым человек может существовать на земле, получать информацию от внешней среды и реагировать на неё, называются собственно *душой*.

К области духа относятся возможности религиозного постижения, духовные интуиции и мистические переживания. К сфере души относятся логическое мышление, способность воображения, в том числе способность изобретать, то есть научная и художественная деятельность, чувство дружеской, семейной любви, и т.д. Но сама душа, говоря условно, имеет несколько этажей, и поэтому наше сознание видит только лишь её поверхность.

На дне души, как на дне моря, живут темные инстинкты, которые сотрясают своими порывами чувства человека и часто застигают нас врасплох. Человек находится в постоянной борьбе. Когда нам кажется, что все спокойно и тихо, то это потому, что мы видим только то, что происходит на верхнем этаже, а остальное скрыто во тьме. В Библии написано: «Не верь врагу своему во век», а у нас два лютых врага – это демон и собственные страсти, через которые демон, как через двери, входит в нашу душу.

Первородный грех передается в самом зачатии. Уже малый ребенок чувствует похоть и какие-то непонятные ему темные влечения. Одна из главных задач аскетики – это борьба человека со сладострастием уже на уровне представления. Отсюда заповедь ко всем ищущим спасения: «Больше всего хранимого, храни сердце свое, так как от него источник жизни», то есть более тщательно, чем богач хранит свои сокровища от грабителей и воров. Нескромные разговоры и шутки, нечистые образы, гнилые слова – это ядовитые семена, брошенные в собственную душу. Ничего не проходит бесследно. За неосторожность человек расплачивается потерей благодати.

Теперь мы живем в такое время, когда все запреты сняты, и потоки грязи льются со всех сторон в душу человека: раскроет человек журнал, включит телевизор, и перед ним встанут картины самого бесстыдного разврата. Чаще всего у него не хватает порядочности разорвать такой журнал или отойти от телевизора, и он впитывает сладкую грязь, при этом заявляя, что ничего плохого не чувствует. Это ложь или самообман.

Но самое страшное, что развращаются детские души. Господь сказал: «Будьте как дети», а теперь *уже осталось мало детей – они превратились в малолетних стариков*. У детей перестали быть чистыми детские глаза.

Еще сравнительно недавно разрушали храмы и делали из их камней свинарники и туалеты, теперь разрушают храм человеческой души, превращая её в какой-то публичный дом, и это называют прогрессом и культурой. А призывы положить преграду этому преступлению – средневековым фанатизмом.

РАЗВРАТ И ДЕГРАДАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛЮЧНОСТИ

Что делает разврат с человеком? Он лишает человека божественной благодати, которая не терпит грязи и зловония распутства и парализует духовные силы человека. На могиле духовности вырастают, как ядовитые растения, атеизм и оккультизм. Разврат ведет к деградации душевных сил, например, искусство становится антиэстетичным, музыка из мелодии превращается в какофонию; человек перестает интересоваться даже оземленной классической литературой, ее вытеснил ходкий товар: руководства по убийству, сексу и оккультизму; язык переходит в жаргон. Человек все больше живет ощущениями, все глубже погружается в область инстинктов, из которых самым сильным является сексуальный инстинкт, то есть человек постепенно превращается в животное.

Что происходит с человеком? Первое, потеря Бога, он не может быть по-настоящему религиозен, он перестает ощущать вечность. У развратника притупляется любовь не только к Богу, но и к человеку. Он становится каким-то биоаппаратом, где инстинкты определяют программу его поведения, у него исчезает чувство сострадания. Развращенные люди превращаются в племя бесхвостых обезьян. Кому это нужно? – Тому адскому чудовищу, который борется с Богом в человеческом сердце.

Деградация поражает, прежде всего, нравственную область развратника. Что представляет собой феномен совести, который отличает человека от животного? Это голос духа, тесно связанный с религиозным чувством; это ответственность человека перед Высшей Правдой; это постоянный суд

человека над самим собой. Совесть действует также в душевном плане, преломляясь через этические нормы и представления.

Нравственность всегда подразумевает некую ценность человека. Нравственность всегда поднимает душу над потоком текущих событий. На месте заглушенной совести вырастает растение-паразит, которое называется приспособленчеством: оно готово путем лжи и лицемерия обвиться вокруг каждого ствола, чтобы высасывать из него сок. Такие понятия, как честь, верность, принципиальность, становятся лингвистическими архаизмами.

Страсть и любовь – явления, противоположные друг другу, хотя нередко страсть называют любовью. Любовь ищет общения с тем, кого любит, но путем самоотдачи. В любви есть всегда готовность к жертвенности и радость, если эта жертва будет принята. Страсть ищет не общения, а поглощения, она всегда агрессивна, она ищет своего. Поэтому в страсти содержится скрытый потенциал жестокости. По временам эта жестокость выплескивается наружу.

Развратник не может любить. Его сердце находится в состоянии духовного паралича и опустошения. Ему некого любить, потому что он смотрит на человека как на кусок живого мяса.

Душе человека присуща сила творчества. Это особое состояние вдохновения, когда пробуждаются некие интуиции, как будто звучат сокровенные струны, и мышление становится более глубоким и ясным. У развратника притупляется эта сила. Современность не дала ни одного крупного философа или поэта; творчество сменилось изобретательностью, которая в обыденной жизни стала пронырливостью ума. Для развратника изобретательность открыла широкое поле патологологии, которая превращает человека уже не в кожаный мешок с мясом, а в ассенизаторский бак.

Разврат притупляет волю человека и делает его рабом

страсти. Страсть – иллюзорное состояние, она как бы пуста внутри, она похожа на мыльный пузырь, играющей красками на солнце, от которой через мгновение остается только мокрое пятно. Поэтому развратник глубоко несчастлив. Он чувствует постоянную неудовлетворенность, но чаще всего ищет выхода из нее в новых формах разврата.

Наступила какая-то метафизическая ночь. В этом сгущающемся мраке, как в «египетской тьме» люди не видят друг друга, они забыли, что такое человек; они разобщены между собой. Дьявол, как отец либерализма, обещав людям свободу, обманул и превратил их в похотливых и тупых рабов.

ЛЮБОВЬ И КРАСОТА

Мы видим в настоящее время небывалое в истории человечества нравственное разложение, которое приняло характер общечеловеческой катастрофы. Человек, как нравственная личность, почти уничтожен. Еще сохраняются осколки прежних понятий о добре и чести, но скоро от них останутся одни воспоминания, как следы на песке.

Сила, противостоящая распаду и разложению мира – это благодать Божия. Но условия для восприятия благодати – это любовь людей к Богу и друг другу. Когда иссякает любовь, то отходит благодать и начинается падение в бездну: от человека – к зверю и от зверя – к демону. Там, где исчезает богоподобие, начинается демоноподобие.

Любовь ищет прекрасного. Чувство любви неразрывно от понятия красоты. Христианство раскрывало вечную красоту человеческой души как образа и подобия Божьего. Душа христианина, обращенная к Богу, видит отблески божественного света в каждом человеке.

Жертвенность без любви невозможна. Потеряв мистическое чувство как способность созерцать богоподобную красоту человеческой души, люди стали искать в этом мире автономную от Бога и иллюзорную красоту. Любовь – стремление к идеальному, и желание единства с этим идеалом. Здесь источник романтики душевной и плотской любви, гражданской доблести и т.д. При этом объект любви воспринимается не в реальном виде, а украшенным воображением; государство, нация и т.д. воспринимаются как всецелые носители добра. Но эта романтическая любовь к народу, друзьям, искусству, природе, а особенно любовь мужчины и женщины, была способна проявляться в форме преданности, самопожертвования и героизма, хотя эти проявления были непостоянными и спорадическими. Для спартанцев идеалом было могущество Спарты, для афинянина – государственное устройство Афин, для Меджнуна – Лейла, для конфуцианца – семья, включающая дальних предков. Любовь, даже в оземленном и потускневшем виде, способствовала сплоченности людей и их солидарности, чувству долга и уважения друг к другу, которое называется благородством.

Человек не может любить безобразное, даже когда оно возникает перед ним в образе манящего греха. Чтобы уничтожить солидарность людей, чтобы сделать бесполезными и беспочвенными героизм и самопожертвование, надо уничтожить красоту и осмеять само понятие идеального.

Человек сложное и противоречивое существо. Он подобен золоту, брошенному в грязь. Отблеск этого золота еще напоминает о красоте человека; демону надо, чтобы она была утоплена в грязи, тогда станет невозможной сама любовь.

Человек – богоподобное существо, но в нем коренится грех, который человек должен подавлять силой воли. Ведь порядочность – тоже определенная идея даже у нерелигиозных людей. Это идея – о достоинстве человека, хотя само слово «достоинство» непонятно им. Если любимый нам че-

ловек вдруг превратится, как в волшебной сказке, в животное или рептилию, то мы не сможем сохранить чувство любви к валяющейся в луже свинье, огромному пауку, или гремучей змее. Если даже он превратится в обезьяну, – грязную и похотливую, – то вряд ли кто из нас захочет пожертвовать своей жизнью за то, чтобы она ела бананы и удовлетворяла свою похоть.

Теперь демонические силы под именем либерализма хотят уничтожить остатки красоты в человеке. Развращенный человек обречен на вырождение. С ним легко вступать в партнерство по греху, но любить его преданной, самоотверженной любовью невозможно. Человек не отдаст свою жизнь за того, кто стал живым гнойником – душевным и телесным, он не будет чувствовать никакой нравственной ответственности перед ним. В развращенном мире исчезает любовь. Этот душевный холод и пустота делают жизнь серой и бесцельной. Человек стал безразличным к человеку; более того, он в душе враждебен к нему. Если тонет один, то другой не станет рисковать, протягивая ему руку, ведь тот перестал быть для него какой-либо ценностью, он не воспринимается как друг, как ближний, даже как человек – пусть себе тонет кусок гнилого мяса.

Ежедневно по телевидению «даются уроки», как человек превращается в свинью или тигра, и люди постепенно адаптируются к мысли о том, что цель человеческой жизни – это постоянное копанье в грязи, что человеку все дозволено, что чистота это средневековое суеверие. Даже чистая любовь между женихом и невестой, воспетая в поэзии всех народов, уже перестает существовать.

Христианство возрождает человеческую личность. Оно дает человеку силы сопротивляться греху, поэтому оно было гонимо и будет гонимо. Грех разделил, раздробил человечество, оно распалось, как распадается цепь на звенья.

Есть еще один не психологический, а метафизический

фактор греха. Состояние человеческой души излучает тонкие эманации, которые недоступны для наших сенсорных чувств, но воспринимаются нашим духом. От грешника идет особый смрад, от которого отвращается дух человека, даже такого же грешника. В грехе есть постоянная метафизическая тяжесть, особенно в извращенных грехах, поэтому от животного мы идем к демону, поэтому несчастье другого вызывает у нас тайное чувство злорадства, как бы мщения за что-то потерянное и поруганное людьми.

Христианство – это религия любви, которая основана на жертвенности. Оно спасло человека от самого страшного рабства, а теперь человек стал добровольным рабом самого худшего господина – греха и демона. Человек потерял красоту своей души и вместе с этим способность любить. Он захотел рабство и получил его.

У же древние мудрецы сказали, что красота спасает мир. Высшая красота – Бог, вторая – душа человека, как богоподобное создание. Вместе с красотой исчезла любовь и настала метафизическая ночь.

Последняя ночь детовенницы

Зимняя ночь. Небо покрыто черным пологом, как будто одето в траур. За стеной стонет ветер – так плачет покинутый ребенок. Струи дождя и порывы ветра врываются через разбитое окно. В комнате холодно, как на дворе. На кровати, покрытой грудой грязного тряпья, умирает полубезумная старуха. У изголовья кружка с водой и миска с зацветшей пищей. Редко кто заходит в эту комнату, похожую на собачью конуру или логово зверя. Только крысы рыскают по комнате, как хозяева, и насекомые ползают по

лицу умирающей. Эта старуха – та женщина, которая убила меня много лет тому назад. Как она изменилась! В молодости она была красавицей. Голос ее звенел, как серебряный колокольчик, а смех был похож на сверкающие искры. У нее был сын, которого она безумно любила и потому не хотела ни с кем разделить эту любовь. Поэтому я был приговорен к смерти. Ты видела только одного своего ребенка, ты поклонялась ему, как язычник кумиру. Ты забыла, что я тоже твое дитя, что у меня живая душа. Идолы убивают души тех, кто поклоняется им, и твое сердце превратилось в камень. Мать, ты не знала о предназначении Божьем и твоей будущей судьбе. Мне было предназначено хранить и оберегать тебя, и не покидать до смерти. Но ты убила того, кто должен был беречь твою старость, как мать бережет малого ребенка. Я часто приходил к тебе невидимым для тебя. Проходили годы. Твоя прежняя красота увядала как цветок. Ветер времени срывал с него лепестки. Лицо твое прорезали морщины, как глубокие шрамы. Умерли твои родные. А твой любимый сын возненавидел тебя и не хочет слышать о тебе и видеть тебя, как ты когда-то не захотела видеть меня. Когда-то ты любила смеяться, но теперь тебе не дано даже слез, чтобы найти в них облегчение. В твоих сухих глазах – безумие и тоска. Около тебя нет никого, только холодный ветер – твой брат, и ночь – твоя сестра. Одр умирающей матери окружают дети, а около тебя только крысы. Голод и болезнь, как два дровосека, спилили дерево твоей жизни. В бреду ты зовешь своих родных, ты произносишь слово «мать», но они не слышат тебя, как ты не слышала своего ребенка. Под ветром и дождем только один путник идет к твоему дому. Имя этого путника – смерть. Никто не догадается привезти к тебе священника, да и ты сама не вспомнила об этом и поэтому отправляешься в последний путь одинокой, как я. Ты не пела колыбельной песни над моей постелью, не плакала над моим гробом и теперь сама умираешь, покинутая всеми. Только зимний ветер

пропоеет над тобой погребальную песнь, и дождь оплачет твою смерть. Людям возвестит о твоей смерти смрад, идущий от твоего трупа. Но я боюсь другого. Ты не видишь, что демоны, как вороны, собираются около твоего одра, чтобы схватить твою душу, как свою добычу. Ты не каешься, ты не молишься, умирая, ты ропщешь и ведешь спор с Богом. Ты считаешь себя несправедливо наказанной. Ты требуешь от Бога ответа: почему у тебя такая несчастная жизнь и одинокая смерть. Но ты забыла обо мне – я твой обвинитель. Если ты взываешь к Богу как к Любви, то где твое милосердие ко мне, где любовь, хотя бы та, которую питает волчица к своему волчонку. Если ты требуешь справедливости, то где справедливость – убить невинное дитя. Бог дал меня тебе как опору твоей жизни, но ты сломала ее и отбросила прочь. Ты сама убила того, кто должен был стать твоим кормильцем в старости. А теперь ропщешь, что ты беспомощна и одинока. Я должен был закрыть твои глаза, но меня со слепыми глазами ты бросила в вечную тьму. Ты умираешь от голода зимней ночью, но ты не просветила душу мою крещением, лишила меня небесной пищи – Причастия. Ведь самое страшное, что ты лишила меня Христа: лучше, если бы ты убила меня не один, а тысячу раз. Воет ветер. Где-то вблизи завывала собака, предчувствуя чью-то, должно быть твою, смерть. Мать, когда ты убивала меня, то демоны вынули из твоей груди сердце и вложили вместо него камень. Ты никогда не была счастливой. Ты боялась остаться сама с собой. Ты искала шума этого мира, чтобы не услышать стука Христа в двери твоего сердца. Ты смеялась, чтобы смехом заглушить тоску. Ты получила то, чего боялась – одиночество. Но и здесь ты обвинила всех, кроме себя. В эти минуты ты безмолвно кричишь Богу: «Я не виновата», а демоны подходят все ближе и ближе к твоей постели. В комнате темно. Но в присутствии демонов другая страшная чернота заполняет ее. Ты уже хрипишь, глаза твои с ужасом смотрят на кого-то; неужели ты и сейчас не

скажешь двух слов: «Господи, прости»? Мать, меня зовут, я должен идти. Мне не разрешено видеть твою смерть и знать о твоей участи. Я узнаю о ней, когда мы встретимся на Страшном суде, чтобы затем расстаться навечно.

ЧЕЛОВЕК ЛИ ОН?

Перед нами стоит вопрос, от которого в значительной мере зависит жизнь человека: имеет ли эмбрион и плод человеческую душу, или же это только придаток тела матери до определенной стадии развития?

Большинство религий мира утверждают, что душа существует с самого зарождения человеческого тела, является главной частью и основой человеческого существа и обладает бессмертием. Атеисты отрицают существование души, а если употребляют этот термин, то условно, в смысле совокупности психических функций. Поэтому для атеистов эмбрион и внутриутробный плод – это только материал для формирования человека, но еще не сам человек. Ученые-материалисты совершенно произвольно определяют, в какой фазе беременности плод можно назвать человеком, но большинство из них отказывается признать за плодом человеческую личность и неприкосновенное право на жизнь.

Душа объективно существует, но она не доказывается наукой, а является предметом веры. Поэтому мы, будучи христианами, должны обратиться к церковному учению о том, что представляет собой душа человека. Это субстанция – разумная, динамичная, представляющая собой жизненный принцип человека и содержащая в себе план человеческого тела. Существует три вида души: растительный, имеющий свойства – питание и размножение; животный вид души, к

которому прибавляется способность эмоциональных переживаний, зачатки мышления, особенно образного, принятие решений, и инстинкты, как врожденные навыки; человеческая душа, которая кроме перечисленных свойств обладает способностью абстрактного мышления, словесной коммуникации, а также общения с метафизическим миром.

Главной силой человеческой души является дух – внутреннее око души, посредством которого происходит боговедение и богообщение. По учению Православной Церкви, душу творит Господь при участии душ родителей в момент зачатия, когда происходит зарождение новой жизни. Поэтому каждый человек – это новая личность, но, в то же время, имеющая отношение и связь со своими родителями и предками в виде определенных сходств и предрасположений.

Эмбрион обладает человеческой душой, в которой находится весь план будущего тела, следовательно, он – человек с бессмертной душой и с еще не воплотившимся в материю, но уже имеющимся в энергетическом плане телом. Поэтому убийство плода и эмбриона это убийство человека. По епитимийному правилу святого Василия Великого, убийство ребенка во чреве матери наказывается одинаково, к какому бы периоду беременности оно не относилось.

Католики учат о творении души Богом во время зачатия, но отрицают участие в этом душ родителей, и тем самым делают необъяснимым душевное сходство ребенка с его родителями, которое можно проследить, как и телесное сходство, передающееся по наследству.

Большинство протестантских конфессий и деноминаций колеблются в этом вопросе от взглядов католиков до учения стойков. Что же касается радикальных протестантских сект, особенно возникших недавно, то на них оказывают сильное влияние оккультные учения, а в некоторых случаях каббалистический иудаизм. Поэтому в вопросе о творении души у них хаос мнений.

Сделаем небольшой экскурс. В эллинистической философии было распространено мнение Платона о предсуществовании душ. Следы этого учения мы находим у раннехристианских философов-платоников Оригена и Григория Нисского. Подобные взгляды были отвергнуты и осуждены Церковью. Аристотель учил о творении души демиургом. Для Аристотеля душа – это идея, принявшая форму, поэтому творение рассматривалось как формообразование. У стоиков было распространено учение о логосах – духовных началах, которые передаются в момент зачатия и обладают творческой силой. В индийской философии существовала теория перевоплощения, когда со смертью человека душа переселяется в другое тело, в том числе и животного. Буддизм, принимая в принципе теорию перевоплощения, считает душу не отдельной субстанцией, а композицией духовных элементов – дхарм. Окультиные учения с явными признаками сатанизма, как, например, астрология, теософия, антропософия и т.д., отрицают человеческую душу во внутриутробном плоде на ранних стадиях развития. Поэтому современные астрологи начинают строить гороскоп с момента рождения ребенка и его первого вдоха. Надо отметить, что вавилонские астрологи имели в этом вопросе более ясное представление и строили гороскоп от момента зачатия ребенка. Теософия и антропософия разделяют душу на несколько оболочек, находящихся одна в другой по принципу матрешек: астральную, ментальную, эфирную и т.д.; они считают, что каждая из них дается ребенку в определенном возрасте. Поэтому для оккультистов душа плода, как и его материальное тело, не закончена и не завершена.

Но для нас плод, на всех стадиях его развития, это человек – образ и подобие Божие.

Цена жизни

Что делать женщине, которая должна стать матерью, а у нее нет денег, чтобы заплатить за медицинскую помощь, оказываемую во время родов? Неужели она должна рожать, как собака рождает щенят, без всякой помощи? Но ведь женщина не может перегрызть пуповину родившемуся ребенку. Значит, такие дети еще до рождения обречены на смерть, обречены всем нашим обществом. Роды обходятся в несколько раз дороже месячного дохода семьи. Аборты производятся почти даром, противозачаточные средства некоторыми организациями раздаются бесплатно. Но почти нет бесплатных роддомов, где женщина могла бы родить ребенка, не выкупая его из плена министерства здравоохранения. Если даже афишируются такие больницы, то это оказывается блефом; в лучшем случае роды происходят при более льготной оплате.

Несчастной женщине, поверившей, что кто-то заботится о ней, говорят: «Скажи, сколько ты можешь заплатить, а затем посмотрим, есть ли у нас свободная койка». Если женщина обратится к помощи частных лиц, не имеющих медицинского образования, для родов на дому, как раньше обращались к повивальным бабкам, то против них может быть возбуждено уголовное дело, особенно в случае неудачных родов. Если же она сделает аборт и ребенок будет «культурно казнен» только из-за того, что у нее не было денег, то тогда все в порядке – правосудие удовлетворено.

Что же делать людям, находящимся за гранью бедности? Здравоохранение превратилось в вид бизнеса. Врач становится дельцом. Более того, говорят, что тех врачей, которые по собственной инициативе хотят лечить бесплатно, выживают из лечебных заведений, так как они объективно ме-

шают бизнесу, основанному на человеческих страданиях. В большинстве стран существует не только бесплатные роддомы, но и пособие женщинам, которые становятся матерями. Гамлет сказал фразу, ставшую крылатой: «Жить или не жить – вот в чем вопрос». Теперь она звучит иначе: «Жить или не жить нашим детям – это вопрос денег». Нам дают циничный совет: «Хотите жить – обогащайтесь».

Вспомните суд над Христом. Толпа кричала: «Кровь Его на нас и на чадах наших». А теперь производится суд над младенцами, и общество своим безразличием и молчанием повторяет слова: «Кровь их на нас и на чадах наших».

Роль мужчины в детоубийстве

Разве одна женщина виновата в грехе аборта? А где в это время находился мужчина, неужели он оказался в стороне, как трус и предатель? Разве не одинаково виновен супруг, принуждающий жену к аборту, превращая ее жизнь в какую-то психическую пытку? Разве не забрызганы кровью родные этой женщины, советующие ей сделать аборт? Разве не инициатор убийства мужчина, соблазвивший женщину или девушку? Разве не преступник муж, который бросает свою жену, готовящуюся сделаться матерью? Неужели во всем виновата только одна женщина? Господь сказал: «В мир должны прийти соблазны, но горе тому, через которого они придут».

Первым пролил невинную кровь Каин. Проливая неповинную кровь детей, мы становимся каинитами. Кровь Авеля вопиет к небесам; кровь убитых младенцев собирает над нами, как черные тучи, будущие катастрофы. Господь во-

прошает Каина: «Где твой брат, Авель?», но сердце Каина подобно камню; он с дьявольской дерзостью отвечает Богу: «Разве я сторож своему брату?». И мы стараемся не видеть трупов убиенных младенцев, стараемся не слышать их безгласного вопля. Это жестокое безразличие – также духовное наследие Каина. На Страшном суде мы увидим кипящее море крови и тела детей, плавающих в нем, тогда мы ужаснемся своего прежнего безразличия, тогда мы увидим, что сами обрызганы этой кровавой пеной, потому что мы молчали. Наши дети становятся заложниками наших грехов, какую участь готовим мы им?

Детоубийство – демонический грех. Но человек отличается от демона тем, что он способен к покаянию и нравственному возрождению, в какую глубину греха он бы не пал. Есть старинное сказание, что кровь убитого не стиралась с тела убийцы, как будто навсегда въелась в него. Но пятна кровавого греха смываются слезами покаяния, если те, кто совершали и участвовали в детоубийстве, больше не повторят этого гнусного греха и сделают все, чтобы и другие не совершили его, иначе кровь, как печать Каина, не смоется в вечности с их лица.

Современная подвижница гуманизма

Гуманизм находится в перманентном конфликте с христианством. У гуманистов есть свои герои, подвижники и мученики. Часто дела милосердия, которые совершают люди из гуманистических побуждений, могут показаться тождественными христианской нравственности. Но это только внешнее сходство. В более глубоких пластах мы видим не только расхождение, но и противостояние. Гуманист может считать себя христианином. Он может при-

надлежать к монашеству и иметь церковный сан. Он может искренно служить своей идее и самоотверженно совершать добро. И все же гуманизм – это религия, которая не нуждается в Боге.

Мать Тереза, как и Будда, гуманисты. Их практическая сотереология – избавить человека от страданий. При этом исчезает идея предназначения человека для вечной жизни – цели его земного бытия. Здесь перед временем тускнеет вечность. Будда – агностик и атеист. Мать Тереза – верующая католичка. Но Бог для нее сливается с понятием человека. Более того, Бог трансформируется в человеке, поэтому ее вера – это человекобожие, преклонение перед человеком, как перед высшим феноменом, то, что проповедовал Тейяр де Шарден, священник-иезуит. Характерно, что сама мать Тереза начала духовно формироваться под влиянием и воспитанием иезуитов, о которых она до конца жизни отзывалась с благодарностью.

Космизм де Шардена и материализованная конкретность Игнатия Лойолы, с его постоянным сведением трансцендентального к социально-политическому, во многом определили мироощущения матери Терезы. Для нее пропадает Христос как Божественная Личность; Он становится, как и у Тейяра, принципом, живущим в конкретном человеке. Поэтому мать Тереза в своей молитве-медитации стирает грань между теологией и антропологией. Она говорит: «Иисус – это наркоман, которого я должна выслушать; Иисус – это блудница, которой я должна помочь». Православие говорит по-другому: «Я образ Твоей неизреченной славы, хотя и ношу язвы грехов». Здесь у матери Терезы подобие заменяется мистическим тождеством Бога с человеком без просветления и преображения. «Иисус – мой супруг», – говорит она.

Разумеется, мы не ставим мать Терезу в число экзальтированных истеричек, которые зовут Христа на свидание,

– она говорит об этом вполне символически, но выбирает высший символ единства, и тем самым она считает себя не только прощенной и спасенной грешницей, но супругой, пребывающей неразлучно в единении с Богом. Пресвятая Дева назвала Себя только Рабой Господней. Возможно, что в католичестве язык символов и образов отличается от Православия, но все-таки в форме отражается содержание, а в образе – чувство. Христос сказал, что, тот, кто сделает милость для несчастного, тот сделает для Него. Но мы не можем и не имеем права сказать, что этот несчастный есть Христос. Мать Тереза не говорит, что она любит алкоголика, как человека, ради Христа, но превращает образ Божий, присущий человеку, в сомнительный и, мы бы сказали, не деликатный парадокс, молитвенно произнося: «Иисус – это алкоголик».

Если бы мать Тереза не была бы монахиней или христианкой, то нам оставалось бы восхищаться ее подвигом, но здесь мы должны оценивать ее деятельность в русле христианского учения, и в частности монашества. Цель монашества – духовное служение Богу и молитва за весь мир, а иное служение, как бы оно не было нужным и необходимым, будет профанацией самой идеи монашества.

Одна ошибка влечет за собой другие. В этом нам пришлось убедиться, читая книгу «Мать Тереза», изданную католическим орденом св. Петра. Оказывается, что мать Тереза являлась настойчивой пропагандисткой планирования семьи, то есть способов, как избежать зачатия детей. Планирование семьи предлагает целый набор средств от деторождения, из которых мать Тереза выступает только против аборта. Здесь мы видим со стороны монахини отказ от христианского понимания брака. Она допускает из гуманистических целей разделение секса от деторождения с молчаливым согласием на убийство эмбриона, которое совершается в большинстве случаев при использовании противозачаточных средств, или же сведение супружеского интима к взаимной мастурбации.

Между тем как сама католическая церковь запрещает вторгаться в тайну деторождения, и так же, как Православная Церковь, учит о том, что эмбрион обладает человеческой душой.

Фамильярность с Богом обернулась в цинизм к сокровенному человеческому взаимоотношению – к браку. Где же заповедь Христа «Блаженны чистые сердцем»? Где позорная смерть Онании? Где предостережение апостола Павла о том, что рукоблудники и «скверные» (изливающие семя) не наследуют Небесного Царства? Где слова апостола, что брак свят? Учением о планировании семьи гуманистка Тереза послала в сокрушительный нокаут монахиню Терезу.

Мученический подвиг женщины

Житие святой мученицы Шушаники (V в.) было составлено ее духовником, священником Иаковом. Эта книга, написанная простым и безыскусным языком, представляет собой рассказ очевидца, который находился рядом со своей духовной дочерью и укреплял её в подвиге исповедничества. Житие святой Шушаники обладает огромной внутренней силой; читатель как бы видит перед собой величие души мученицы-царицы, которая предпочла Христа земному царству и самой жизни. Её супруг Варскен – правитель Рани, поехав по государственным делам в столицу Ирана, отрекся от Христа и перешел в маздеизм – огнепоклонство; он обещал шаху по возвращении на родину обратить свою семью и народ в персидскую веру. Святая Шушаника перед угрозами пыток и лицом смерти отказалась принять маздеизм, и всенародно исповедовала христианство, когда из-за страха молчали те, кто должен был обличить

правителя в отступничестве. Её подвиг был похож на подвиг тех древних мучениц, которые пострадали от своих родных.

Святую Варвару казнил родной отец, святую Феклу предала суду ее мать, а палачом святой Шушаники стал ее супруг. В житии описывается мучение святой Шушаники, избивание и пытки, которым подвергал ее в течение семи лет бывший муж за то, что она отказалась стать отступницей как он. Но, может быть, самым трагичным в житии Шушаники было предательство и трусость близких ей людей, которые больше думали о своем земном благополучии. Только духовник и епископ тайно навещали царицу, и старались облегчить ее страдания. Она жила в маленькой комнатке дворца, как в темнице, закованная в цепи. Ее муж вспоминал о ней только для того, чтобы подвергнуть её новым истязаниям.

Среди сонма христианских мучеников мы видим женщин и детей, которых укрепила благодать и сделала бесстрашными воинами Христа. Мученичество – это безгласная проповедь о Христе. Подвиг святой Шушаники явился примером не только для ее современников, но и для многих поколений. Мир со своей обольстительной красотой, воспоминания о царской власти, уговоры и слезы родных, истязания и пытки не смогли сломить веру и волю Шушаник. Темница, где она была заточена, стала для нее преддверием рая, потому что рядом с ней был Христос, и сердце узницы озарял свет благодати.

А сколько теперь среди нас неизвестных миру исповедниц и мучениц за Христа, которые совершили свой подвиг, даже не считая его подвигом. Это те женщины-христианки, которые не согласились на детоубийство и выдержали тяжелые испытания со стороны самых близких для себя людей. Они обрекли себя на страдания, чтобы сохранить жизнь своему ребенку.

Когда мы читаем жития древних мучениц, то видим похожую картину. Сначала их вкрадчиво уговаривали отречься от Христа, обещая блага этого мира, затем ласки сменялись

угрозами, пытками и оканчивались казнью. Душа мученицы похожа на каменный утес среди моря, который не могут сдвинуть с места волны. Море кажется то тихим и ласковым, а волны нежными объятиями; то море меняет свой нрав и, как рассвирепевший зверь, бросается на скалы, волны вздымаются выше утеса, но, ударившись о камень, откатываются назад. Женщину, будущую мать, стараются убедить, какой опасности подвергнется она во время родов, как трудно будет воспитывать ребенка. Ей говорят, что рождение ребенка лишит ее возможности принимать гостей и посещать друзей, ездить на дачу и т.д., что плата за роды станет тяжелым бременем для семьи, что новорожденный ребенок отнимет у других детей ее любовь и внимание. Если эти уговоры не помогают, то ей предлагают исследовать плод при помощи современной аппаратуры, надеясь затем убедить ее, что плод болен и ребенок не будет полноценным, и поэтому лучше для самого ребенка не родить его на свет калекой, а вовремя сделать аборт. К женщине начинают проявлять особое внимание, нежность и ласку, но все заканчивается тем, что у нее выпрашивают, как бы вымогают, согласие на детоубийство. Так древних мучениц вкрадчиво и ласково просили принести жертву идолам.

В семье женщины происходит подобный сценарий. Будущей матери говорят: теперь сделай аборт, а в следующий раз, когда положение улучшится, можешь родить хоть несколько детей. Так некоторые языческие судьбы говорили христианам: «Сначала поклонись нашим кумирам, а потом, если хочешь, молись Христу». Если женщина не соглашается, то ее родные переходят к угрозам. Муж кричит, что он не может кормить столько ртов, что детский плач будет мешать ему работать и отдыхать, а если жена станет упорствовать, то он оставит семью, и пусть она сама с ребенком на руках зарабатывает деньги на пропитание. Мать, которая всегда брала сторону дочери и интриговала против зятя, теперь вместо

того, чтобы поддержать ее, говорит, что она виновата в том, что разрушает семью, а если муж выгонит ее, то она не примет дочь назад в свой дом. Золовка шепчет мужу: «А ты уверен, что этот ребенок от тебя? Может быть, это плод ее тайных свиданий, и она хочет родить ребенка, чтобы видеть в нем лицо своего дружка». К этому хору примешивается голос свекрови, которая убеждает своего сына, что если бы невестка любила его, то вошла бы в его положение и сделала бы аборт. Эта травля часто продолжается неделями и даже месяцами. В древности существовала пытка громкими монотонными звуками. Человек вначале лишался сна, затем сходил с ума, а если пытка продолжалась, то наступала смерть. А здесь уговоры и угрозы превращаются в пытку, иногда они переходят в физическую расправу – муж избивает свою жену. Я знаю случаи, когда мужчина, пользуясь своей безнаказанностью, бил беременную жену ногами в живот, чтобы произошел выкидыш, но я говорю не об этих зверствах, которые все-таки не так уж часты, а о скрытых истязаниях. Женщина чувствует себя оставленной всеми и, словно окруженной стаей волков, которые готовы броситься и разорвать ее на части. Она видит себя как бы вдовой при муже и сиротой при живых родителях. С ней вступает в борьбу демоническая темная сила, которая давит на нее унынием, тоской и томительными страхами, пытаясь довести ее до отчаяния. Я помню картину под названием «Оставленная». Там изображен глубокий овраг, сверху поросший лесом. На дне оврага стоит женщина, которую бросили сюда и оставили одну. Солнце заходит за горизонт. Его лучи еще пробиваются сквозь чащу деревьев, но скоро они погаснут, и настанет ночь. Женщина стоит в этой каменной западне, не зная, куда идти, вокруг нет ни души. В ее глазах застыл ужас. Она должна погибнуть с голода, или звери растерзают ее; помощи ждать неоткуда. Но у христианки есть защита – это Промысл Божий, есть сила

сопротивляться демонам и людям – это Божия благодать, есть утешение – Церковь, есть источник сил – молитва и надежда. Для такой женщины родить ребенка, несмотря на испытания со стороны самых близких людей, которые становятся в это время бесконечно далекими – подвиг, подобный исповедничеству Христа в нашем бездуховном мире. Мучениц пытали всенародно, а этот подвиг совершается за стенами домов. Он неведом для мира, да и мир редко воспринимает его как подвиг.

Мы писали о женщине-христианке, но наши слова касаются также женщин и других религий. Если они поступят по закону своей совести и голосу материнства, то и это угодно Богу.

Нередко бывает, что ребенок, сохраненный матерью, впоследствии становится любимцем всей семьи – тех, кто раньше требовали его убийства, и они благодарны женщине, за то, что она не послушала их и не совершила неисправимого. Награда за такой подвиг здесь, на земле, духовная радость, покой совести, а в будущем – великая милость Божия. Может быть, мир существует потому, что среди нас находятся тайные угодники Божии, они живут рядом с нами, но мы не видим их.

Велнокдѣшне волчнцы

Зачем моя мать не добрая волчица, а лютый зверь, называемый человеком? Никогда еще волчица не загрызла своего волчонка, а я с самого зачатия моей жизни слышу приговор о том, что мне надо умереть. Для моей матери мое существование оказалось неожиданной болезнью, от которой надо поскорее избавиться. Моя жизнь – как раковая опухоль, которую надо поскорее вырезать, пока она не дала метастазы.

Я не только слышу слова моих родителей о том, что я должен умереть, еще не увидев света солнца, – слова, похожие на шипения ядовитых змей, которые наполняют мою душу ужасом, – но я чувствую даже мысли матери, похожие на проклятие. Она вспоминает обо мне с ненавистью и досадой, как об ошибке, допущенной во время игры, от которой случился проигрыш. Я чувствую, как яд, проникающий в мое тело, злобу ко мне – к своему ребенку, ставшему для нее помехой и врагом.

Почему я не зачался во чреве волчицы, она бы с любовью носила своего детеныша, как свое сокровище. Она, родив меня, нежно бы лизала своим языком, как бы осыпая своими поцелуями, я спал бы около нее, прижавшись к ее теплой шерсти. Мой отец приносил бы лучшие куски от своей добычи, не думая о том, что его детеныш съест его часть. Мать учила бы меня ходить, выносила бы из норы своими зубами, как бы обняв меня своими руками. Она смотрела бы на меня глазами добрыми, как мать, а глаза моей матери, когда вспоминает обо мне, становятся глазами волчицы.

Говорят, что когда дикие звери встречают в лесу покинутого младенца, то они не только не убивают его, но стараются спасти его жизнь. Если это самка, то она кормит его своим молоком. Люди удивляются, что волки вскармливали брошенных детей, а волки, если бы знали, то удивились и ужаснулись бы, что люди убивают собственных младенцев. Волчица вскормила двух братьев Ромула и Рема, но научились ли они волчьему великодушию? Если бы волчица спросила Ромула, где твой брат и мой сын, то что бы он ответил ей?⁵

Волчица родила бы меня и кормила своей грудью, а женщина убьет меня и завяжет свою грудь, чтобы не было там молока. Волк, когда узнает, что его подруга зачала, то не приближается к ней, а люди..., но не буду говорить об этом. Когда

⁵ Ромул убил своего брата Рема в борьбе за власть.

детенышу зверя грозит опасность, то его мать идет на смерть ради своего дитя. А теперь человек стал самой страшной опасностью для своих детей: он приговаривает их к смерти и некому защитить их. Я смертник, который ожидает срока, когда моей матери будет удобно убить меня.

Она уже вычеркнула меня из своего сердца, из этого мира, где светит солнце, где цветут цветы и поют птицы. Наша кровь, как кровавый поток, покрывает землю. Я хочу, чтобы в этом потоке утонули злые люди, и волки жили бы на земле.

Смерть – начало новой жизни

Смерть – неизбежный конец земной жизни и начало новой, неведомой нам. Душа бессмертна, поэтому смерти нет. И все же смерть есть, которая страшнее видимой смерти, – это вечное бытие без Бога. Смерть для людей тайна, но и жизнь тайна. Мать, тебе поручена от Бога моя жизнь, с тебя ее взывает Бог. Мать, ты говоришь, что ты христианка и веришь в Бога. Но что ты замышляешь? Опомнись, есть еще время. Тебе легко убить меня, но сможешь ли ты, если захочешь, дать мне новую жизнь, можешь ли собрать воедино куски моего тела, можешь ли после смерти вызвать мою душу из ада и посвятить ее Христу через крещение? Бог принимает покаяние грешника, но мне уже не поможет твое покаяние. Мать, ты ходишь в храм. Когда ты видишь, как младенцев подносят их матери на литургии к святой чаше, разве ты не хотела бы, чтобы среди них был и твой ребенок? Но ты решила напоить меня моей собственной кровью. Разве ты не подходила к изображению Голгофы, где у Креста стоит скорбная Мать Божия Мария? Ты слышишь слова, которые Господь говорит Своему любимому ученику, а в

его лице каждой человеческой душе, значит, и мне: «Это – Матерь твоя». Мать, слышишь, что Дева Мария усыновила меня при Кресте, я не только твой, но и Ее ребенок. Почему ты отнимаешь меня у Нее? Ты молилась в храме перед иконами Божией Матери. Ты видела Мать с Младенцем. Она отдала Сына своего нам, а после распятия держит на своих руках каждую человеческую душу, как своего ребенка. Как ты смеешь отнять у Божией Матери того, кого Она усыновила при Кресте? Как ты можешь вырвать меня из Ее рук и отдать смерти?

Мать, ты часто говорила, что святой Георгием твой покровитель, что ты при всякой скорби спешишь в его храм и молишься ему. А если бы мать святого Георгия была бы подобна тебе, то не было бы твоего небесного покровителя и не было бы этого храма. У святого Георгия была мать, которая, оставшись вдовой, посвятила свою жизнь воспитанию сына, и он вырос на ее руках, как дивный райский цветок. Если ты любишь святого Георгия, мать, если ты христианка, то должна с радостью думать о том дне, когда ты принесешь меня в храм св. Георгия, положишь у его иконы, а священник внесет меня в алтарь.

А ты хочешь бросить меня в пасть дракона, которого поразил святой, и напитать моим телом чрево невидимого змея. Но, когда ты, совершив преступление, снова зайдешь в храм, то тебе покажется, что в храме стоят сумерки, потому что свет погас в твоей душе и там холодно как в подземелье, потому что в сердце твоём ты убила любовь ко мне. Если бы у тебя открылись духовные очи, то ты увидела бы на лице Пресвятой Богородицы слезы, ты увидела бы на иконе святого Георгия себя в образе дракона с человеческой головой. Ведь дракон, пораженный святым Георгием, пожирал своим ненасытным как пламя пастью живых людей. Храм – радость для праведных, храм – прибежище для грешников, но тебе станет страшно в самом храме, как на суде. Ты читала в Еванге-

лии, что сказал Господь: «Что вы сделаете одному из малых сих, то сделаете Мне». Мать, вдумайся в эти слова и пойми: что ты сделаешь мне, сделаешь Христу. Если ты убьешь меня, то увидишь на Страшном суде Христа, распятого тобой.

ИМЕЮТ ЛИ ПРАВО НА ЖИЗНЬ БОЛЬНЫЕ ДЕТИ?

Недалеко от Спарты – царицы горного Пелопоннеса и грозного противника Афин – находилась скала, отвесной стеной уходившая в овраг. Это место в древности не посещали вездесущие туристы, которые в наши дни с фотоаппаратами на груди бегают и спуют, как муравьи, по археологической карте мира. Сюда не приходили поэты, чтобы любоваться таинственным, серебристым светом луны – огненной льдины, плывущей в бездонном океане ночи. На выступ скалы, как на площадку крепостной башни, спартапцы приносили детей, которые, по оценке старейшин города, не могли стать выносливыми воинами – гипполитами, и на глазах родителей кидали их в пропасть, как в пасть кровожадного чудовища. Спартапнец не должен был испытывать жалости; в городе-государстве, похожем на военный лагерь, не было места больным, слабым и увечным. Эта гекатомба продолжалась веками ради могущества и славы Спарты. Город, как сказочный дракон, пожирал собственных детенышей, если они рождались без острых зубов и когтей. Если бы можно было собрать воедино кровь убитых детей, то она наполнила бы овраг, как щедрый хозяин наливает вино в чашу до самых краев.

В Спарте находили приют убийцы и злодеи. Преступник, у которого мышцы были крепки, как медный лук, считался

героем. А ребенок, который не мог поднять оружие своего отца, должен был умереть. Слабость и жалость – это два величайших преступления для спартанцев. Но опыт селекции и узаконенной жестокости не удался. Спартанцы, когда-то отражавшие полчища Дария и Ксеркса, на закате своей истории позорно бежали от легионов Сципиона. Их последний царь был посажен в железную клетку, как диковинный зверь. Спарта исчезла, как будто сама провалилась в пропасть, куда бросала, как мусор, с городской стены своих детей.

Мораль Спарты пришлось по духу некоторым современным поклонникам здорового тела и представительницам такой гуманной науки, как медицина. Некто С.Г. выступила в прессе с предложением, достойным каннибала: определять лабораторным путем состояние человеческого плода, а затем на основании полученного анализа казнить или разрешить жить ребенку, вынести смертный приговор или помиловать. – «Такое исследование должно быть произведено как можно раньше; промедление может обратиться в беду для родителей и ребенка», – пишет она. Оказывается, здесь нежная забота о больном ребенке! Мадам С.Г. предлагает отрезать ему голову во избежании возможных страданий, а также расходов, которые лягут на семью.

Возможно, современная спартанка хочет написать диссертацию, чтобы на этом заработать докторский диплом, как в средневековом Китае присваивали научные степени тому, кто изобретал новый вид пыток. К сожалению, приходится доказывать очевидное для нравственного чувства, а именно, что людоедство – мерзкая вещь.

Многие из великих людей всех отраслей человеческой культуры – науки, философии и искусства имели врожденные дефекты, пороки и неизлечимые болезни. Однако они, преодолев их силой воли и настойчивостью, стали не шлаком, а славой человечества.

Природа человека устроена так, что физические недостат-

ки человека компенсируются развитием других сил и способностей. Талант человека нельзя определить химико-лабораторным путем или рентгеновскими снимками. Если бы слепец Гомер, прославивший поход греков, под предводительством спартанцев против Трои, родился бы в Спарте, то человечество не имело бы «Илиады» и «Одиссеи».

Обременяют человечество не физические, а нравственные уроды, но к ним относятся с большим снисхождением.

Эмоциональная жизнь больного ребенка может быть более глубокой, чем у здорового. Часто у больных детей больше чуткости и тепла к своим родителям. Если семья – это нравственная школа, то больные дети учат своих родных милосердию. Делать добро – уже счастье, поэтому общение с больными и помощь им может принести людям чувство духовной радости. Убийство ребенка – это разрушение всех нравственных ориентиров человеческой жизни. Эгоизм и жестокость никого не делали счастливыми. Часто мать из всех своих детей больше всего любит больного ребенка – рожденное в муках особенно дорого.

С христианской точки зрения недопустимо, чтобы кто-нибудь распоряжался жизнью и смертью человека – это право принадлежит только одному Богу. Когда-то в Антиохии вспыхнул бунт. Толпа разбила статуи императора Феодосия Великого и его супруги Плакиллы. Император решил сурово покарать город, который считался столицей Востока. Антиохийский патриарх Флавиан умолял императора помиловать Антиохию, но тот был непреклонен. – «Пускай они разбили бы мои изображения, – говорил он, – я грешник, но что им сделала моя супруга?». Тогда патриарх сказал: «В твоей власти – казнить людей. Но можешь ли ты, если захочешь, воскресить их снова?». Император задумался и ответил: «Я человек, а не Бог, чтобы сделать это», и отменил задуманное наказание.

Многие больные, прикованные к одру на всю жизнь, че-

рез терпение и непрестанную молитву получали сверхъестественные дарования, а у тех, кого мир считал безумными, открывалась высшая духовная мудрость. Христианство смотрит на земную жизнь как на путь к вечности, как на период, когда формируется личность человека. Поэтому болезнь и здоровье это ситуации, в которых находится человек, и где вырабатывается его характер и нравственность. Неизлечимая, продолжительная болезнь – это экстремальные условия, в которых могут проявиться недоступные для заурядного человека силы и дарования.

Притязания на права – решать судьбу ребенка являются, в сущности, логическим следствием жестокого материалистического мировоззрения, где уничтожение слабого сильным объявляется принципом эволюции, а человек рассматривается как биосистема. Госпожа С.Г. призывает науку помочь вовремя отделить «бракованную продукцию» от соответствующей норме, чтобы успеть уничтожить ее, так сказать, во время самого производственного процесса. Те, кто допускают убийство больных детей, чтобы быть последовательными, должны также допустить убийство всех тяжелобольных, престарелых и умалишенных, то есть превзойти цинизм фашизма. Впрочем, госпожа С.Г. не считает разумным разделяться со всеми больными. Нет, она врач по профессии, а это принесло бы доход только гробовщикам. Другое дело новая отрасль науки, которую можно, например, назвать рациональной демографией! Заманчивая перспектива: болезни ребенка можно диагностировать еще в зародышном периоде, и убивать подозреваемых в болезни эмбрионов, как клеща, впившегося в тело матери. На деньги, вырученные от этих операций, вернее, от мелочи, упавшей на пол, можно образовать благотворительное общество.

Когда греки овладели Троей, то они разрешили оставшимся в живых троянцам покинуть обреченный на сожжение город, взяв с собой только одну вещь. Знаменитый тро-

янский герой Энней взял на плечи своего престарелого и больного отца, сказав, что это его самое большое сокровище. Римляне считали Эннея своим родоначальником и приписывали могущество Рима его благородному поступку. Характерно и другое: на месте Спарты, как надгробный памятник, теперь стоит жалкая деревушка. Там нет даже величественных развалин, как в Коринфе и Фивах. А Афины, соперница Спарты, где жизнь человека, в том числе раба и ребенка, была защищена законами, стала столицей Греции и синонимом величия Эллады.

Встреча на Страшном суде

Страшно убить человека. Еще страшнее убить невинного ребенка. Поэтому, мать, ты ухватилась, как утопающий за протянутый шест, за мысль, что я еще не человек. Ты забыла, что я уже имею бессмертную душу, и отождествила меня с бесформенным сгустком, как будто жизнь начинается не с зачатия, а с рождения. То, что ты не считала человеком, должно было повелением Божиим превратиться в тело – в такое же, как у тебя. Если бы я сразу приобрел облик человека, то это было бы меньшим чудом, но Бог хотел сделать тебя соучастницей Своего творения.

Он дал мне живую душу мгновенно, как были сотворены ангелы, а в тебе постепенно должно было образоваться из твоей крови мое тело. Ты убила меня, внушив себе, что это только существо, похожее на гриб, а не человек, и поэтому, ты не убийца.

Умирают все. Умирают младенцы, юноши и старики, но не умирает душа, в которой заложен дивный план тела. Жизнь не исчезает, все воскреснут из мертвых в возрасте Христа – 33 лет со своими и, в то же время, обновленными, уже духов-

ными, телами. Это чудо, превышает человеческий разум, но разве рождение ребенка тоже не чудо? Только мы привыкли к нему. Ты убила меня, когда мне было несколько недель, а увидишь меня 33-х лет, но увидишь, как с клеймом – черным пятном первородного греха, не смытого крещением и не исцеленного Кровью Христа.

Откуда ты знаешь, что за жизнь затеплилась в твоём теле, как огонек свечи, который ты хочешь угасить? Может быть, я стал бы подвижником, и тебя благословляли бы люди, или воином, который умер за отчизну, и ты стала бы матерью героя. Может быть, я стал бы одним из тех, чьи имена остаются в истории, как бы выбитые на граните, и твоё имя было бы рядом со мной. Мы встретимся на Страшном суде, где откроется прошлое и будущее, и тогда ты узнаешь, кого предала смерти.

Но не одна ты повинна в моей смерти. Меня убили те, кто внушил людям, что нет Бога, нет бессмертия души. Меня убили те, кто разрешили детоубийство, оправдали его своими законами и бросили нас в пасть ненасытного зверя. Меня убил палач, который изучал детоубийство как науку, меня убил демон – древний человекоубийца, который хотел, чтобы моя душа принадлежала ему. Но последнее слово оставалось за тобой, моя мать. Я похож на приговоренного к казни, на шею которого набросили петлю, и столько рук – их не пересчитать – затащили веревку.

АБОРТ – УБИЙСТВО ДУШИ

Мое горе не в том, что ты лишила меня земной жизни: она мгновение перед вечностью, она сверкнет, как падающая звезда, и исчезнет во тьме; мое горе в том, что душа моя бессмертна. Я брошен в вечность, не-

домую тебе, не омытым благодатью Духа Святого от перво-родного греха, не искупленным от власти сатаны, не просветленным таинствами Церкви. Ужасна не смерть, а вечное существование без Бога. Господь дал тебе мою жизнь, как царь доверяет рабу своему драгоценную жемчужину или алмаз, чтобы тот сохранил ее и вернул, когда потребует царь. А ты не уронила ее случайно, у тебя не украли ее воры, ты сокровище царя своей рукой бросила в помойную яму. Что ты ответишь, когда он скажет: «Верни мне мое».

Смерти нет для тех, кто с Господом, – это вечная радость; но смерти нет и для тех, кто не видит Бога – это вечная ночь. Ты меня лишила того, ради чего Бог принял человеческую плоть, сошел на землю и распялся на Кресте. Ты лишила меня духовного воскресения. Лучше бы ты тысячу раз убила мое тело.

Почему ты не родила меня, а если я не нужен тебе, не положила у дороги, чтобы кто-нибудь, услышав плач ребенка, наклонился надо мной и пожалел бы меня. Часто дети несут в свой дом больного котенка, неужели никто не сжалился бы надо мной? Я говорю не о богатых: от денег каменеет человеческое сердце, только немногие сохранили его, как теплый воск. Обычно душа у богатого имеет язык, но не имеет ушей, и она не услышала бы моего плача. Но, может быть, какой-нибудь бедняк, который не потерял сердца, сжалился бы надо мной и принес в свой дом.

В доме, где не хватает хлеба, но не потеряна любовь, может быть больше счастья, чем в домах богатых. Я называл бы отцом того, кто подобрал меня, а не того, кто вышвырнул меня из жизни, как пинком – пса из комнаты.

Я назвал бы матерью ту, которая приютила меня, а не ту, которая решила, что в этом мире нет места для ее ребенка.

Мать, ведь когда-то ты тоже была плодом и твоя мать радовалась, что появилась новая жизнь, подобно новой звездочке, вспыхнувшей на небе. А твой отец, затаив дыхание, прислушивался к твоим движениям во чреве. Твоя мать не

поступила так с тобой, как ты со мной. Она родила тебя и присоединила к Церкви. Вспомни время, когда ты была ребенком и лепечущим языком говорила «мама, мама», когда ты протягивала руки навстречу солнцу. Дети играют в куклы, они убаюкивают их, переодевают в новые платья, но нет игры, когда убивают куклу и разрывают ее на части. Думала ли ты в то время, что будешь убийцей?

У меня нет родителей, но ты лишила меня другой семьи – небесной семьи, где отец – Бог, Пресвятая Богородица – мать, а ангелы – старшие братья. Этой семьи – Небесной Церкви – я лишен навеки. Моя душа – бесприютная странница, которая блуждает в сумерках вечной ночи.

СВЕТ МАТЕРИНСКИХ ГЛАЗ

У всех народов мира во всех многочисленных живописных школах, от античного времени до наших дней, мы можем найти изображение матери с ребенком на руках.

Наверное, одно из самых глубоких и святых чувств, которое дано пережить человеку, это материнская любовь. На этих картинах мы видим женщину с младенцем, как будто она держит в руках прекрасный цветок и любит его: ее голова слегка склонена, она смотрит с нежностью и лаской на лицо ребенка, как будто забывая в это время весь мир, кажется, что она держит в руках свое собственное сердце. Ребенок спокойно дремлет, улыбаясь кому-то. Что он видит во сне, может быть, небесных ангелов? Он ничего не боится на груди у матери, она сама для него земной ангел-хранитель. Мать смотрит на свое дитя, как на сокровище, данное ей. Она прислушивается к его дыханию, как к биению своего сердца. Она готова отдать за него свою жизнь. Для этой любви не надо слов.

Ее глаза сияют тихой радостью, она счастлива со своим ребенком, где бы ни была: во дворце или в убогой хижине. Даже жестокие люди останавливаются в раздумье перед такими изображениями, может быть, вспоминая свое незапятнанное грехами детство и незаменимую ничем материнскую любовь.

Мы никогда не видели на картинах, что бы мать смотрела с ненавистью или холодной злобой на свое дитя. Может быть, такое изображение могло бы найти свое место в картинах дьявольского шабаша вальпургиевой ночи, где ведьмы несут своих новорожденных младенцев к учредителю дьявольского пира, который закалывает их и бросает в котел для общей трапезы. Есть ли изображение женщины, которая идет убивать своего еще нерожденного ребенка? Как кисть правдивого художника изобразила бы ее глаза? Нам кажется, что в этих глазах нет даже злобы и ненависти – отголосков внутренней борьбы, там только мертвящая пустота без мысли и чувства. Такие глаза похожи на стеклянные глаза куклы. Глаза – это окна души, а здесь душа пуста. Впрочем, иногда на лицах этих людей – печать какой-то самоуверенной наглости. С такой наглостью безбожники в 20-х годах XX столетия рубили и жгли иконы и спрашивали, где Бог, а если Он есть, то почему молчит. Теперь нагло уничтожают тот великий дар, который назван человеческой жизнью.

О чем думает женщина, которая решается на детоубийство? Что волнует ее? Пожалуй, только одно – то, что волнует тех, кто идет к стоматологу, – что ей причинят боль. О том, какие муки и какую боль будет испытывать ее ребенок – она даже не задумывается. Крика ребенка никто не услышит. Если бы женщине показали заснятое на ленте ее преступление – ужас, цинизм и бесстыдство ее греха, если бы она своими глазами видела куски тела младенца, которые бросают в железную коробку, как окурки в уличную урну, то, может быть, она решилась бы перенести испытания, но оставить в живых ребенка, и остаться самой человеком, а может быть и нет – кто знает.

В некоторых тюрьмах есть камеры, где казнят приговоренных к смерти. В наших больницах со времен революции появилась такая камера смерти для детей. Тем, кто разрешил аборт, мало было крови взрослых, им еще нужна была кровь младенцев.

Еще один штрих. Женщины, идущие на детоубийство, для придания смелости, что ли, наводят ресницы и мажут губы. Это тоже символ. По древним сказаниям, вампира можно узнать по тому, что его рот окрашен человеческой кровью в алый цвет. И здесь женщина пьет кровь своего собственного ребенка.

Тот, кто делает аборт, не может быть верующим – это ложь. Надо внушить себе, что нет Бога, нет Страшного суда, нет бессмертной души, то есть произвести анестезию своей совести, чтобы она не мучила человека.

Христианство и детоубийство – несовместимы. Если Господь говорит: кто накормил голодного, тот накормил Меня, кто подал милостыню бедному, тот подал Мне; то Он скажет на Страшном суде: кто убивал детей, тот в их лице убивал Меня. Поэтому, если совершающий детоубийство говорит, что он верит в Бога, это ложь. Ваш бог – сатана, потому что вы творите его дела.

РИТУАЛЬНЫЕ УБИЙСТВА

Последнее время в нашей прессе и публицистике стали печататься материалы о ритуальных убийствах, совершаемых членами сатанинских сект. Оказалось, что колдовство и черная магия имеют теперь не меньше приверженцев, чем в средневековье.

Нас обучали в школах, что колдовства как такового не существует, что руководства по магии – это плод суеверий, а

показания колдунов на судебных процессах – результат пыток и насилия. Однако трактаты по истории демонизма и оккультизма, а также судебные акты дошедшие до нас, были написаны не буйными обитателями психиатрических больниц, не маньяками-визионерами, а людьми с аналитическим складом рассудка, среди которых были ученые (физики, астрономы, юристы). Что касается пыток, то они являлись атрибутами гражданского судопроизводства, и поэтому отрицать всю юстику того времени мы не можем на одном этом основании. Кроме того, показания обвиняемых в колдовстве на таких процессах дают одну картину, то есть совпадают друг с другом. Безусловно, что во время этих процессов, как вообще во время судебных процессов, часть людей страдала невинно. Но факт остается фактом, что в наш век, гордящийся своим просвещением, ритуалы сатанизма с человеческими жертвоприношениями повторяются, и преступники уже без применения пыток описывают то же самое, что совершали их средневековые коллеги. Раскрытие ритуальных убийств и человеческих жертвоприношений уже перестало быть сенсацией, а стало восприниматься как часть современной криминалистики – растущей отрасли среди наиболее тяжких преступлений.

В 1580 году известный французский юрист Жан Бодлен попытался систематизировать преступления колдунов и ведьм по 16-ти пунктам. Остановимся на некоторых из них.

Четвертый пункт: «...посвящает ему (дьяволу) детей».

Это особые ритуалы, которые должны были стать антиподом крещения. Характерно, что после октябрьской революции безбожники-сатанисты хотели заменить крестины новым обрядом под названием «красные звезды». Мать и отец с ребенком поднимались на трибуну, которую нередко устраивали на месте церковного алтаря, становились под изображением огромной пятиконечной звезды и портретами вождей на стене, давали обещание-клятву «посвятить»

ребенка делу всемирной революции и борьбы с религией. При этом два человека из числа старых революционеров или политработников подтверждали, что они ручаются за родителей, и будут следить за воспитанием ребенка. Потом к одежде «октябренька» прикалывали звезду с портретом вождя, а родителям делали подарки. Часто в роли «звездных отцов» выступали красные комиссары.

Антихристианская направленность этих ритуалов очевидна. Под различными формами скрывается один и тот же подтекст. Историк V века Фавст Бизант повествует, что армянский царь Арташес и царица Парандзем «посвятили» своего сына по имени Пап демону. Участь все трех была трагична. Арташес покончил жизнь самоубийством в темнице, называемом «замком молчания», Парандзем была захвачена в плен персами и предана позорной казни, а Пап сошел с ума и был убит. На нем кончилась династия царей аршакидов, а Армения была разделена между персами и византийцами.

Третий пункт: «Умерщвляют детей до их крещения, что позволяет им (демонам) завладеть их душами».

В ветхозаветной церкви ребенка мужского пола подвергали обрезанию на восьмой день. Этот обряд служил прообразом крещения. В новозаветной Церкви возраст для крещения не указан, но по правилам Карфагенского собора и Предания Церкви ребенка необходимо крестить как можно раньше.

Толкователь церковных правил Матфей Властарь, в книге «Алфавитная стигмата» указывает, что если ребенок умрет из-за невнимательности родителей, то следует наказать их епитимьей, и отлучить от причастия; а если ребенок умрет некрещеным, то наказание должно быть более строгим и продолжительным, так как в этом случае страдает душа ребенка. Без крещения ребенок остается вне Церкви, и по церковному уставу лишается христианского погребения и заупокойных молитв.

При крещении младенца, хотя бы только родившегося на свет, священник произносит слова, обращенные к Господу:

«Изжени из него всякого лукавого и нечистого духа, сокрытого и гнездящегося в сердце его», и читает молитвы для изгнания демонов, значит, до крещения ребенок находится под властью темных сил. Святой Феофан Затворник пишет, что до крещения демон пребывает в сердце человека, а после крещения действует на него извне. Если крещеный младенец становится жертвой сатанистов, то над его душой демон не имеет власти.

Самая страшная сторона аборта заключается в том, что женщина, убивающая ребенка, сама того не понимая, соучаствует в колдовском ритуале – в «посвящении» ребенка демону, а вместе с ним – своей души. Жертвоприношения сатане способны вызывать стихийные бедствия: землетрясения, неурожаи, эпидемии, наводнения, засухи, а также войны и междоусобицы.

В видимой природе и в истории человечества существуют свои ритмы и циклы – закат солнца похож на его восход; конец мировой истории будет подобен состоянию мира перед потоком во времена Ноя. Оккультизм, магия, ритуальные человекоубийства и разврат, как потоп, хлынувший из адских глубин, затопили землю прежде, чем океан поднялся выше горных хребтов, и земля сделалась кладбищем для своих обитателей.

Уничтожение ханаанских племен было карой Божией за демонопоклонение. В Карфагене стоял идол по имени Молох, туловище которого представляло собой печь. Жрецы во время жертвоприношений разжигали внутри идола огонь, а затем на раскаленные руки Молоха клали детей. Гнев Божий постиг преступный город, как Содом и Гоморру – Карфаген был разрушен до основания. Камни от крепостных стен победители-римляне бросили в море, а землю на месте бывшей столицы распахали плугами и посыпали солью, чтобы там не росла даже трава.

Вавилоняне приносили кровавые жертвы Ваалу и Астарте, а что осталось от этого города – самой мощной крепости

мира? Одни развалины. А от ассирийской столицы Ниневии, где было пролито еще больше крови, чем в Вавилоне, не осталось даже руин – каменных следов ее прежнего величия: каток веков стер Ниневию до основания.

Господь сказал: «Кровь брата твоего вопиет ко Мне». Теперь кровавые жертвоприношения стали повседневностью, редко в какой семье не совершаются они. Это – приготовление мира ко второму, огненному, потопу; только между первым и вторым потопом есть различие. Во время первого потопы вода пребывала в течение 190 дней, пока не превратила землю в морское дно, так что людям еще было дано время для покаяния, а огненный потоп произойдет мгновенно. Господь будет судить мир в том, в чем застанет его.

Многие люди не понимают, что убийство ребенка во имя идола своей комфортности, во имя идола семьи, во имя идола денег, делает человека демонопоклонником. Некоторые люди, участвуя в ритуалах различных оккультных сект, не понимают, что они отрекаются от Христа, поклоняясь идолам Кришны, Шивы и Бухамеда, как своим новым богам. Они считают эти языческие обряды упражнениями для приобретения психической энергии и здоровья. Многие, обращаясь к гадалкам и знахарям, думают, что заклинания и заговоры – это особые «молитвы» и не понимают, что они вошли в общение с демоническими силами. Так, большинство родителей детоубийц не осознают, что они совершают поклонение сатане, и повторяют то же самое, что и адепты черной магии во время своих сборищ.

Шестой пункт: «...посвящают дьяволу зародыши, находящиеся в утробе матери».

Зародыши умерщвляли, из них приготавливали колдовскую мазь.

Десятый пункт: «Убивают людей и новорожденных и употребляют их в пищу».

Слово «съедает» можно употребить к каждой матери-детоубийце. Глотая таблетки, несущие смерть уже живому

существо, делая аборт, она, как ведьма, пожирает своего ребенка, она пожирает его тело, лишая его земной жизни, она пожирает его душу, лишая его света Христа.

В 70х годах XX века произошло следующее событие. Во дворце короля одной из стран Центральной Африки, спешно бежавшего из столицы во время восстания, были найдены расчлененные человеческие трупы, в том числе тела детей. Они хранились в холодильниках, из них готовились кушанья для короля. Детей король убивал собственноручно, разбивая жезлом их головы, что говорит о вероятности сатанинского ритуала. Общество было шокировано таким проявлением каннибализма в наши дни. Но намного ли лучше те, кто поедают собственных детей, и при этом имеют наглость считать себя христианами?

Культ секса

Почему губителен секс? Он лишает человека богообщения, следовательно, Царства Божьего, которое, по словам Спасителя, «внутри нас есть».

В Ветхом Завете дана заповедь не прелюбодействовать. В Новом Завете Господь требует большего – целомудрия не только в поступках, но и в мыслях; кто смотрит с вожделем, тот уже прелюбодействует. В заповедях блаженств Господь говорит: «Блаженны чистые сердцем, потому что они увидят Бога». Значит, неизменное условие для богообщения – чистота сердца. Нечистые сердцем не смогут увидеть Бога, увидеть не визуально, а через особое чувство сердца, просвещенного благодатью. Видеть Бога – это значит иметь в своей душе божественный свет.

Святые отцы считали борьбу с блудом одной из самой трудной для человека. Они называли блуд «смертью духа». Преподобный Иоанн Лествичник говорил, что блуд самый тяжелый грех после человекоубийства. Человек, поддающийся другим страстям, согрешает, а совершивший блуд – пал, то есть сбит с ног демоном и лежит беспомощно на земле. Нужны годы покаяния, чтобы блудник получил не только прощение, но потерянную через грех благодать. Святые отцы учат контролировать наши чувства: зрение, слух и т.д., чтобы через них не входила в душу никакая грязь, особенно блудная нечистота, иначе пять чувств становятся, по словам преподобного Симеона Богослова, «пятью окнами смерти». Хотя бы блудник посещал храм, но до его покаяния и исправления внутренняя жизнь Церкви останется для него закрытой, как для слепого, который, стоя на солнце, не может видеть света.

Апостол Павел пишет: «Не обманывайтесь, блудники Царствия Божия не наследуют». Апостол Иоанн Богослов, а вернее Дух Святой, свидетельствует, что блудники и прелюбодеи, вместе с убийцами и волшебниками, не войдут в Небесный Иерусалим.

Итак, мы должны сказать, что секс, во всех его проявлениях, лишает человека вечной жизни. Поэтому катастрофически уменьшается внутренний двор Церкви, то есть сердца тех, кто находится в световом поле благодати. Секс деформирует человеческую личность; он расслабляет волю человека, делает его рабом собственных страстей, похожим на лодку в открытом море во время шторма, которая потеряла управление и отдана во власть волн. Секс расшатывает и уничтожает нравственность.

Для христианина нравственность это, прежде всего, внутреннее состояние души. Для современного человека – это только определенные нормы общежития. Поэтому современный человек двойственен, для него нравственность – это казаться нравственным.

Последствие «свободного секса» не деторождение, а детоубийство. Поэтому секс по природе своей неестестве-

нен и жесток. Он уничтожает уважение людей друг к другу и к самим себе. Секс и разврат сужают жизнь человека до удовлетворения темных инстинктов, живущих где-то на дне подсознания, притом искусственно деформированных, извращенных и искаженных. Человек привыкает смотреть на себя, на других и на саму жизнь нагло и цинично. Если человек только кусок мяса, то где место верности и правды, кому быть верному, перед кем говорить правду, – да, и кому она нужна? Поэтому в наше время ложь и лицемерие становятся универсальным принципом общения людей.

Правда и честность, верность и постоянство – это слова, которыми спекулируют. А если человек живет по нравственным принципам, то он вызывает глухое раздражение; в лучшем случае, на него смотрят как на чудака, вроде Дон Кихота, а чаще – как на врага общественного согласия и спокойствия.

Секс, апологетом которого в значительной степени выступают литература и искусство последних двух веков, на самом деле делает жизнь человека бессмысленной, серой и скучной. Если человек преодолевает террор общественного мнения и массовый гипноз средств информации, то, положив руку на сердце, он должен будет признаться, что в культивированном сексе, который прокручивается по всем каналам телевидения, и въедается как грязь в нашу жизнь – нет ничего благородного и радостного, а только унижительное и пошлое. В сексе происходит отключение сознания, как при употреблении наркотиков и алкоголя, а затем человек переживает периоды внутреннего опустошения и отвращения к самому себе. И здесь, как у алкоголика, появляется зависимость от яда и идет постоянная деградация личности на духовном, душевном и даже телесном плане.

Есть еще один мистический аспект секса и разврата. Первым обетованием Бога нашим праотцам были слова: «Семя жены сотрет голову змея». Обряд обрезания в Ветхом Завете имел символическое значение: посвящение потомства

Богу. В Новом Завете супружество возведено в степень таинства. Разврат и секс являются отдачей семени дьяволу, и это не простой образ или символика; в демонических ритуалах существуют обряды посвящения семени – потенции жизни дьяволу, человекоубийце.

Секс и разврат являются атрибутикой черной магии, а свальным грехом заканчиваются праздники в сатанинских сектах. Уже древние христианские апологеты писали о том, что запах блуда и человеческой крови привлекает к себе демонов, поэтому они обитают в языческих капищах как в своих домах. На запах блуда собираются демоны, как вороны, налетевшие на труп. Человеческое семя становится их добычей, но об этом подробно вряд ли надо писать. Поэтому секс и разврат – это сила, демонизирующая мир, это та страшная опасность, о которой забыли или нарочно закрывают глаза, чтобы не видеть ее отвратительного обличия.

Первый потоп превратил землю в океан. Последний потоп сожжет и в то же время обновит ее в огне. А теперь нарастает потоп грязи, в котором тонут не тела, а души людей.

Сны ребенка

А еще не рожден, но в сновидениях я уже вижу будущую жизнь. Я вижу себя ребенком, играющим на лугу, где много цветов; над ними бесшумно порхают бабочки, похожие на крылатые цветы необычайной окраски.

Ярко светит солнце. Рядом со мной моя мать. По небу плывут белые облака – как будто корабли, подняв паруса. Я выбираю самые красивые цветы, срываю их и приношу матери, а она складывает их в букет.

И вдруг на небе по является темная грозовая туча. Она растет на глазах и становится похожей на черное тело дракона. Она покрыла солнце, как будто проглотила его своей пастью. Раздаются раскаты грома. Я в страхе бегу к матери, она берет меня на свои руки и говорит: «Не бойся», и я сразу же успокаиваюсь, – с матерью мне ничего не страшно. Она уносит меня в наш дом. Где-то гремит гром, от которого, кажется, содрогается земля, но рядом со мной моя мать, и я засыпаю на ее руках.

Я вижу второй сон. Мать и отец о чем-то тихо беседуют друг с другом. Я слышу каждое их слово. Мой отец говорит: «Как я благодарен тебе, что ты оставила живым нашего ребенка – наше счастье, без него я не представляю нашу жизнь, она была бы серой и пустой».

Я вижу другой сон. Я болен. Мое тело как будто горит в огне. Рядом со мной у кровати сидит моя мать. Сколько бессонных ночей провела она около моего изголовья, я не знаю. Она тихо говорит: «Пусть его боль перейдет ко мне, пусть этой болезнью заболею я вместо него». Мне кажется, что какая-то сила идет от моей матери и не дает мне умереть. Она видит, что я открыл глаза, тихонько вытирает свои слезы и улыбается мне.

Я вижу другой сон. Я спрашиваю мать, почему так долго нет отца. Он, наверное, куда-то далеко уехал. Ее лицо печально, она говорит: «Твой отец умер». Я говорю: «Что значит умер, где он?» Мать отвечает: «Его положили в гроб и зарыли в могилу». Я говорю: «Наверно, отцу будет скучно без нас, ему в земле холодно, давай пойдем и выроем его из могилы». Мать отвечает: «Там лежит его тело, а душа его у Господа; мы будем приходить к его могиле и молиться о нем». Я спрашиваю: «А как мы будем жить без папы?» Она отвечает: «Не думай об этом, сынок. Я не покину тебя, а Бог не покинет нас. Если мы будем бедны, то будем жить в каком-нибудь убогом жилище. Если ты будешь голоден, то я буду просить

милостыню, чтобы накормить тебя. Если тебе будет холодно, то я согрею тебя своим дыханием. Если тебе не во что будет обуться, и будут мерзнуть твои ножки, то я буду носить тебя на своих руках». Я ответил: «Мама, с тобой мне будет везде хорошо, я буду слушаться тебя и радовать тебя, а когда мы умрем, то встретимся с папой и будем все вместе».

Я вижу другой сон. Я играю на краю глубокой ямы, похожей на колодец. И вдруг проваливаюсь в нее. Мне не за что ухватиться руками, не на что опереться ногой. Вокруг никого нет. Я вижу, как подо мной во мраке блестит вода. После моего рождения, когда я научусь говорить, я расскажу матери эти сны.

Мать, почему мое сердце сжимается от тревоги, куда ты несешь меня? Я вижу комнату, полную черных демонов. Я хочу бежать, но я пойман, как зверь в сети: чудовище, в образе человека, хочет убить меня. У меня отсекают руку. Мать, тебе, наверное, никогда не отрезали руки, и ты не знаешь, как это больно, иначе ты не дала бы этому злому человеку так мучить меня. Мать, тебя никогда не били молотом по голове, а железные лапы схватили мою головку и сжимают ее. Это невыразимо больно, я слышу хруст своих костей.

Где ты, мама, та мама, которая снилась мне?

МЕРТВАЯ И ЖИВАЯ ВЕРА

В Священном Писании и патристике встречаются слова: «мертвая вера» и «живая вера». Святые отцы говорят, что для спасения надо не только верить в Бога, но и верить Богу. Это значит верить, что каждое слово Евангелия несет в себе свет и истину, что промысл Божий управляет жизнью человека от его рождения до смерти, что

обещания Божии неизменны и, скорее разрушатся небо и земля, чем не исполнится одно из них.

Такая вера является внутренним ориентиром, и как бы стержнем слов, стремлений и поступков человека. Она проявляется в его повседневной жизни, как бы пронизывая светом каждое мгновение его бытия. О праведном Энохе в Библии говорится: «Он ходил пред Богом». Человек, который «ходит пред Богом» чувствует себя в постоянном присутствии Божиим, он помнит, что очи Божии видят глубины его сердца. Он ощущает радость в своей душе, когда исполняет волю Божию, как предвестницу небесной радости, и ощущает грех как потерю благодати, как состояние, подобное смерти.

Апостол Иаков пишет: «Вера без дел мертва, – и добавляет, – и бесы веруют».

Живая вера – это волевая, деятельная вера, которая переходит в надежду и любовь. Христианин носит на своей груди крест, который получил при крещении. Крест – это постоянная память о Голгофе, это сила, которая победила демона и ад, и, в то же время, крест – это обещание христианина исполнять волю Божию до самопожертвования и смерти. У каждого христианина есть своя голгофа, на которую он должен нести свой жизненный крест. Человеку в жизни даны испытания, которые обнаруживают то, что скрыто в глубинах его сердца; они высветляют внутренний лик души, который часто неведом для него самого. Испытания и трудности показывают, кто мы на самом деле.

В житии святых Варлаама и Иоасафа есть притча о том, как царь открывает два сундука, о содержании которых никто не знает. В одном оказывается золото, а в другом – гниль. Испытание, как ключ, открывает сокровищницу человеческой души, как луч, озаряет глубины его сердца. Что находится там, что стяжал человек, с кем он – с Христом или велиаром?

Решение оставить жизнь ребенку или убить его – одна из самых трагичных проблем нашей современности. Здесь ре-

шается вопрос: христианин человек или иуда, готовый продать за деньги Христа. Здесь обнаруживается, какая у него вера – живая или мертвая, наподобие бесовской веры. Человек при крещении через своих восприемников дает обет: «Отрицаюсь от сатаны и сочетаюсь с Христом». При детоубийстве обет крещения разорван, человек отрицается от Христа и сочетается с дьяволом-убийцей.

Нам кажется, что решение этого вопроса похоже на суд языческих судей над христианами во время гонений. Христианина спрашивали: «С Христом ты или с нашими богами? Отрекись от Христа и получишь свободу и милость цезаря, а если нет, то тебя ждут пытки и казнь». Здесь могло быть два ответа: «Для меня лучше быть со Христом в темнице, чем на пиру у Диоклетиана; для меня смерть за Христа – начало вечной жизни». И другой ответ: «Я отрекаюсь от Христа, и готов исполнить повеление цезаря (сатаны – князя этого мира)».

Дьявол нашептывает на ухо родителям ребенка, что им не по силам рождение и воспитание детей, что ребенок не будет обеспечен всем необходимым, что они будут мучаться, видя его больным или голодным, что такая жизнь хуже смерти. Эти люди стараются успокоить совесть ссылками на необходимость, но они не берут в расчет самого главного – что существует Бог, Который творит чудеса, что существует Его Промысл, который объемлет мир и каждого человека. Если Господь даст жизнь ребенку, то даст средства прокормить его. Об этом говорится в Евангелии. Даже маленькие птенцы не забыты у Бога, и Он дает им пищу. Неужели ребенок хуже птенца ворона? Если родители поверят слову Божию, то увидят постоянную помощь, мы бы сказали, помощь, граничащую с чудом: чем больше они будут надеяться на Промысл Божий, тем больше Он будет заботиться о них.

В Священном Писании написано: «Надежда не посрамляет». Кто решился на убийство, тот забыл, что Бог не толь-

ко Творец мира, но Всемогущий Промыслитель и сама Любовь, что Он держит будущее каждого человека в Своей руке.

Детоубийца подобен отрешшемуся на языческом суде от Христа, отрешшемуся перед людьми и ангелами. Отступнику обещают много, но ничего не дают. Даже дьявол презирает предателей.

КАК ОБЛЕГЧИТЬ УЧАСТЬ НЕКРЕЩЕННЫХ МЛАДЕНЦЕВ?

Можно ли молиться в церкви за некрещеных младенцев? Этот вопрос – сам по себе жгучий, как бы напоенный болью – носит особенно трагический характер для тех, кто совершили детоубийство, а затем пришли к Церкви и приносят покаяние за этот грех. – «Неужели наш ребенок навечно погиб, неужели нет возможности помочь ему?», – спрашивают они. Священник объясняет им каноны Церкви, что спасение без крещения невозможно, но это не облегчает их мучительного состояния между отчаянием и проблесками несбыточной надежды, и они с мольбой смотрят на священника, как будто он имеет власть и средства помочь им, если захочет. Перед этой человеческой болью не которые священники как бы отступают, образно говоря, не переносят тоску женских глаз о своем потерянном материнстве, и начинают утешать их апокрифическими сказаниями. Они лгут из сострадания, оправдывая себя тем, что при сильных болях врачи дают больному морфий. Иногда они сами стараются поверить в то, что можно спасти некрещеных младенцев, обращаясь с молитвой мучнику Уару, или поминая их в определенные дни (Троицкая суббота, и праздник чуда Архангела Михаила).

Церковь это «столп и утверждение истины», а всякая ложь – от демона. Мы должны указать таким родителям путь между отчаянием и ложной надеждой, а именно, как облегчить загробную жизнь младенца.

Во-первых, надо осознать и понять, почему Церковь в своих молитвах не поминает некрещеных, почему в этом отношении она так категорична. Ответ один: из-за любви. Благодать церковной молитвы, которую не может воспринять некрещеный, только усугубляет его страдания. Не воспринятая благодать как бы обращается против человека. Чувство потери становится для него особенно ощутительным и острым. Молитва должна соответствовать духовному состоянию человека и степени его восприимчивости.

Есть еще метафизическая сторона вопроса, которой мы не касаемся здесь, а именно, некрещеные в загробной жизни остаются под властью демона и в узах первородного греха как проклятия. Они – то темное сокровище вавилонского царя, о котором говорится в Библии. Служить погребение над некрещеными и петь «со святыми упокой» – это значит лгать, и ложью расширять власть демона над ними.

Само слово «спасение» имеет два аспекта, две стороны, два значения – отрицательное и положительное. Отрицательное значение – это избежать какой-нибудь опасности и беды, например, выпрыгнуть из окна горящего здания, уйти от преследователей, и т.д. Положительное значение этого слова, значит, осуществить главную цель своей жизни; спастись – это навеки быть с Богом. Некрещеный может спастись в первом значении этого слова, то есть избежать геенских мук, или получить облегчение. Праведники, жившие до Христа Спасителя, находились в аду, но не в муках, ожидая искупительной Жертвы.

В одном из сербских монастырей есть следующая фреска. Праотец Авраам восседает на троне, его окружают души младенцев; Авраам еще не вошел в рай, но это место, называемое

«лоном Авраама» служит обителью для некрещеных младенцев. Они не в раю, но не в вечных муках.

В житии святого Григория архиепископа Римского, описан случай, когда он выпросил своей молитвой освобождение души императора Траяна – известного гонителя христиан – от вечных мук, но это не значит, что Траян вошел в Небесное Царство: чтобы быть в раю, надо иметь рай в своей душе.

Ефрем Сирий и Василий Великий свидетельствуют о том, что в аду есть различные места. Ефрем Сирий пишет, что есть место, которое называется геенной, другое – тартаром, третье – тьмой внешней и т.д. Облегчение от молитв угодников Божиих получали язычники, о чем рассказывала душа египетского жреца преподобному Макарию Великому.

Некрещеному Господь может дать милость, но не благодать Духа Святого. Некрещенные дети в загробной жизни могут получить некое утешение, но не увидят Господа.

Родители могут поминать некрещеных младенцев призывительно так: «Господи, облегчи их участь, по воле Твоей. Дай им милость, которую они могут воспринять, и прими молитву мою, не как дерзость, а как голос кающегося грешника». Но после каждой такой молитвы надо добавлять: «Да будет, Господи, воля Твоя, а не моя. Ты лучше знаешь, что нужно каждому из нас».

Помочь некрещеным младенцам можно также, раздавая бедным милостыню.

Последнее время стали издаваться апокрифы, выдаваемые за Предание Церкви, а также извращенные толкования агиографических произведений. Например, в житии мученика Уара написано о том, как святой молился о спасении родных своей благодетельницы Клеопатры, и его молитва была услышана. В его житии не сказано были родные Клеопатры крещеными или нет, а составители новых апокрифов выдумали версию о том, что мученик Уар является молитвенником за некрещеных младенцев. Известный экуменист митрополит

Никодим Ротов даже составил мученику Уару канон как предстателю перед Богом за некрещеных.

Бывают случаи, правда, редкие, когда родители просят окрестить мертвого ребенка или скрывают, что он умер некрещеным, чтобы над ним священник совершил христианское погребение. Здесь проявляется неверие в Церковь и тайная мысль, что человек может быть милостивей, чем церковные каноны. Но обряды и таинства Церкви, совершаемые путем лжи или насилия, остаются недействительными; более того, они прогневают Бога.

Некрещеные младенцы находятся ни в свете, ни во тьме, ни в блаженстве, ни в муках. Их состояние похоже на тихие сумерки после заката солнца, пока еще не наступила ночь.

Некоторые богословы символически изображали ад в виде концентрических кругов. Центр ада – это место, где находится сатана, где стоит престол Люцифера: чем ближе к центру, тем тяжелее муки, чем дальше от него, тем большее облегчение получает душа. На внешнем кругу ада находятся некрещеные младенцы и лучшие из язычников. Туда не проникает геенский огонь, они не испытывают страданий, но там нет Бога.

Святые Афанасий Великий, Григорий Богослов и Кирилл Александрийский свидетельствуют о том, что некрещеные младенцы не будут в славе, как крещеные младенцы, и не в наказании, как грешники, сознательно совершившие преступления.

Что делать женщине, которая в своей жизни совершала детоубийства? Прежде всего, осознать тяжесть своего греха, принести покаяние и просить священника наложить на нее епитимью – церковное наказание, исполнение которой привлекает милость Божию. Кровь смывается только слезами.

В древнем патерике есть рассказ о том, как один монах в юности был пастухом. Однажды он встретил в безлюдном месте беременную женщину, и дьявол вложил в его сердце мысль – посмотреть, как находится ребенок в чреве матери, и он рассек живот женщины. Затем он пришел в ужас от со-

вершенного злодеяния, но не отчаялся, а удалился в пустыню и стал проводить подвижническую жизнь, исповедуя перед Богом и монахами пустынниками свой грех. Он плакал день и ночь, вспоминая об убийстве двух жизней. Прошли годы. Господь открыл его духовному отцу, что убийство женщины прощено, и велел сказать ему об этом. Через несколько лет Господь снова открыл старцу, что Он простил убийство младенца, которое представляло собой более тяжелый грех, так как младенец умер некрещеным, но велел не говорить ему об этом, чтобы тот не ослабил покаянного подвига.

Детоубийцам следует опасаться двух крайностей: 1) оправдывать свой грех, стараться не видеть глубины своего падения, обманывать свою совесть. Даже если убийство произошло невольным, то надо помнить, что невольные грехи – это следствие и наказание за вольные, которые человек совершил раньше. Разумеется, они более легкие, чем сознательные, но они также нуждаются в покаянии и очищении. 2) отчаяние – крайняя степень уныния, состояние безысходности. Человеку кажется, что спасения для него уже нет. Как оправдание греха, так и отчаяние, приводит к одному результату: человек лишается покаяния – единственного пути к духовному возрождению.

Покаяние родителей приносит определенное облегчение душам убитых детей, так как между ними остаются некие невидимые связи. Покаяние привлекает милость Божию ко всей семье, оно разгоняет невидимую демоническую тьму, которое как ядовитое облако находится в доме, где было задушено убийство.

Но покаяние должно быть сопряжено с условиями: не повторять греха и стараться помочь другим, чем возможно, чтобы они не совершили этого преступления. Например, пусть такая женщина поможет той, которая отказалась от детоубийства, содержать и воспитывать ее ребенка. Как мы сказали, она может принести душе убитого определенное

утешение и радость своей молитвой и милостыней к бедным. Это сознание долга перед убитым младенцем должно дать ей силы совершать добрые дела. Когда она будет посещать храм, исповедоваться и причащаться, когда в каждом живом ребенке она будет видеть отображение своего убитого младенца и проявлять к ним заботу и любовь, то души ее детей в это время будут чувствовать утешение.

Нужно отбросить, как своих врагов, и ложную надежду и безнадежность. На том свете мать увидит своих убитых детей, и хотя ее покаяние не могло заменить им крещение, но она при этой встрече, как при огненном испытании, может сказать им: «Я совершила великий грех перед вами, но потом всю жизнь старалась сделать для вас все, что могла».

Что случилось с человечеством?

Почему до XIX века ни одно законодательство не посмело легализовать аборт, хотя нередко власть захватывали в свои руки в странах и огромных империях порочные и жестокие люди? Они совершали кровавые преступления, опустошали целые области, напаяли землю кровавым дождем, уничтожали свои и чужие народы и, в то же время, не посмели цинично провозгласить право на детоубийство – когда родители могли присудить своего ребенка, как преступника, к казни.

Первой страной, где был разрешен и легализован аборт, была Советская Россия в период революции, а пионером этого дела – Владимир Ульянов. К преступлениям и эксцессам революции и гражданской войны, которые оставили миллионы бездомных и беспризорных детей, прибавилось еще право убивать

не рожденных. Но еще более страшно, что закон, введенный в России, вызвал не ужас и омерзение у других народов, а стал примером для подражания. В течение XX века большинство государств приняло закон о частичной или полной легализации аборт. Таким образом, это гнусное злодеяние в сознании людей XX века и в законодательстве стран, гордящихся своей цивилизацией, перестало быть преступлением.

Почему аборт имеет столько приверженцев и защитников? Почему устраиваются демонстрации не против этого преступления, а против некоторых ограничений, которые еще предусматривают законы? Почему женщины требуют права на убийство своих детей? Почему врачи становятся мясниками? Самое мерзкое то, что люди, называющие себя христианами, требуют не только от государства, но даже от Церкви разрешения абортов, чтобы совершать убийство детей – этот иродов грех со спокойной совестью, а вернее, с мертвой совестью.

Что случилось с человечеством? Почему нашлось столько сторонников аборта? Почему им не могут противостоять государственные структуры, даже известные своим консерватизмом? Почему расшатаны вековые колонны во дворцах правосудия? Каким микробом, похожим на чумную бациллу, заражена общественная мораль – это негласное законодательство? Нам кажется, что здесь целый ряд причин, похожих на звенья цепи.

Первая и, по нашему мнению, главная причина – это духовное обнищание человечества, где сама религия становится не внутренним содержанием жизни, а только традиционной формой, под которой скрывается пустое сердце и прагматичный рассудок. Потеря истинной религиозности опрокинула прежнюю шкалу ценностей и сдвинула вековые ориентиры. Перед первым потопом Господь произнес приговор над человечеством: «Они стали плотью». Человек потерял ощущение собственной души, поэтому чужую душу

он воспринимает как туманную абстракцию. Жизнь он стал воспринимать как земное бытие, из которого он должен извлекать как можно больше наслаждений любой ценой. Человек стал бытовым материалистом. Для него реально собственное тело, а душа отнесена в область гипотез. Поэтому в человеческом плоде он видит только незавершенное тело и успокаивает себя тем, что, может быть, нет там никакой души.

Вторая причина – это оскудение любви друг к другу, душевный холод, который ввергает нашу землю в какой-то новый ледниковый период. Люди становятся чуждыми и безразличными друг к другу. Люди разобщены между собой какой-то невидимой силой. Эта эмоциональная дистанция делает города похожими на пустыню. Современный человек становится внутренне бесконтактным и одиноким. Эмоциональная охлажденность проявляется в отношении, казалось бы, самых близких людей; она разрывает родственные связи, делает из семьи подобие фирмы, где любовь заменяется договоренностью, где каждый член семьи воспринимается как партнер. По сути дела, в настоящее время почти каждая семья травмирована. Кажется, что пройдет несколько десятилетий, и сама семья покажется историческим архаизмом.

Люди часто смешивают два понятия, противоположные друг другу – любовь и страсть. Любовь стремится не взять, а отдать, она видит себя в другом. Страсть, напротив, хочет взять; она стремится захватить другого и поработить себе. Любовь воспринимает человека как личность, страсть – как инструмент. Семья не может держаться на выгоде и страсти, поэтому мы видим катастрофический распад семейств. Выгода – это желание получить как можно больше, а отдать как можно меньше, при этом выгода плохо вяжется с верностью. Что касается страсти, то это вообще неуправляемое чувство, которое находится в постоянном конфликте с нравственностью.

Человек отучился любить, поэтому он не желает иметь детей; деторождение и воспитание ребенка мешает удовлетво-

рению его страстей, а человек ни в чем не хочет ограничивать себя. При распаде семьи дети становятся еще большей помехой. Характерно, что в большинстве случаев, мужчина, оставляющий семью, даже не интересуется жизнью своих детей и избегает видеться с ними. У человека не только притуплены духовные чувства, но теперь он теряет даже душевные чувства красоты, дружбы, верности и т.д. Стрелка его ценностей все больше склоняется в сторону самого грубого биологизма. Его целью становится комфорт и секс, более того, секс превращается в какой-то культ. Человек видит, как все и всё продается – дело только в цене (конечно, не всегда это так, – добро в этом пошлом мире скрывает себя), и поэтому человек приходит к выводу, что ключ к счастью – деньги, что посредством денег можно реализовать все свои желания и страсти.

У нас открываются храмы, но Церковь живет одной жизнью, а мир другой. Пока Моисей беседовал с Богом на Синае, народ потребовал у Аарона сделать тельца из золота как своего бога, поклонялся ему и плясал вокруг него. Золотой телец диктует людям свои законы, он захватил и иссушил их души. Раньше люди, обдумывая свои поступки, задавались вопросом насколько это правильно, затем – насколько это красиво, а теперь – насколько это выгодно. Если бы раньше спросили человека, сколько стоит его дитя, то он бы удивился. А теперь родители высчитывают, во сколько обойдется им будущий ребенок, и обращаются, как к судьбе, золотому тельцу, и от него ожидают ответа: можно им иметь ребенка или нет.

Человек стремится к комфортности, он привык, чтобы все за него делала техника, а ребенок нарушает эту комфортность, он требует не только расходов, но забот, личного труда и времени. Когда родители любили своих детей, то они находили счастье в этой любви и в общении с ребенком, в котором переживали собственное детство, как бы вторую жизнь. А этой любви теперь нет, или она ослаблена. Холодность к ребенку может перейти в хроническое раздражение.

Если раньше ребенок как бы дополнял и расширял жизнь родителей, являясь связующим звеном между супругами, то теперь он воспринимается, хотя бы на уровне подсознания, как агрессор, который вторгся в их жизнь. Человек все больше становится сексуальным существом.

Секс является одним из факторов обездушивания человека, он носит в себе потенциал жестокости. Характерная черта: эротические фильмы, как правило, содержат в себе сцены убийств и насилия. Семья и деторождение препятствуют сексу, так как ставят перед человеком целый ряд обязанностей и задач, а человек хочет быть свободным от ответственности и долга. Легче заниматься «свободным» сексом, когда свободен от детей. Легче заниматься детоубийством, когда свыкнешься с мыслью, что ты – только сексуальное животное. Надо сказать, что средства массовой информации, особенно телевидение, сыграло негативную роль в процессе дехристианизации и расчеловечения общества. Картины секса и убийства стали привычными; к ним адаптируются – как привыкает к зловонию человек, если запереть его в свиной хлев. Борьба с детоубийством должна быть борьбой с распущенностью, порнографией и развратом за возрождение человеческой личности. Конечно, хорошо, если эта борьба может опереться на государственные и общественные структуры, но, прежде всего, ее должен вести человек – христианин в своей жизни, в своем сердце. Это – борьба человека за самого себя.

В поэме «Одиссея», которую древние мудрецы рассматривали как символическую поэму, есть рассказ о том, как колдунья Цирцея предложила Одиссею и его спутникам пищу, которая превращала людей в свиней. Одиссей не дотронулся до ее яств, а остальные, с жадностью набросившись на пищу, превратились в животных. Человек должен отказаться от той информации, которая вливает грязь и яд в его душу, чтобы не попасть в плен «злой волшебницы», для которой нужны не люди, а свиньи.

Те люди, которые считают, что не могут понести трудностей в связи с рождением детей, имеют выход, достойный человека – это разумное воздержание. Эти слова могут показаться нерелятивными для нашего времени, где полнотой жизни считается удовлетворение своих страстей. Но человеческий опыт говорит о другом: страсти – это самообман; удовлетворение страстей никого не сделало счастливым, не принесло душе покоя и радости, там только две фазы: опьянение и разочарование. Напротив, победа над страстями дает человеку чувство светлой радости, как будто в сердце его звучит какая-то таинственная песнь. Воздержание оставляет больше сил для духовной жизни и творческой работы – это отказ от худшего для лучшего. Воздержание – естественно, об этом свидетельствуют и как бы выступают обвинителями людей животные. Секс, оторванный от деторождения, как и все неестественное, не может принести человеку счастья, а только топит его в болоте.

Мы говорим о борьбе с детоубийством, но в более широком смысле – это возвращение человечества от культа сладострастия и наживы, как от языческих идолов, ко Христу – Его вечному, тихому свету.

Жестокое молчание

В настоящее время детоубийство превращается в апокалиптическую катастрофу: ежегодно оно уносит больше жизней, чем самые опустошительные эпидемии чумы в средневековье. В православных странах число умерших превышает число рождаемых, и этот трагический разрыв увеличивается с каждым годом. Нам следует рассматривать грех аборта с христианской позиции, еще не до конца размытой современным нигилизмом.

В детоубийстве мы видим один из самых страшных и постоянных диссонансов между вероисповеданием и жизнью. Мы писали об ответственности женщины перед жизнью, которую она носит в себе – жизнью ребенка, потому что, как ни парадоксально, в большинстве случаев инициаторами абортот являются сами женщины, но это вовсе не снимает вины с их мужей и с тех, кто толкает женщину на это гнусное преступление.

Разве уже не осталось семей с теми нравственными традициями и устоями, которые не позволяют супругам прибегать к детоубийству в форме противозачаточных средств или аборта? Что же делать действительно неимущим семьям, которые находятся за гранью нищеты и едва сводят концы с концами? Для них иметь ребенка становится не главной целью христианского супружества, а недоступной роскошью. Роддом превращается в трибунал над роженицей. Бедность рассматривается как преступление, которое должно караться смертью женщины и ее ребенка. Никаких объяснений «трибунал» не принимает: «Принеси деньги или иди рожать, где хочешь». Другими словами, это значит: умирай. Что же делать таким семьям, если работы нет, то, что можно продать, уже продано, родственники – такие же бедняки, стоимость за роды – превышает несколько зарплат, а человек такой суммы не может найти? Перед ним захлопываются двери роддома, его прогоняют прочь, как собаку от чужих ворот. Только собака может ошенииться где-нибудь в куче мусора, кошка – найти место на чердаке, но что делать женщине – единственному существу на земле, которое не может родить без посторонней помощи? Что она должна делать для того, чтобы сохранить жизнь своему ребенку: идти на преступление и попасть в тюрьму, или же продавать свое тело на улице, превратив себя в общественный туалет, чтобы вместе с этими проклятыми деньгами приобрести для себя и ребенка болезнь, от которой человек сгнивает? Для христианки это

значит потерять не только семью, но и Бога, и собственную душу.

Еще немало осталось в мире добрых людей, но мы чаще видим другое: как разбогатевшие «удачники» теряют чувство сострадания и, значит, собственное сердце. Если женщина будет просить милостыню для уплаты за роды, то чаще всего она услышит в ответ: «Если ты не имеешь денег, то зачем плодить бедняков?». Есть великодушные люди, готовые прийти на помощь, но разве будет решена проблема, если из ста детей спасен будет только один? Если женщина обратится к благотворительным организациям, то ей предложат не бесплатные роды, а бесплатные противозачаточные средства и обучение «планированию семьи» или же предложат оплатить аборт, который стоит намного дешевле, чем роды.

В детстве я читал книгу Виктора Гюго «Человек, который смеется». Возможно, что если бы я прочитал эту книгу теперь, то она не потрясла бы меня так глубоко, как в детстве, когда сердце похоже на мягкий горячий воск, – с годами оно остывает и твердеет. Но и теперь картины этой книги возникают, как бы вырисовываются в моем сознании. Меня поразило тогда раскаяние злодеев – компрачиков, которые похищали детей, уродовали их и затем продавали нищим для сборов подаяния. Ребенок навсегда оставался уродом и калеккой. И вот корабль, на котором плыли эти потерявшие совесть и жалость люди, попал в бурю и, ударившись о подводные камни, стал медленно тонуть. Перед лицом неминуемой смерти старший из компрачиков обратился к своим братьям по черному ремеслу с призывом вспомнить Бога, о Котором они забыли, и умереть с покаянием, как умер разбойник на кресте. Он стал громко читать молитву «Отче наш», которую выучил в детстве, а затем не повторял никогда. И, эта толпа злодеев, опустилась на колени и стала просить Бога о прощении. Вода постепенно зали-

вала палубу, поднимаясь все выше, но никто не встал с колен – смерть застала их в покаянии. Люди ушли в могилу моря, а их души – на Суд Божий.

А вот другая картина. Случайно обнаружилось, что один из изуродованных в детстве нищих по имени Гуинплен оказался знатного происхождения из фамилии английских лордов. Ему возвращают титул и права его родителей, он входит в высшее общество Англии, и это общество поражает его не своим богатством и блеском, а глубоким нравственным падением и духом богоборчества, которого он не видел среди бездомных бродяг и нищих. По праву своего происхождения он стал членом английского парламента. И вот он решается обратиться к этим людям, забывшим о вере и милосердии. Он говорит в парламенте, что пришел сюда сообщить о новости; эта новость – что Бог есть, эта новость – что кроме них существует еще народ, о котором они забыли. В ответ он слышит хохот. Члены парламента смеются, как остроумной шутке, тому, что есть Бог, есть народ и есть что-то незнакомое им, называемое совестью. Он пытается говорить дальше, но его слова перебивает дружный смех. Бог для этих людей – комический персонаж мирового цирка, над которым можно только издеваться, а Гуинплен – не больше, чем клоун, который выступил на трибуне парламента, как на сцене, чтобы развеселить их. Хохот сопровождается свистом и топаньем ног: лорды и парламентарии пришли в хорошее настроение – им удалось посмеяться от души.

Когда я пишу об абортах и обращаюсь к обществу с напоминанием, что существует Бог, что есть люди, которых нельзя истреблять, как сорняк в собственном саду, то я вспоминаю Гуинплена, который обращается к парламенту и, как эхо своих слов, слышит громкий хохот. Что мне скажут? Я уже заранее слышу ответ: «Мы не против того, что существует Бог, но пусть Он царствует на небесах и не мешает нам совершать земные дела; нам нужен бог Мефистофеля – добрый старец, с которым черт может договориться и поладить. Мы не про-

тив веры в Бога, если хотите – утешайтесь ею; мы большие гуманисты и поэтому стараемся идти навстречу чувствам верующих, например, мы не против того, чтобы абортывались под музыку Баха, мы даже готовы выделить уголок в абортариях, где можно было бы ставить свечи. В этом отношении мы можем сделать многое, но из того же человеколюбия не позволим, чтобы нарушалась экология Земли, чтобы нерожденные отнимали у рожденных права на комфорт и радость свободного секса, а бедняки бы плодились без контроля, как термиты. Неверующих мы успокоим тем, что существа во чреве – это не люди, а что-то вроде полуфабриката, а верующим внушим, что убиенные дети – это ангелочки, души которых отправляются прямо на небо и радостно взлетают ввысь из абортариев – как птицы из клетки, что аборт для ребенка – это перемена худшей жизни на лучшую».

Я вспоминаю Гуинплена, но все-таки думаю, что ответом мне будет не крики негодования и даже не смех, а глухое молчание непробиваемой каменной стены.

Кто мы?

Вопрос о преподавании сексологии в учебных заведениях и оценка этого предмета (если вообще его можно назвать наукой, а не зловещим симптомом деградации человеческого общества) должны быть рассмотрены и произведены с позиции христианской нравственности.

Не будем забывать, что большинство населения Грузии осознает себя христианами, несмотря на различный уровень включенности в духовную и церковную жизнь. Об этом должны помнить господа сексологи, которые обращаются с грузинским народом так, как будто он не имеет ни своих ве-

ковых традиций, ни житейской мудрости, ни нравственных ценностей, как будто это безлика толпа, а не народ древней культуры, принявший христианство 17 столетий тому назад, – возраст, которого редко достигают государства и народы. Кавказ, как Босфор и Дарданеллы, является границей Европы и Азии, – перекрестком мировых дорог в прямом и переносном смысле этого слова. Теперь традиции народа хотят опозорить так, как в свое время Фрейд опозорил семью и брак, и целомудрие представить не делом чести, а патологическим комплексом, какими-то болезненными фобиями. Здесь перед народом вопрос стоит во всей остроте: хочет он быть христианским народом или отречься от Христа во имя нового божества, имя которому – блуд и похоть.

Один из сексологов в беседе с корреспондентом популярной газеты поставил в пример языческую Японию и предлагал сменить наши традиции на «японский опыт». В чем заключается этот опыт, «проповедник» секса пока что умалчивает. Напомним о некоторых японских брачных традициях. Первая «замечательная» традиция: браки заключаются на определенное время, пишется договор, например на 13 года, на 10 лет и выше. Г-н сексолог, очевидно, считает, что христианский брак, как создание семьи, должен быть заменен временным сожителем с юридическим оформлением по японскому образцу. Разумеется, Церковь не может благословить подобные контракты, поэтому церковный брак здесь исключается. В Японии существовала особая «корпорация» мужчин, которых нанимали за деньги мужья для первой ночи со своей невестой. Подробности считаем излишними. Вот как ценилась девственность в Японии... Таким образом, господа сексологи учат, что девственность до брака должна быть потеряна. В христианстве это всегда считалось блудом и прелюбодеянием, а в ветхозаветной церкви – преступлением, которое наказывалось так же строго, как убийство. В Японии до последнего времени родители мог-

ли продавать своих детей в рабство. Неужели у нас родители будут наделены правом распоряжаться жизнью своих детей? К сожалению, разрешение на аборт уже наделило родителей правом собственника ребенка до его рождения.

Какие традиции предлагают нам импортировать из Японии? Например, в Японии до середины XIX века люди из низших сословий ходили летом по улицам города совершенно нагими. Наверное, эта традиция умиляет наших сексологов, и они скоро выпустят «научное» сочинение о том, что в одежде ходить вредно для здоровья. В Японии до сих пор существуют общественные бани, где совместно купаются оба пола, и надо сказать, что эта «экзотика» привлекает иностранцев больше, чем исторические буддистские пагоды. Неужели по примеру Японии такие бани нужно открыть и в Тбилиси? Наши сексологи-японофилы, возможно, знают, что в городах Японии туалеты общие для мужчин и женщин, и считают, что подобные места могли бы стать живыми комментариями для уроков по сексологии.

В Японии целые кварталы Токио и других городов отведены под дома терпимости. При этом проституция имеет оригинальные особенности: «дамы» сидят обнаженными за стеклами витрин. Неужели господа сексологи хотят, чтобы Грузия стала поставщиком такого «товара»?

Мы остановились на Японии именно потому, что сексологи обратили к ней свои завистливые глаза и хотят представить нам Японию как эталон современной культуры. Здесь психологический расчет: Япония вышла вперед в электронике и других ведущих отраслях науки. Срабатывает закон ассоциативного мышления: Япония – одна из ведущих технологических сверхимперий, и, в то же время, мы не видим в ее истории сексуальных ограничений или же почитания целомудрия. Поэтому в сознании человека, а тем более ребенка, может возникнуть мысль, что сексуальная вседозволенность уживается с техническим прогрессом и стимулирует его.

Но этот вопрос не так прост, как кажется с первого взгляда. В Японии существует буддийско-синтоическая традиция, и жизнь народа, разделенного на касты и сословия, была строго регулируема законами и обычаями, нарушение которых жестоко каралось.

Страна представляла собой вовсе не сборище сибаритов, а скорее военный лагерь. В Японии никогда не было культа женщины, даже в форме рыцарской романтики. Любовь и сладострастие не воспевались; там доминировали другие темы: военная доблесть, красота природы, почитание родителей и т.д. Огромная внутренняя дисциплина японского народа и осознание ответственности каждого перед государством, а государства – перед каждым членом своей страны, – вот что послужило мощным средством к интеллектуальной мобилизации того, что мы называем «японским чудом».

Японец относится к сексу с буддийским пренебрежением, так же, как к отхожему месту, необходимому для человека. У японцев распространено самоубийство, но это самоубийство совершается по причине оскорбления, протеста и т. д., но вовсе не из-за любви.

Сошлемся еще на одну особенность. У японцев отсутствует чувство ревности, что доказывает определенную холодность к браку. Муж не спрашивает жену о ее прошлых мужьях и любовниках. Это считается дурным тоном, достойным европейца, а не японца. Он больше интересуется другим: как умеет готовить жена чай или составить букет из хризантем. А если хозяин дома приведет к себе для развлечения «даму с панели», то жена обязана принять ее с радостью, как дорогую гостью, угостить и сделать подарок.

Нам могут сказать, что редко у других народов, кроме японцев, встречается такое мужество и воинская доблесть, которая выражается в самурайстве – японском рыцарстве. Но оно построено на других основах: на буддийском равнодушии к жизни, и синтоизме – культе силы и меча (в синтоис-

тских храмах существует обряд поклонения мечу). Самурай жертвует жизнью наподобие мусульманских ассасинов. У самураев любовь к детям сочетается с равнодушием к семье. В японской лирике мы можем найти мотивы грусти о разлуке с друзьями, но о разлуке супругов – ни слова. Это считалось бы малодушием. Секс не захватывает и не пленяет японцев, как европейские народы.

Что касается технического прогресса и экономического процветания таких стран, как США, Англия, Германия, в которых нравственность так же деформирована и снижена, то здесь мы видим несколько другой процесс. До недавнего времени Англия была образцом патриархальных нравов; слово «пуританин» стало нарицательным, вроде аскета в миру. В Америке существовала «полиция нравов». Максим Горький не был принят общественностью США; проще говоря, его выдворили из страны за то, что он приехал в Америку с незаконной женой. В Германии Цвейг насмехался над немецкими девушками за то, что они считали неприличным говорить в обществе о вопросах брака.

Нравственный переворот произошел неожиданно и быстро. В 20–30-е гг. XX века, когда уже эти страны добились материального благосостояния и технического прогресса. Скорее всего, распущенность явилась следствием изобилия, чем изобилие – следствием распущенности. Но такой скачок не мог произойти естественным путем. Те силы, которые создают программы по обучению, а вернее – по пропаганде секса, уже растлили общественное мнение, сняли цензуру в этих странах. Однако не будем забывать, что налаженный индустриальный комплекс, а не представление с публичным стриптизом сделал Америку промышленным гигантом. Уже в самих странах Европы все больше звучат голоса о возврате к нравственным традициям. Пусть это будет даже инстинкт выживания.

Кому нужно умственное детораствление под видом сексуального просвещения? Кому нужна порнография под видом

информации и рекламы красоты обнаженного тела? Кому нужно сводничество юношей и девушек под видом борьбы с фобиями? Прежде всего, тем силам, которые хотят уничтожить христианство, превратить человека в свинью, хрюкающую около корыта.

В развратном сердце не может быть Бога – об этом сказала уже Библия. Через уста сексологов некие силы говорят: «Бог – наш враг, поэтому да здравствует враг Бога – разврат!». То, что не могли сделать гонения и пытки древних и современных неронов, совершит разврат.

В христианской Церкви есть мученики за целомудрие, которые почитаются как мученики за Христа. Разврат – это паралич человеческого сердца, а если он внедрен с детства, то нравственная реанимация может оказаться бессильной. Когда грех переходит в привычку, то привычка становится природой.

Нас тревожит еще один фактор. Во главе сексуальных реформ часто становятся женщины, которые проповедуют их с каким-то вдохновением древних жриц. Женщина, которая должна быть матерью, калечит души детей, приготавливает тот яд, который отравит и ее собственного ребенка. Женщина была носителем приличия и целомудрия. Теперь дамы из сексологических институтов не только хотят порвать с прошлым, но и наверстать упущенное время, когда все-таки декларировались законы о нравственности. Преподобный Иоанн Лествичник писал, что у женщины существует врожденный стыд, а если бы он исчез, то не спаслась бы от блуда никакая плоть. Возможно, сексологи скажут: «Чем скорее, тем лучше».

Сексологи заявляют, что «нужно знать весь интим, чтобы защитить себя от интима», иначе этим могут воспользоваться злонамеренные люди. Почему же знание патосексологии должно защитить ребенка от «злого влияния» наподобие самбо или дзюдо – не понятно. В таком случае, лучше всего

была бы защищена опытная в сексе дама, если ей было бы что защищать и хранить. Но главная защита детей, о чем говорили раньше родители, – не иметь дурных знакомств, не позволять вольностей в дружбе, избегать ситуаций и мест, где может совершиться насилие. Для знаний таких правил нет надобности в многочасовых лекциях по сексологии. Напротив, размусливание этой темы вызывает у ребенка не отвращение, а интерес, пробуждает и стимулирует его инстинкт раньше времени. Падение как раз часто начинается с бесед на темы секса. Здесь мы видим тот скверный прием, который называется ханжеством. Детям хотят демонстрировать эротику, оказывается, с той целью, чтобы они могли себя предохранить от нее, как будто господа сексологи забывают об эмоционально-половой сфере ребенка, которую, на самом деле, искусственно возбуждают.

Нет, эти лицемеры вовсе не наивные простачки, потому что после лекций они предусмотрительно раздают противозачаточные средства, как подарки. Господа сексологи отлично знают и другое: что ранняя половая жизнь способствует преждевременной импотенции, что является причиной душевных травм и разрушений семей, а вместе с тем – алкоголизма и наркомании. Нередко ранний секс вырождается в патологический разврат, который теперь изо всех сил хотят узаконить сексологи. Здесь стоит вопрос о разрушении самой человеческой личности.

Аборты и противозачаточные средства категорически запрещены Православной Церковью. Теперь хотят осмеять эти правила и представить их как фобии, возникшие у ребенка после чтения сказок. В течение скольких веков православные народы, создававшие свои семьи по принципам христианской нравственности, воспитывали детей, внушая им стыдливость и скромность, как естественные здоровые начала жизни! Неужели этот многовековой опыт народа хотят признать ошибочным? Что создало христианство – скажут

историки, а что создали сексологи – говорят неприглядные факты: беременность школьниц, венерические заболевания, неуклонный рост которых наблюдается в последние годы.

Деторождение – это не наука, а биологический инстинкт, которому не надо обучать. Распущенность сама по себе извращает этот инстинкт. Здесь еще один фактор: рождение ребенка – это передача огромной информации другому живому организму, поэтому необходимы определенный возраст и законченное развитие супругов для передачи их психофизических свойств ребенку. Затем агитаторам и рекламерам противозачаточных средств надо напомнить, что нет средств в этой области, которые были бы безвредны для здоровья, они развивают и стимулируют многие заболевания, как физические, так и психические, с самыми тяжелыми последствиями. Но самое главное – рафинированный секс противоречит самой идее и законам христианского брака как домашней церкви, превращая брак в культ плоти, противоречит структуре брака как строгой моногамии.

Человек – это не только сгусток крови и мяса, но, прежде всего, обладатель бессмертной души. Развратник продает свою душу за мимолетные удовольствия, как библейский Исаиас продал свое первородство за чечевичную похлебку.

Мы обращаемся к христианам: речь идет о вечной жизни и вечной смерти ваших детей. Мы обращаемся к верующим и неверующим. Вопрос стоит об историческом существовании нации. Программы по регулированию семьи, и связанная с ними программа обучения сексологии, ведут к планомерному сокращению населения, то есть к национальной катастрофе. Гитлер говорил: «Я имею право на уничтожение низших рас во имя арийской расы, чтобы дать ей жизненное пространство». Давайте задумаемся над тем, что мы делаем по отношению к своим народам.

Современные сексологи, финансируемые зарубежными фирмами и таинственными меценатами, облакаются в личину «друзей детей». Но если они друзья, то почему они не

возвысили голос, прежде всего, против абортов, почему они лояльно относятся к порнографии, которая растлевает детей через экраны телевизоров, со страниц журналов и плакатов, помещенных на уличных стендах в самых многолюдных местах наших городов? Вместо реальных действий дискутируются вопросы о том, имеют ли право родители заглянуть в личные дневники своих детей, или должен ли ребенок оповещать своих родителей о том, с кем он дружит, с кем встречается и т. д. Видимо, сексологи хотят создать какую-то детскую автономию, а на деле это означает изоляцию от влияния родителей. Теперь за воспитание возьмутся психологи с эдиповым комплексом, и сексологи с порнографическими видеокассетами. Результат такого воспитания всегда будет один: циничное отношение к жизни, циничное отношение к человеческому телу, циничное отношение к друзьям и родителям, и, конечно же, что самое страшное – циничное отношение к вере и христианским ценностям.

Мы хотели бы остановиться и еще на одном аспекте проблемы.

Христианская антропология во многом не совпадает с бытующей у нас психологией, основанной на материалистических представлениях о мире и человеке. Огромный опыт христианских подвижников, наблюдавших за своими душевными проявлениями и процессами развития чувств и страстей, современная психология игнорирует. Главное различие между христианской антропологией и современной психологией заключается в том, что психология проходит мимо такого колоссального явления, как грех, который постоянно проявляется в душевной жизни человека, и зачастую формирует его поведение, привычки и наклонности. Из области онтологии приверженцы и последователи современной психологии переводят грех в область социологии и педагогики,

то есть рассматривают грех не как врожденное, но исключительно как приобретенное свойство, считая врожденные силы и способности человека здоровыми и нормальными.

Замалчивание и игнорирование аномалий психической жизни ребенка, создало ложные педагогические концепции как в античные времена, так и в наши дни. Наиболее известным представителем такого «биологического оптимизма» был психолог Фромм. Надежды на одни только социальные и воспитательные реформы породили и порождают различные утопии, в том числе и идею коммунистического общества, которое должно было держаться на высоком общественном сознании каждого, а на практике эту идею с самого же начала пришлось удерживать на штыках, но и она рухнула.

Учение о первородном грехе открывает нам в новом свете клиническую картину душевных болезней человека, их следует лечить через включение в жизнь Церкви. Наш испорченный грехом биологизм нужно постоянно держать под контролем сознания. Христианская аскеза подчеркивает связь между воображением и страстью, особенно похотью, которая вкрадывается в душу в виде образа, и соответственно этому, сексуальная картина пробуждает похоть не только в душе взрослого человека, но и ребенка. Поэтому разговоры на сексуальные темы и демонстрирование соответствующих видеокадров пробуждает у ребенка страсть, и эту страсть ребенок старается удовлетворить.

Многовековой опыт человечества свидетельствует, что целомудрие и стыдливость, а также высокая нравственность и моногамия – вовсе не фобии и предрассудки, а жизненная и духовная самозащита человечества от саморазрушения и самоуничтожения. Поэтому разговоры об интиме, и картины обнаженного тела, возбуждающие у ребенка похоть, были запрещены не только в христианских семьях, но даже в обществе, индифферентном к религии, но еще сохранившем представление о нравственности.

Сексологи, агущие, что сексуальное просвещение детей оградит их от неожиданных опасностей и дурных влияний, мало чем отличаются от тех, кто спаивает детей, уверяя в «пользе» спаивания: узнав на деле вред алкоголя, дети в будущем не сделаются пьяницами.

Неужели многовековой опыт воспитания детей в православных странах – всего лишь сумма ошибок и заблуждений, от которых нужно как можно скорее избавиться? Если бы это было так, то православные народы давно бы вымерли и исчезли, но они живут, и мы надеемся, что будут жить вопреки тем, кто старается заменить брак рафинированным сексом и развратом, чтобы посредством этого постепенно и планомерно сокращать рождаемость.

БЕЗМОЛВНЫЙ КРИК МЛАДЕНЦЕВ

Человеческий слух способен воспринимать звуковые волны только в определенном диапазоне. То, что выше или ниже этого порога, непосредственно не ощущается человеком. Но волны высоких и низких частот, особенно так называемые длинные волны, при непрерывном или продолжительном воздействии давят на психику человека, как невидимый пресс, вызывают хроническое утомление, изматывают его силы. Сам человек, не зная этого, не может понять, что с ним творится, что отягощает и раздражает его, почему он чувствует себя больным без видимой причины. Есть сведения о существовании искусственных психотропных средств, при использовании которых можно вызвать у человека чувство безотчетного страха и депрессивное состояние. Есть также сведения, что волны сильного напряжения могут оказывать воздействие на окружающую человека

природу. В физическом мире тишины не существует вообще. Мир полон звуков, которые мы не слышим. То, что мы называем тишиной, представляет собой порог, за которым звуковые волны не воспринимаются нашим сознанием как звуки.

Детоубийство – это беззвучный вопль младенцев. Его диапазон не воспринимается человеческим слухом, а в последнее время – и человеческой совестью; это – безмолвный нарастающий крик, который потрясает землю. Псалмопевец пишет: «...и была земля убита кровью их...», – то есть земля за грехи живущих на ней, особенно за человеческие жертвы, превратилась в мертвую пустыню. В древности больше всего кровавых преступлений совершалось в племени хамитов. Проклятие праотца Ноя висело над Ханааном, как пророчество о его грехопадениях: разврате, демонопоклонении и пролитии крови младенцев, а также человеческих жертвоприношениях. Огромная пустыня Сахара возникла в сердце хамитских государств и беспрерывно расширялась, как будто пески, наступавшие на поселения людей, хотели погрести под собой реки человеческой крови.

Безмолвный вопль умерщвляемых младенцев не слышит ухо, он не беспокоит нашу прогнившую во лжи и разврате совесть, но его действие ощущает человечество, не понимая причины своих бед. Это, прежде всего, потеря радости и надежды. Жизнь без любви друг к другу стала пустой и мертвой, словно алая кровь окрасила ее в серый цвет. Здесь, под гнетом греха и глухой тоски, как под невидимым камнем, давящим грудь, оказались и бедные и богатые, как будто проклятие Ноя, снятое с хамитов Христом, теперь снова нависло над человечеством.

ДЬАВОЛЬСКИЙ ЗАВЕТ

В начале XX века на арену мировой истории, словно черная тень, выступила зловещая фигура Владимира Ульянова – человека без человечности. Он часто повторял фразу: «Революцию не делают в белых перчатках», – а так как считал историю перманентной революцией, то в секретных указах требовал расстреливать как можно больше людей. Этот маньяк революции не только уничтожил миллионы соотечественников за несколько лет своего правления, но вынес смертный приговор еще нерожденным детям, первым в мире приняв закон о легализации абортов. Число этих жертв было несравненно большим, нежели число людей, убитых в войнах, умерших и расстрелянных в лагерях и застенках, вместе взятых.

Гражданская война – самая жестокая война. На такой войне обычно нет тыла и фронта, – вся страна превращается в поле боя. За этой войной, повергшей страну в состояние нищеты и разрухи, последовала другая, «ночная» война, которая велась обычно от двух до четырех часов ночи – война против своего народа. Людей отлавливали как зверей, увозили в лагеря и на расстрел; так была уничтожена лучшая часть христиан. Началась коллективизация. Деревня была разорена. Наступил голод. Вдоль дорог валялись умирающие люди впережку с трупами. И все-таки происходило то, что может показаться современному человеку чудом: население страны, хотя и медленно, продолжало увеличиваться, несмотря на тяжелые экономические условия, которые в некоторые периоды были катастрофическими. Наступила вторая Мировая война – самая кровопролитная из всех войн в истории человечества. Она унесла около тридцати миллионов жизней в бывшем Советском Союзе. Но опять народ выжил,

и в последующих поколениях число населения не только восполнило потери, но и продолжало расти.

27 июня 1936 года постановление ЦИК и СНК СССР запретило аборт, были ужесточены наказания за них, при этом одновременно увеличивалась материальная поддержка рожениц и многодетных семейств. Была создана целая сеть приютов для новорожденных, куда родители могли принести детей, даже не назвав своего имени. Разумеется, в роддомах медицинское обслуживание было бесплатным. После смерти Сталина аборты вновь были легализованы, и опять палачи детей принялись вершить свое кровавое дело.

Если во времена сталинской диктатуры врачи, делавшие аборты нелегально, походили на ночных убийц, то теперь по своему статусу врач убийца не отличается от хирурга, спасающего человеческую жизнь. Странный парадокс: больничный корпус как бы разделен на две части: в одной врачи борются со смертью, в другой – с жизнью. При этом последний вид «борьбы» несравненно более успешен – там 100% результат.

Мы хотим напомнить тем, кто оправдывает аборты, что в прошлом были не менее тяжелые испытания, чем те, с которыми мы сталкиваемся теперь, но проблемы не решались через уничтожение детей. Значит, главная причина заключена в нас самих, в том, что мы перестаем быть людьми, и даже не понимаем этого.

Рассуждения либерального христианина

Однажды мой знакомый в минуту откровенности разговорился: «Я считаю себя христианином, но свободомыслящим. Я один из тех, кто хочет соединить христианскую веру с реальными требованиями современной

жизни. Я за идею, а не за догму: раз мир изменяется, значит и христианство должно измениться, иначе оно перестанет удовлетворять потребности наших современников, и Церковь окажется в изоляции, как бы огражденной «китайской стеной» от общества.

Я за союз религии и науки; я не фанатик и поэтому убежденный сторонник легализации аборт, но мне хочется внести в этот вопрос максимальную ясность: убиваем ли мы во время аборта человека или нет? Поскольку я христианин, то должен признать, что здесь имеет место убийство, но убийство мотивированное – жертва индивидуумом ради блага и существования человечества. Поставить общественный интерес выше личного является моральным действием, не противоречащим христианству.

Во всех странах, в том числе и христианских, существует суд. Суд – это самозащита общества от людей, посягающих на его безопасность и благополучие. В необходимых случаях суд выносит смертный приговор. Нерегулируемая рождаемость грозит общественным интересам, поэтому аборт – вид самозащиты общества от тех потенциальных жителей земли, которые могут нарушить экологию и создать излишние проблемы. Даже в древнегреческих городах-государствах, в том числе в гуманнейшем из них Афинах, существовал закон, ограничивающий число жителей: тех людей, кто оказывался в городе сверх установленной нормы, высылали в принудительном порядке в греческие колонии, расположенные на огромном пространстве эллинистического мира. Даже великий Сократ чуть не попал в категорию людей, подлежащих высылке из-за опасности перенаселения процветающей столицы. Вот и мы, через аборт, посылаем нерожденных младенцев из этого мира, как говорится, в мир лучший.

Но, все-таки, гуманизм должен быть соединен со справедливостью, поэтому давайте рассмотрим вопрос о том, что представляет собой человек, как определяет его наука.

Аристотель писал: «Человек – общественное существо». В книгах современных антропологов находятся такие определения: «существо умелое», «существо разумное». Одно из этимологических значений слова «антропос» – это «стоящий прямо». Такой же смысл имеют латинский термин «гомо эректус» и русское слово «человек» – голова устремлена вверх. Есть и другие названия: «существо, производящее орудия производства» и др.

Я христианин, и поэтому признаю, что нерожденный младенец – человек, но, в то же время, я должен опираться на науку и рассматривать аборт как необходимый способ селекции, учитывая при этом научное определение человека. Нерожденный младенец не отвечает ни одному из научных определений, следовательно, с научной точки зрения, он не может иметь человеческих прав. Человеческий плод не является общественным существом, и это не нуждается в особых доказательствах. Он не соответствует определению «прямо стоящий» или «человек». Он не является «гомо сапиенс» – «человеком разумным», так как разум проявляется во взаимодействии с окружающим миром и включает в себя способность к логическому мышлению. Его нельзя назвать «человеком умелым», так как он представляет собой пассивного потребителя. Он не отвечает марксистскому определению человека, как «существа, изготавлиющего орудия производства», поскольку не производит ничего, а живет за счет другого организма. Следовательно, к плоду нельзя приложить те определения человека, которые дали нам наука и философия, определения, отличающие человека от прочих существ земли. Поэтому, с точки зрения научных представлений и философских категорий, аборт не может быть назван убийством, а только прекращением беременности.

Я – за селекцию, основанную на объективных научных данных, но не следует быть односторонними: нужно сделать принцип селекции универсальным, основанным на фило-

софских определениях человека. Когда человек выпадает из этих категорий, то он перестает быть человеком, становясь каким-то безликим существом.

Я стою за право родителей убивать своих нерожденных детей, которые еще не вступили во взаимодействие с окружающим миром. Но я хочу уравновесить это право и другим законом: правом детей убивать своих родителей, когда у родителей по болезни или по старости утрачиваются свойства, определяющие человека. Без этого закона право родителей распоряжаться жизнью нерожденных детей будет односторонним и несправедливым – какой-то нравственной асимметрией. Но при узаконении обратного права, или даже обязанности детей – убивать родителей, законодательство приобретет уравновешенную и гармоничную форму. Главное, что здесь осуществиться принцип справедливости: родители и дети будут поставлены в одинаковое положение и станут равны перед законом.

Как мы сказали, «человек» – означает «стоящий прямо». Если родитель болен и не может стоять прямо, то он выпадает из категорий и определений человека. В таком случае дети имеют право убить его, как выродившееся существо. Это можно сделать гуманным способом, например, усыпить родителя, прикованного к постели, большой дозой морфия. Но справедливость требует умертвить его так, как уничтожают младенца в утробе – разрезать его заживо на части, отсечь ему руки и ноги, и сдать его на производство косметического крема. Если родитель впадает в маразм или у него развивается склероз, то он перестает быть «человеком разумным», следовательно, он уже мало чем отличается от обезьяны, а вернее – обезьяна превосходит его своей смекалкой. Это вполне обоснованная причина, чтобы освободить себя от ненужной нагрузки: заботы о человеке, который путает лица и имена, и даже не узнает своих детей.

Один из аргументов защитников абортотворцев – это боязнь перенаселения земли, следовательно, уничтожая впадших в

старческое слабоумие родителей, дети предохраняют человечество от угрозы перенаселения. Убивать отдельных лиц ради счастья коллектива – это один из примеров практического гуманизма.

Теперь врачи все более настойчиво требуют при обнаружении какой-либо болезни у ребенка делать аборт, а в некоторых случаях (например, при радиоактивном облучении) аборт производится и без согласия женщины.

Поэтому, если следовать справедливости, дети должны иметь право резать глотки своим родителям. А так как диагностика плода часто бывает ошибочной, то и родителей можно убивать уже по одному подозрению в существовании болезни. Одно из названий человека, данное ему в последнее время, – это «существо умелое». Если престарелые родители перестают уметь делать что-либо, кроме умения ворчать, то дети вправе прекратить их уже никому не нужное существование – не обременяя общество пенсионными расходами. Если женщина может пойти в больницу и объявить, что она решила сделать аборт, и врач должен согласиться с ее правом решать – жить или не жить ребенку, то зачем отнимать у детей подобное право решения – жить или не жить родителям? Если плод с недоразвитым телом еще не человек, то старик с деградирующим организмом – уже бывший человек. В таком случае можно вызвать врача-геронтолога, который определит степень деградации, и даст детям справку, заверенную печатью, разрешающую ликвидацию слишком зажившихся родителей; а заодно и справку о том, что трупы родителей не являются инфицированными и могут быть употреблены на хозяйственные и медицинские цели. Родители, убивая своих неродившихся детей, не заботятся о захоронении их трупишков, почему же дети должны хоронить родителей в дорогостоящих гробах и оплачивать место на кладбище?

Если можно убить младенца, из которого мог бы вырасти какой-нибудь новый гений или народный герой, то почему

нельзя убить старика, который мало что доброго сделал за свою жизнь и еще требует от своих близких особого внимания? Где здесь логика? Почему нерожденного убить можно, а рожденного уже нельзя? Ведь правовые общественные законы должны основываться не на эмоциях, а на гранитном фундаменте справедливости. Закон о том, что плод уничтожить можно, а родившегося ребенка нельзя, является противоречием: ведь рождение – это всего лишь изменение внешних условий по отношению к уже живому существу, а вовсе не начало жизни. Получается, что человека, стоящего на одной стороне реки можно убивать, а на другой – нельзя. Здесь дело заключается, скорее, в эмоциях, а не в справедливости. Легче убить того, кого не знаешь; легче быть палачом, стреляющим в спину. При аборте, убийцам предоставляется «льгота», как бы психологическая защита – не видеть того, кого они осудили на смерть. Есть еще один немаловажный фактор: законы составляют те, кто уже родился. Они не могут представить себя на месте нерожденных младенцев, но могут подумать о том времени (далеком или близком), когда они сами станут стариками. Поэтому законы, разрешающие аборт, не касаются лично их, а параллельное право на убийство тех, кто подвержен дегенерации, может обернуться против них самих. Если бы нерожденные младенцы могли бы издавать законы, то они дали бы право убивать и тех, кто решается на аборт, и тех, кто соучаствует в этом гнусном преступлении. Получается парадокс: незрелый плод можно сорвать с ветки и бросить в мусор, а перезрелый и гниющий – нельзя! Неужели надо ждать пока он сам упадет на землю? Если незрелый плод сорвут, то это никого не касается, а если сорвут разлагающийся – это преступление. Поэтому надо или защитить человеческую личность на всех стадиях ее развития и существования, или же уравнивать чашу весов правосудия: разрешить уничтожать людей, отстоящих от общепринятого эталона. Эту мораль выразил поэт Гейне:

Пусть мертвые тлеют в могиле, Живому дай жизнь и вполне, А я – молода и прекрасна, И сердце играет во мне.

Но если мораль Гейне была бы узаконена, то его самого следовало бы убить, как больного прогрессивным параличом, тем более что последние годы своей жизни Гейне провел в постели, словно живой труп. Итак, если вы даете разрешение родителям посредством палача резать на части своих нерожденных детей, то дайте и детям право вешать у дверей своих домов собственных престарелых родителей. Но и это будет более гуманно, в сравнении с тем, что делают с младенцами, четвертуя их, возобновляя тем самым средневековую казнь, предназначавшуюся для самых лютых преступников.

Прибавим к сказанному и то, что дети при равном праве могут убить только двух людей – отца и мать, а родители лишают жизни гораздо большее число своих детей, так что и здесь полного равенства не возможно достигнуть. Но пусть хотя бы частично осуществится справедливость законов и симметрия прав человека».

Апокалиптические сдвиги

Почему в последнее время наркомания приняла масштабы эпидемии – белой чумы, которая превращает сотни миллионов людей в психических и физических калек, в живые трупы? Почему родные не радуются при встрече друг с другом? Почему слово «дружба» исчезает, заменяясь другим словом – «партнерство», будь то партнерство по службе, развлечениям или сексу, партнерством, свободным от всяких нравственных обязательств? Почему ложь стала универсальным стилем жизни? Почему катастрофически растет число распадающихся семейств – так, что кажется,

будто вскоре семью объявят отжившим институтом? Почему брак, где муж и жена, соединенные любовью, преданы друг другу до самой смерти, уже является исключением? Почему видимое семейное благополучие часто оказывается только внешним покровом внутренней пустоты, молчаливым согласием супругов терпеть друг друга? Почему люди, приходя в свой дом, не находят удовольствия от взаимного общения, а предпочитают часами просиживать перед телевизором? Картины, мелькающие на экране, для них дороже живого человека, с которым они должны делить радости и горе. Экран телевизора и наркотики – это ирреальный мир, в который человек убегает от действительности, давящей его душу какой-то свинцовой тяжестью.

Пророк Моисей, незадолго до своей смерти, созвал народ и произнес благословение тем, кто будет исполнять заповеди Божии, и проклятие тем, кто будет нарушать, и отвергать их. Эти заповеди написаны не только на каменных скрижалях, но и в самой человеческой душе.

Теперь люди забыли и потеряли их. Земля все более оскверняется гноем разврата и человеческой кровью. Господь наш Иисус Христос сказал: «Когда Я приду на землю, то найду ли веру?», – то есть веру, проявляемую в любви; веру, которая должна быть главным стержнем жизни. Число людей, которые не только верят, но и живут верой, постоянно сокращается. И верующие, и неверующие подобны людям, попавшим в болото: только верующие понимают это и стараются выбраться из засасывающей трясины, а неверующие не понимают, что происходит, они гибнут с закрытыми глазами, они не верят Священному Писанию, они безразличны к Богу или же ненавидят Его.

Но и у таких людей есть свидетельство об апокалиптической ночи, которая опускается над миром – это внутреннее свидетельство их собственной души о том, что радости уже нет, что жизнь пуста, как дым. Отчаяние – это потеря надеж-

ды. У современных людей нет надежды. Надеяться им не на что; чего ожидать от будущего – они сами не знают.

Когда мы проходим мимо тюрьмы, то душу охватывает гнетущее чувство, словно тюрьма – это живое существо, которое безгласно кричит от боли и тоски, а наше сердце слышит этот беззвучный стон. Там, где пытали и убивали людей, кажется, не только земля, но и воздух, хранят следы их мучений, как будто по смерти их скорбные тени витают на этом месте.

На земле днем и ночью не прекращается убийство младенцев – злодеяние, которому не видно конца, преступление, защищенное законами и оправданное теми «артистами культуры», которых будто бы в насмешку называют носителями нравственности.

Первое возмездие уже пришло: людьми потеряна радость и атрофируется способность любить. Человек неосознанно жаждет небытия, но от последнего шага – самоубийства – его оберегает инстинкт самосохранения; человек боится смерти и живет, но как бы по инерции.

Постоянно возрастает число душевнобольных с явными признаками безумия, но у несравненно большего количества людей эти симптомы скрыты, как бы «загнаны» внутрь. Психология становится одной из ведущих направлений современной медицины. Институты, школы, различные организации имеют своих штатных психологов.

Самые богатые, преуспевающие люди становятся постоянными пациентами психоаналитиков. Фармацевтические заводы в огромном количестве выпускают психотропные и тонизирующие препараты.

Но все напрасно. Кажется, что само сердце земли начало кровоточить.

Демон – дух змынны

Почему люди стремятся к греху? Можно ли объяснить это страстью, заложенной в естестве человека? Если да, то только отчасти. Ведь животное, обладающее большей силой инстинкта, нежели человек, ведет себя намного целомудренней: у животных нет секса, оторванного от деторождения, и сам инстинкт проявляется только в определенные периоды.

Почему же человек, обладающий нравственным чувством и высоким интеллектом, оказывается вдруг рабом самого низменного секса, словно это единственная цель его жизни? Неужели человек – этот царь земли – только довесок к своим собственным гениталиям? Тогда древнее определение «гомо сапиенс» нужно переменить на «гомо сексиус».

Жалок такой царь, занимающийся поеданием собственных нечистот. У животных нет сексуальных извращений, а у людей они все больше принимают вид патологии. Сексопатология уже стала отдельной наукой, выделившаяся из общей сексологии, причем извращения рассматриваются не как болезнь, а как свобода личности, как достижение нашего либерального времени. Однако сексопатология не только не согласуется с инстинктом, но и противостоит ему, поэтому мы не можем назвать эту темную область естественным влечением человеческой природы.

В Америке, где любят статистику и опросы населения, оказалось, что патосекс практикует большинство супружеских пар, причем приведенные цифры (52%) явно занижены, так как здесь не учитываются внебрачные связи, принявшие форму массовой эпидемии.

Почему все это происходит?

Феномен всеобщего разгула блудных страстей можно объ-

яснить лишь только подчинением души человека темным метафизическим силам, непонятным и необъяснимым влечением к грязи, каким-то осатанением, какой-то мрачной радостью своего собственного падения, своей духовной смерти. Здесь очевидно влияние демонических сил на душу человека. Это – та же ложная свобода, которую захотел получить дьявол, отказавшись от Бога. Здесь человек, поправший христианскую нравственность и образ Божий в своей душе, как будто хочет получить ту же самую иллюзорную свободу от Бога, но вместо поправленного им подобия Божия получает подобие демона.

Сам демон – дух уныния и тоски, поэтому он не может дать ничего, кроме глухой печали, гложущей сердце человека. Поэтому все, творящие грех, несчастны. Они убеждаются на собственном опыте в том, что в грехе нет радости, но скоро забывают этот опыт, как будто бы его вовсе не было, и стараются еще глубже нырнуть в грязное болото, словно искатели жемчуга в глубины моря; но в этом болоте жемчуга нет, и не будет.

Есть голос, который называется совестью. Он предостерегает человека от гибели; он прежде Страшного Суда судит наши поступки и мысли. Современный человек хочет заглушить этот голос; старается, чтобы он умолк, подобно лаю собаки, мешающей хозяину спокойно спать по ночам. Но даже тогда, когда этот голос и не слышен явно, то грешник чувствует его в глухой тоске своей опустошенной души.

Комму нужно преподавание сексологии?

Вторая половина двадцатого столетия «обогадилась» новой отраслью науки, которую в учебниках называют сексологией. Эта «наука» о взаимоотношении полов, на самом деле является учением о том, как уничто-

жить стыд. Влечение мужчины и женщины друг к другу, и область, связанная с деторождением, относятся к инстинкту, а вовсе не к науке, которой требуется обучать человека. Этот инстинкт – врожденный, он заложен уже в генетическом коде; но нравственное чувство, также являющееся врожденным качеством человека и присущим только ему свойством, контролирует как этот, так и другие инстинкты. Без сдерживающего начала инстинкты вырождаются и превращаются в неуправляемые страсти.

Тело это онтологическая часть человеческого индивидуума; это инструмент души. Тем не менее, человек настолько становится личностью, насколько он побеждает «дурной» биологизм и подчиняет свою психофизическую жизнь вечным идеям и целям.

Существует метафорический образ отношения души и тела: всадник и конь. Всадник должен заботиться о своем коне, но, в то же время, зная его буйный нрав, не ослаблять удил, иначе конь неожиданно сбросит с себя всадника или упадет вместе с ним в овраг, где разобьются оба. Наша плоть – это конь, которому нельзя давать неконтролируемую свободу. Если нравственные принципы не будут положены в основу личной и общественной жизни, то человечество превратится в стадо диких зверей, а человек станет неким фантастическим гибридом между свиньей и волком. Чувство своей греховности, как не соответствие идеалу человека, отвлечение к вовсе не естественному, а извращенному биологизму, который хочет овладеть душой – это не слабость и не фанатизм, а достоинство человека.

Во все времена стыд и целомудрие считались делом чести, а распущенность и культ страстей – свидетельством деградации человека. Особенно целомудрие ценилось и ценится в христианстве, где оно считается высшей добродетелью. Слово «целомудрие» включает в себя два слова: «целостность» и «мудрость».

Сексология представляет собой провокацию антихристианских сил. Христианство – это не только вера и догматы, это также жизнь во Христе и евангельская нравственность, обуславливающая как общественное поведение, так и внутреннее состояние души. Атеистическая идеология старалась уничтожить христианство путем лжи, прямого насилия, насмешек и профанации. Теперь те же силы хотят уничтожить христианство более коварным и незаметным способом: оставить свободными веру и ритуалы, но уничтожить нравственность, растлить саму человеческую душу. Если этот замысел удастся, если христиане допустят духовное растрепание себя и своих детей, то христианства как жизненной силы уже не будет – оно превратится в исторический архаизм. Это умерщвление христианства может происходить на фоне открытия храмов, издания духовной литературы и т.д. Червь, проникая в глубь дерева, истачивает его изнутри.

Сексология через радио и телевидение уже вошла в эфир. Характерно, что по учению Церкви, поднебесье – это область действия падших духов. Теперь сексология стремится занять место в университетах и школах наряду с математикой и историей. На самом же деле, инфернальные силы, под видом сексологии, хотят принести нашим детям новое мировоззрение, как сатанинскую весть о том, что сам человек есть как бы «малый бог», свободный в своих действиях; что все человеческое – божественно, а стыд – пережиток невежества и предрассудков. В этой новой «религии» стыд должен быть объявлен врагом и эксплуататором, который в течение тысячелетий поработал людей.

Затем сексологи, вернее силы, стоящие за ними, будут требовать нового законодательства, которое «защищало» бы детей от родителей, старающихся соблюдать в своих семьях принципы христианской нравственности.

Сексология имеет своей непосредственной целью пробудить дремлющие инстинкты в душе ребенка и стимулировать

преждевременный, острый интерес к области пола, со всеми вытекающими последствиями, а в перспективе – уничтожить христианство как норму жизни, лишив народ его традиций, обезличить его и обречь на медленное вырождение. Таким образом, оправдание и пропаганда патосекса – это начало душевного и физического вырождения.

Нас хотят уверить, что сексология поможет неопытным детям избежать агрессии со стороны растлителей и насильников, как будто сексология – это изучение приемов самбо и дзюдо для девушек, которые могут подвергнуться нападениям. Осторожность в поведении понятна и без сексологии, впрочем, этому там вовсе не учат. Напротив, сексология настраивает человека на то, что защищать нечего, поэтому и защищаться не от кого.

Когда-то христиане говорили об исламе как о культе телесной чувственности. Теперь, напротив, мусульмане гордятся тем, что порнография не проникла в их среду в той степени, как это произошло в христианских странах, что их пресса и телевидение не настолько пошлы и развратны, как у нас, что их улицы не пестрят стендами с изображениями голых тел. Что мы ответим на это?

СЕМЕЙНЫЙ ТРЕВЖНАЛ

Когда у женщины появляются признаки беременности, то происходит «расширенное» семейное совещание. Если раньше родственники собирались для того, чтобы поздравить будущую мать и поделиться друг с другом радостью, что в их семье появится еще одна живая душа, то теперь чаще всего можно увидеть другую картину. У родни озабоченные и хмурые лица. Начинается суд над еще

нерожденным ребенком: одна бабушка как будто верующая (покупает куличи и красит яйца на Пасху), другая – атеистка; один дедушка – старый коммунист, другой – монархист; дядя – диссидент (всех ругает и постоянно сквернословит), тетя – член какой-то благотворительной организации (распределяет по спискам макароны и вермишель артистам-пенсионерам). Забыв свои прежние разногласия, они единодушно решают, что для блага семьи будущей матери нужно сделать аборт, и чем скорее – тем лучше.

Еще ребенком я слышал об одном происшествии, запомнившемся мне на всю жизнь. Дирижабль, на котором исследователи Арктики хотели перелететь Северный полюс, потерпел крушение. Люди уцелели, но они оказались в снежной пустыне без продовольствия. На их поиски были посланы отряды спасателей. Когда, наконец, их обнаружили, то из трех людей нашли только двух – третий исчез. Спасенные признались, что убили и съели своего товарища, чтобы выжить самим. Пятно позора навсегда легло на этих людей. Причина жестокой необходимости не послужила их оправданию: по общему мнению, они должны были или все спастись или все умереть. Лучшая участь оказалась у того, кто был съеден, и чьи кости покоились в вечных снегах. За ним сохранилось имя человека, а оставшиеся в живых подверглись всеобщему презрению: им отказывались подавать руку, с ними не хотели говорить.

Теперь семья, своим решением толкнувшая женщину на аборт, так же хочет «съесть» нерожденного ребенка, и если отличается от двух путешественников-людоедов, то лишь тем, что те испытывали муки голода и отчаяния, сопровождающиеся бредом и галлюцинациями; а здесь «съедают» ребенка, чтобы не обременять себя новыми заботами и избавиться от «лишнего рта». По словам тетушки – сотрудницы благотворительного общества, «культурные люди не должны превращать свой дом в детский сад».

В книге «Луг духовный» рассказывается, как после крестин люди со своими малютками возвращались домой. По дороге их схватили разбойники. Что могло ожидать несчастных? Скорее всего, смерть. Но атаман, увидев младенцев, которые только что приняли Святое Крещение, приказал отпустить всех, не причинив никому вреда. Прошло время. Атаман был пойман и приговорен к смерти. Но всякий раз назначенная казнь почему-то откладывалась. И вот разбойник видит сон или видение: малютки, которых он некогда спас от смерти, молятся о нем Богу, или же это были не сами малютки, а их ангелы-хранители. Впоследствии, неожиданно для всех, этот разбойник был помилован. То, что он спас жизни невинных детей, превысило меру всех его прежних преступлений.

Сегодня редко кто скажет: «Лучше мы стесним себя, лишь бы жил ребенок». Уже стали неписанным законом другие слова: «Мы должны жить, а он – умереть». Теперь стонет сама земля под тяжестью наших преступлений, и если так будет продолжаться дальше, то наступит время, когда она уже не сможет терпеть человеческих грехов и сбросит с себя людей, как стряхивают паразитов с одежды.

Доброта либерала

В одном из своих произведений Салтыков-Щедрин высказал похожую на парадокс, но в то же время глубокую и верную мысль: «Нет зверя более лютого, чем либерал».

Сегодня либералы возмущены: как посмели огорчить женщин, сказав, что аборт является подлым убийством беззащитного, попранием материнских чувств, которые присущи не только людям, но и диким зверям; как можно говорить

и писать неприкрытую правду; как посмели выйти из русла «приличной» и привычной словесной лжи, которая уже стала традицией и называется «человеколюбием»? Вдруг женщина, прочитав книгу об абортах, будет потрясена совершенным ею грехом, прольет слезы покаяния, и чего доброго, оборвет череду запрограммированных убийств? Такое трудно перенести «доброму» сердцу либерала: пусть лучше гибнут дети, но зато мы не будем портить себе и убийцам настроения и задумываться о совершенном грехе; лучше будем вместе веселиться на безымянном кладбище детей.

Христианство требует от человека подвига, вплоть до самопожертвования. Либерализм предлагает другое: не стеснять своих чувств и страстей, стремиться к наслаждению и комфорту, притом в самом низменном и грязном виде, а если на пути к этому жалкому счастью стоит зачатое дитя – твой собственный ребенок, то заколи его или разрежь на части.

Нет греха, превышающего милосердие Божие, но грех прощается только через покаяние, а само покаяние должно стать началом борьбы с грехом. Кающийся должен иметь такое расположение души, что ему лучше умереть, чем повторить свои грехи. Тогда слезы приносят радость прощения.

В уныние может впасть тот, кто видит свои грехи, но не хочет сопротивляться им, кто идет в бездну с открытыми глазами и не желает остановиться. У таких людей – чувство тоски и обреченности. У христианина боль покаяния соединена с надеждой. Либералы боятся доставить огорчение убийце, съевшей собственных детей. Но почему их сердце не жалеет умерщвленных младенцев? Они не слышат их беззвучный вопль, который давно сотрясает землю. Либералы боятся причинить боль детоубийце, вернее, разбудить ее совесть, которая причинит ей боль. Но эта боль, возможно, – боль к спасению.

Либералы не жалеют душу женщины, совершившей аборт, и не думают о том, что она когда-нибудь предстанет Суду Божию, забрызганная человеческой кровью. Ей, образно говоря, пре-

градят путь к Богу дети, убитые ею. Либералы не боятся этого по одной причине: они в душе своей – неверующие. Их «божество» – это их «Я», написанное с большой буквы; для них единственная религия – земная жизнь, а счастье – чувственное наслаждение. Остальное для либералов – только игра: игра словами, игра идеями, игра с самим христианством. Если бы на либерала напал убийца, то он закричал бы во весь голос: «Помогите! Хватайте его! Спасайте меня!». А когда мать убивает свое дитя, то либерал благодушествует и говорит: «Не тревожьте бедную женщину, не будьте жестокими по отношению к ней. Ведь мы не фанатики, живущие во времена мрачного средневековья, а цивилизованные люди XXI столетия».

Забота либералов о людях – довольно странная вещь. Представьте картину: человек заснул на железнодорожных рельсах. На него набрели два путника – христианин и либерал. Христианин трясет спящего и говорит ему: «Проснись или ты погибнешь!». А либерал возражает: «Зачем ты будишь и тревожишь бедного человека? Разве не видишь, что он устал? Пусть сладко спит, пока сам не проснется. Ты не должен насилловать его свободы».

«Баюшки-баю», – такова программная «доброта» либералов...

Проклятие сербского патриарха

Многие говорят, что экономические проблемы ставят перед семьями задачи, которые кажутся трудноразрешимыми. В этом есть своя доля правды, но, по нашему мнению, только доля.

Ссылка на вымирание народа из-за бедности не имеет под собою фактических свидетельств в истории. Напротив, мы

можем указать на другие примеры в современном нам мире. Албанцы, поселившиеся на исторической территории Сербии, находились в худших (по сравнению с сербами) экономических условиях, особенно эмигранты, бежавшие из Албании во времена коммунистического террора 50–60 годов прошлого столетия. И что же произошло? Семьи албанцев, несмотря на бедность, оказались более многочисленными, чем у сербов. Началось постепенное вытеснение коренных жителей пришельцами. В результате Сербия лишилась одного из главных духовных своих центров – Косово, с которым связана вся история страны. Надо сказать, что Патриарх Сербский Павел проявил духовное и гражданское мужество: он предал анафеме (то есть церковному отлучению и проклятию) тех врачей, которые занимаются совершением абортот, и тех лиц, которые пропагандируют аборты.

«Картлис Цховреба»⁶ говорит нам об ужасных временах, когда перед Грузией стоял выбор: или отказаться от христианства, от своей этнической культуры и языка, или же оказаться перед реальной угрозой уничтожения. Во времена нашествия Тамерлана и ШахАббаса целые области Грузии были опустошены, города разрушены, посеы сожжены, сады и виноградники вырублены, огромное число народа убито и захвачено в плен. Разве тогда материальное положение людей было лучшим? Но Грузия выжила и не раз восставала, как феникс из пепла. ШахАббас осуществил свой поход зимой, дабы оставить людей без пищи и они не смогли бы утолить свой голод травами и лесными плодами. Однако было бы дико слышать из уст наших предков, которые в то время скрывались в лесах и горах, чтобы кто-нибудь посмел советовать женщинам умерщвлять во чреве своих детей, избавляясь от лишнего для семьи рта. Думаем, что такого «советчика» убили бы на месте, как взбесившуюся собаку. Каких только

⁶ Буквально «Жизнь Грузии» — свод грузинских летописей.

лишений не терпели эти люди, но нигде не упоминается, что бы кто-нибудь решил облегчить свою участь через умерщвление собственных детей.

Предание сохранило нам один эпизод из жизни народа. Во времена царя Ираклия лезгины совершили набег в Кахетию на Алаверди и близлежащие села. Рабочие серебряных рудников скрылись в потаенных комнатах Алавердского собора. Лезгины рыскали везде, чтобы захватить беглецов в плен (ремесленники ценились очень высоко), но не могли никого обнаружить. И вдруг грудной ребенок на руках матери стал плакать. Она не могла успокоить младенца и сказала: «Пусть мой ребенок умрет. Я не хочу, чтобы вы все из-за него попали в плен и стали рабами». Тут один уважаемый всеми старец, на которого все смотрели, как на отца, сказал: «Нет, этого не будет! Кровь ребенка как проклятие падет на нас и наших потомков. Лучше все мы окажемся в руках разбойников, чем запятнаем себя таким страшным и позорным преступлением». Лезгины услышали плач ребенка, нашли людей, прятавшихся в тайниках, и увели их в плен.

Во времена Тамерлана почти половина жителей равнинной части Восточной Грузии была истреблена и убита. У Тамерлана был обычай: около разрушенных и сожженных им городов и сел воздвигать холмы из человеческих голов.

Эти рассказы вызывают у нас чувство содрогания. Нам кажется, что такие злодеяния может творить только демон в образе человека. Но если собрать головы детей, убитых собственными матерями, то получатся не холмы, а целые горы... Неужели тела младенцев, убитых родителями, станут могильным памятником над страной? Мы будем отвечать на Страшном Суде перед Богом, но будем отвечать и перед своими предками – теми, кто грудью защищал народ и страну. Что мы ответим им? Что убивали свою Родину, которую они сохранили для нас? Что мы скажем тем, кто берег, как самое дорогое сокровище, жизнь своих детей во времена бедствий,

ются в землянках? Что мы оправдывали аборты тяжелыми материальными условиями, высокой платой за электричество, или тем, что не смогли бы дать детям высшего образования и купить им такую же одежду, какую носят их богатые сверстники? Примут ли к себе наши предки нас, обрызганных человеческой кровью, но не кровью захватчиков, пролитых в бою, а кровью своих детей, подло и коварно убитых нами? Не скажут ли они нам жгучие, как огонь, слова: «Уйдите прочь! Мы не знаем вас!».

«КАНИ, ГДЕ БРАТ ТВОЙ, АВЕЛЬ?»

Когда-то Вавилон, который представлял собой огромную крепость, осадили персидско-мидийские войска. Мощные укрепления выдерживали все яростные штурмы. Удары таранов были не в силах пробить толщину стен, по верхней площадке которых, как по дороге, могли ехать рядом несколько колесниц. Казалось, что, скорее гора будет сдвинута с места, чем падут стены Вавилона.

Но тут на помощь завоевателям пришел их новый союзник – голод. Осажденные оказались за поясом стен и башен, как в западне. Помощи не было. Отряды персов стояли у ворот Вавилона, не подпуская близко никого. Вавилоняне стали совещаться, что им делать, и пришли к жестокому решению: убить всех женщин и детей, чтобы провизии хватило на более долгий срок. Затем они задумали засеять все свободные участки земли и огромные сады города пшеницей, чтобы иметь новые запасы хлеба. Воды у осажденных было достаточно: огромный Евфрат протекал посередине города, разделяя его на две половины. Реки крови были пролиты жителями этой древней столицы – города Нимврода и Навухо-

доносора. Но Евфрат – самая великая река Ближнего Востока – как будто стал мстителем за пролитую кровь. Персы прорыли каналы, открыли плотины, и потоки великой реки, метнувшись в сторону, оскудели. Войска персов по дну русла Евфрата вошли ночью в город, минуя окованные медью ворота. Великий Вавилон пал. Последний царь Валтасар, недавно устроивший кровавый пир смерти, был убит во время пира во дворце в ту же ночь.

Человеческая кровь вопиет об отмщении от земли к небу. Кто убивает своих детей, боясь голода, тот похож на вавилонян, которые думали купить себе жизнь ценой жизни своих жен и детей. Пророки сравнивали падение Вавилона с падением сатаны. Вавилон, как и Мертвое море, свидетельствует о гневе Божиим. Его развалины, пропитанные застывшей горной смолой, не могут быть восстановлены. Такие же куски смолы выплывали на поверхность Мертвого моря и валялись на его берегах.

А вот другая картина. Войска Тита осадили Иерусалим. Люди умирали от голода. По городу рыскали шайки разбойников, врываясь в дома в поисках добычи и пищи. Однажды разбойники вошли в дом знатной иудейской женщины Марии и стали требовать от нее еду. Та ответила, что ничего не имеет, но разбойники угрожали, говоря, что в доме пахнет мясом. Тогда женщина открыла печь, вынула оттуда полуобглоданные остатки своего маленького ребенка, которого она зажарила и съела, и с хохотом сказала грабителям: «Вот моя трапеза, которой я могу угостить вас», – и те в ужасе удалились.

Эти рассказы могут вызвать в нас содрогание. Но разве лучше вавилонян те мужчины, которые покидают свои семьи или женщин, обольщенных ими, и тем самым обрекают рожденных детей на нищету и голод, а зачатых ими – на смерть? Разве лучше той несчастной иудейки, – которая, не справясь с муками голода, испекла и съела своего ребенка, – современные матери-каннибалы, которые, не испытывая

мук голодной смерти, спокойно занимаются детоубийством – тем же людоедством.

Один из этнографов, которому довелось видеть ныне вымершее племя людоедов на острове Тасмания, описывает, как мужчина-охотник, придя в свою хижину после неудачной охоты, выхватил из рук жены своего маленького сына, разбил ему голову о камень и стал высасывать у него мозг, а потом принялся пожирать и его тело. Мать сидела в стороне и хныкала. Тогда мужчина, оторвав от тельца ребенка ручку, бросил ее своей жене. Она сразу успокоилась, и стала с аппетитом есть мясо своего сына.

Много ли лучше те супруги, которые договариваются и соглашаются убить еще неродившегося ребенка? Лучше ли такой «образованный» супруг, слывающий в своем кругу джентльменом, чем тасманский людоед, высосавший мозг своего ребенка, или такая «элегантная» супруга, обаятельная в обществе, чем голодная тасманка, которая с жадностью доедает труп своего младенца? Мы думаем, что здесь принципиальной разницы нет, а если есть, то она не в пользу цивилизованных каннибалов. По крайней мере, жители Тасмании не называли себя последователями Христа...

Апологна блуда

Некотрые люди, впад в блуд и не желая принести покаяния, находят оправдание в учении древних гностиков, что в любви нет греха, то есть, когда человек совершая блуд, стремиться не к плотским наслаждениям, а к единству с другим во всех формах, то это любовь, которая выше правил и законов. Такие люди говорят, что чувство любви поднимает человека над грехом, и мужчина ищет в

женщине (а женщина – в мужчине) не удовлетворения грубых страстей, а мистических переживаний. Разумеется, как следствие таких «переживаний», появляются на свет дети, но несравненно чаще они гибнут от абортов.

Мы встретили подобные гностические теории в книге современного оккультиста и экстрасенса Лазарева «Закон кармы», где автор утверждает, что нравственность является продуктом коллективной гордости людей и препятствует совершенствованию в любви. В общем, мораль этих неогностиков сводится к следующему: «Мне все позволено по праву любви». Гностики не понимают, или не хотят понять, что их «любовь» на самом деле – опьянение страстью и самообман.

Когда человек не решается на покаяние, основа которого – изменение жизни и борьба с грехом, то он старается оправдать свой грех, хотя бы в собственных глазах. Григорий Богослов писал о древних гностиках, что они не только грешат, но и хотят сам грех представить как нечто божественное. Отсюда проистекает апология греха – атрибутика сатанинских сект. Поэтому жалкое оправдание: «Мы не блудим, а любим друг друга» – старая песня сатаны. Сообщники греха могут быть привязаны друг к другу привычкой и страстью, но истинного света любви там как раз нет – есть только засосавшая блудников грязь.

ВЕЧНАЯ СЛЕПОТА

В семье одной женщины случилось несчастье: у маленького сына заболели и воспалились глаза. Соседка посоветовала матери промыть ему глаза раствором медного купороса. Женщина, не узнав толком, как приготовить раствор, решила положить купороса побольше, чтобы лекарство подействовало быстрее, и стала закапывать его в глаза ре-

бенка. Тот кричал от боли и отбивался, но мать, не понимая, что раствор жжет глаза, не обращала внимания на его крики. И вот перед ней предстал страшный результат ее «лечения»: купорос выжжет глаза ребенку, и он ослеп. Всю жизнь мать старалась искупить свою вину перед сыном, но случившееся оказалось непоправимым. Она видела, как сын растет слепым, беспомощным и никому, кроме нее одной, не нужным. Она ухаживала за ним, как за малым ребенком, водила его, как поводырь. Сердце ее всю жизнь болело о том, что ее дитя никогда не увидит мира, в котором живет, не поднимет своих глаз к небу; теперь его окружает темная ночь, где он слышит только звуки и голоса людей. Она готова была дать ему свои глаза, но это было невозможно. Ее сын, с которым она не разлучалась, стал для нее постоянным живым укором.

Женщина, которая убивает во чреве своего ребенка, делает его навеки слепым. Убитый ребенок не может воспринять света Святой Троицы, он не может видеть лица Христа Спасителя, он находится не в физической, а в гораздо более страшной – духовной темноте.

Жизнь человека имеет свой предел. Умрет слепой – кончится его слепота; если он принял свою болезнь без ропота, то Господь еще больше просветит очи его души. Но младенец, не принявший святого крещения, не искупленный Христом от царства тьмы и вечной смерти, будет иметь духовное око закрытым, как непроницаемым бельмом – первородным грехом, лежащем на всем человечестве от грехопадения Адама. Пройдет время, умрет мать, убившая свое дитя, и тогда она поймет, чего лишила его, – радости, которой вечно наслаждаются святые и ангелы. Некрещенные младенцы получают некоторое утешение от Бога, но не будут видеть Его лица.

Апостол Павел был восхищен Духом Святым в обители рая. То, что он пережил там, невозможно выразить человеческим словом, поэтому апостол мог только сказать: «Я видел то, что око не видело, слышал то, что ухо не слышало, и

чувствовал то, что на сердце человеческое не восходило». Святые иногда приходили в состояние, называемое восхищением, созерцали тайны будущего века и затем говорили, что пережили такую радость, подобно которой нет ничего на земле. Симеон Новый Богослов пишет о таком состоянии, что ему казалось, будто солнце с небес сошло в его сердце и воссияло оттуда. Он видел себя в блеске славы, озаренным божественным светом, и когда спросил Господа: «Есть ли блаженство выше этого?», – то получил ответ, что блаженство тех, кто пребывает в Небесном Царстве настолько выше, насколько сияющее на небе солнце светлее его изображения, написанного углем на стене.

Праздник Преображения Господня – это откровение о состоянии святых, которые вечно созерцают божественный свет, просиявший на Фаворе. Вечная жизнь – это созерцание божественной красоты, от которой самочеловеческое естество становится светозарным и прекрасным. Подвижники, пережившие еще на земле явления божественного света в различных степенях, говорили, что он настолько сладок, что несколько мгновений его созерцания стоят всей жизни.

Мать, нечаянно ослепившая своего ребенка, всю жизнь мучилась мыслью, что он не может увидеть чувственного света. А мать, которая решается убить своего ребенка во чреве, лишает его крещения, лишает его вечного несотворенного света, лишает его неизреченного счастья видеть славу Божию, в сравнении с которой солнце кажется тьмой, а все наслаждения жизни – горькими, как полынь. Святые отцы всю жизнь хранили память о божественном свете, как о лучшем, что они испытали на земле, как о залоге небесной награды, которой увенчаются труды подвижничества. Они были готовы терпеть лишения и страдания, а если нужно умереть ради будущей встречи с Богом. А мать, убивая дитя во чреве, лишает его вечной радости спасенных – Царствия Небесного, лишает навсегда. Она становится демоном для своего ребенка.

Пресвятая Богородица – Владычица Грузии

Божия Матерь считается покровительницей Грузии; это Ее жребий, это Ее удел. Покров Богородицы над Грузией – не привилегия, а призыв Божией Матери подражать Ей, это не причина для гордости, а ответственность: кому больше дается, с того больше спросится.

Из истории нашего народа можно видеть, что грузинская женщина отличалась целомудрием и самоотверженной любовью к своим детям. Если девушка теряла целомудрие или жена изменяла мужу, то позор, как черное пятно, ложился не только на нее, но и на весь ее род, из такой семьи не хотели брать себе невесту. А ведь грузинская женщина не была затворницей, ей часто приходилось исполнять самые тяжелые работы, а нередко и брать оружие в руки. Другой такой же, а может быть, еще более яркой чертой была любовь к детям и домашнему очагу. Во время нашествий врагов, скрываясь в землянках, женщина согревала ребенка теплом своего тела; пробираясь вместе с детьми по горным тропам и через чащу леса, она пела для своих малюток колыбельные песни. Захватчики разрушали города, сжигали села, но дети были самой большой радостью тех, кто оказался в изгнании. А когда наступал мир, тогда люди возвращались в свои разрушенные войной жилища, чтобы из пепелищ вновь возродить свой очаг.

Много чудотворных икон было в Грузии. Некоторые теперь находятся в других православных странах: например, Иверская икона Божией Матери находится на Афоне; овенная славой чудес и исцелений, она считается защитницей Афона; одна из чтимых в России икон Божией Матери называется Грузинской.

Богородица почти всегда изображается на иконах с Младенцем на руках; любовь и милосердие в Ее взоре, для Нее все мы дети. Богородица – покровительница младенцев; каждый убитый ребенок – это кровавая слеза из очей Божией Матери.

Если мать отдаст все, чтобы сохранить жизнь своего ребенка, то это будет самой большой жертвой, которую она сможет принести Богородице, и благословение Божие пребудет над ее семьей.

ДЕТИ БЕЗ ДЕТСТВА

Если нас спросят о том, какой период нашей жизни был самым счастливым, то мы, должно быть, ответим – детство. В воспоминаниях детства есть какая-то особая притягательная сила, хотя у многих людей детство было тяжелым. В детстве было что-то необъяснимое – то, что мы, став взрослыми, потеряли.

Эмоциональный мир ребенка глубже и богаче, чем у взрослого. Все окружающее ребенка воспринимается им непосредственно, и даже в играх он не теряет эту непосредственность. Хотя человеческая чистота условна, но ребенок, с еще непробужденными страстями, смотрит на мир другими глазами и видит то, чего не видим мы. Образно говоря, он видит на небе те звезды, которые уже недоступны нашему зрению. Ребенок может переживать более глубоко, любить более искренне, дружить более преданно.

Когда человеку очень трудно, тогда он невольно вспоминает детство – светлую зарю на небосклоне своей жизни, который впоследствии затянулся тучами и покрылся мглой. Сама простота ребенка, потерянная нами, является источ-

ником его счастья, а беззащитность ребенка – самой большой силой. Детство – это жемчужина человеческой жизни. Теперь эту жемчужину хотят отнять, бросить в грязь и растоптать ногами так, как еще недавно разрушители храмов с каким-то демоническим злорадством оскверняли святыню, как в черной магии существует ритуал ломания креста для призывания сатаны.

Теперь детство хотят осквернить, как богоборцы – святыню, хотят втянуть детей в болото разврата, насильно впрыснуть яд в их кровь. В сатанинских ритуалах кульминационным моментом являлось убийство и принесение ребенка в жертву сатане. Теперь хотят убить души наших детей, убить не ножом, а духовным ядом, хотят утопить душу ребенка в трясине разврата, чтобы эта грязь проела его насквозь.

Отчасти, сами родители растлевают своих детей, когда вносят в свой дом порнографию, газеты и журналы с бесстыдными изображениями, или молчаливо позволяют смотреть детям телепередачи, где грязная изнанка жизни нарочито выставлена на всеобщее обозрение. При этом раздаются голоса, пытающиеся убедить нас в том, что можно идти по болоту, не запачкав ног.

Дети более впечатлительны, нежели взрослые. Любознательность – одно из свойств ребенка. Внешние впечатления дитя воспринимает более глубоко и эмоционально, и они оставляют в его душе трудноизгладимые следы. Родители, которые не стараются сохранить чистоту своих детей, хуже тех, кто оставляет своих детей раздетыми и голодными.

Сатанинским силам кажется недостаточным тот шквал разврата, который захлестнул современное общество; им мало того, что волны сексуального шторма докатились до самых отдаленных и глухих уголков нашей страны, и потопили семейную любовь, сделав родителей всего лишь бездумными «производителями» себе подобных существ, а самих детей – нежеланным побочным «продуктом» сексуальной

революции. Они хотят насильственно растлить детей через школы и различные организации, которые внешне могут скрываться под вывеской некоей благотворительности. Но истинная цель таких организаций – внедрить в сознание ребенка программу вседозволенности. Их цель – разрушить вековые народные традиции, уменьшить, или вовсе уничтожить влияние православных родителей на своих детей (под видом «защиты детей»). Их цель – постепенно внушить убеждения, что нравственные законы народа – это пережитки темного прошлого, а сохранение девственности до брака – то, что считалось раньше честью – представить в виде самоинквизиции или же насилием родителей над правами детей.

Растлевая девство, сатанинская сила разрушает христианский брак. Человек может жертвовать своей жизнью ради идеи. Но в развращенном сердце не может быть идеала, следовательно – и идей; у него остается одна цель: выжать из жизни максимум наслаждений, не гнушаясь никакими средствами.

Образно говоря, народ, живущий высокими христианскими идеалами, превращается в Церковь; а народ, потерявший нравственность, становится безликой толпой, народом без прошлого и будущего. Теперь, эксплуатируя слова «культура» и «цивилизация», в школах ряда стран ввели как предмет сексологию, где «учитель» превращается в режиссера эротических игр. Мальчики и девочки должны имитировать отношения супругов. Детям объясняется не только практический секс, но и патосексология, даются рекомендации как «уберечься» от зачатия и т.п.

В 20-х гг. XX столетия после революции в России возникло общество «Долой стыд!», возглавляемое террористкой и революционеркой Коллонтай. Целью этого общества было отучить людей от понятия и чувства стыдливости как от «пережитков буржуазного общества». Людям предлагалось ходить по улице нагими, выбирать эротических партнеров,

вплоть до самой близкой степени родства, устраивать места для коллективных «встреч». Сама Коллонтай, не стесняясь своего возраста, демонстрировала примеры предлагаемой программы, но писать об этом подробно слишком омерзительно. В наше время программу общества «Долой стыд!», которую все же не удалось провести несколько десятилетий назад, осуществляют другими методами, разумеется, не во имя борьбы с буржуазной идеологией (как во времена Коллонтай), а во имя свободы и прогресса.

Родители должны требовать изъятия порнографической продукции из продажи, и контроля над телепрограммами. Уроки по сексологии, которые превращают школу в дорогу к публичному дому, не допустимы и должны быть запрещены. Родители, которые спокойно относятся к растлению своих детей и не противятся этому процессу, похожи на тех поклонников Молоха, которые несли на своих руках собственных младенцев, чтобы бросить их в пылающее чрево идола.

Детоубийца

НА видел картину одного немецкого художника XIX столетия, названную «Детоубийца». На ней изображена женщина с обезумевшими от горя глазами, которая прижимает к себе мертвого ребенка. Сюжет этой картины таков: женщина, чтобы скрыть незаконнорожденного младенца, а вернее – свой позор, решается на убийство. Она уносит младенца в пустынное место, кладет его около лесного болота, поросшего тростником, и возвращается домой. Но совесть не дает ей покоя, душа ее как бы пылает в огне. Она едва дождалась утра, чтобы вернуться к месту своего преступления. Она находит спеленатого младенца,

хватает, судорожно прижимает к своей груди, осыпает его поцелуями, зовет его, но в руках у нее уже холодный маленький трупик. Женщина смотрит на своего мертвого ребенка глазами, полными ужаса, тоски и какой-то несбыточной надежды. Она как будто не понимает, что она сделала, как она смогла стать убийцей своего ребенка. Теперь она готова пережить позор, лишь бы ее ребенок ожил. Она прижимается к младенцу лицом, но в его холодном личике не теплится даже искры жизни. Женщина не боится наказания за свое преступление; нет более сурового палача, чем собственная совесть. Она сжимает в своих руках мертвенно-белое тело малютки, да и само ее лицо больше напоминает лицо мертвеца, чем живого человека. Теперь она поняла, что не может жить без своего ребенка и, убив его, она убила и себя. Кажется, что само время остановилось. Проходят часы, но она забыла обо всем. Она убила дитя, а теперь не хочет выпускать его мертвого из своих объятий. Ее окружает тростник, в зарослях которого она хотела спрятать, как бы заживо похоронить несчастного ребенка. Деревья и тростник, как безмолвные свидетели, окружают детоубийцу. Кажется, что женщина не выпустит из своих объятий мертвое дитя, пока оно не истлеет, пока черные пятна смерти не покроют его тельце.

Эта картина – страшный реквием по убитому ребенку и, по еще более несчастной убийце, чья жизнь превратилась теперь в мучительную агонию. Стебли тростника согнуты, будто бы на них легла вся тяжесть горя несчастной женщины. Деревья с распростертыми ветвями хотят скрыть мать и мертвого младенца под своим покровом.

Эта картина похожа на книгу, из которой выдернуты последние листы. Что ожидает эту женщину – самоубийство, безумие или покаяние? Об этом знает только Бог...

ЕВАНГЕЛИЕ — КНИГА ЖИЗНИ

В чем причина того, что деторождение катастрофически сокращается, и христианские страны становятся похожими на постепенно тающие льдины? Нам кажется, что главная причина этого — потеря любви и гипертрофированный эгоизм. Здесь можно указать несколько обустлавливающих факторов.

Люди оторваны от земли и живут в неестественных, по сравнению с прошлыми веками, условиях. У них гаснут и извращаются чувства, как инстинкты у зверей, посаженных в клетку. Цивилизация создала тип стертой психической патологии, а всякая душевная болезнь, прежде всего, отражается на способности любить, и человек теряет эту способность. Мы воочию наблюдаем эмоциональную охлажденность, замкнутость и аутизм. Люди, живущие вместе, в то же время чужды друг другу, как бы дистанцированы друг от друга. Машины и компьютеры, занимают все больше места в жизни человека и создают зависимость от них. Автоматика и электроника как бы оккупировала психическую жизнь человека. Современный человек все больше напоминает больного, передвигающегося на протезах, и даже думающего искусственным интеллектом. Здесь создается новый менталитет и новое отношение к жизни. Машина не нуждается в любви; любить можно личность, а не механизм. Человек, привыкший к миру машин, переносит свое отношение к инструменту в область личностных отношений; для него другой человек является также инструментом, которым можно пользоваться по своему усмотрению.

Современный человек видит смысл жизни в наслаждениях. Рафинированный секс представляется своеобразным концентратом наслаждений, и мало кто задумывается

о том, что это антипод истинной любви, которая основана на жертвенности, на отдаче себя тому, кого любишь. Голый секс, в сущности своей, жесток и агрессивен. Человек, как объект сексуальной страсти, является лишь инструментом для ее удовлетворения. Секс противостоит деторождению, и если современному человеку приходится делать выбор между ними, то его выбор очевиден – это секс. В этом агрессия против истинной любви: человек не хочет иметь ребенка, он боится его как своего потенциального врага.

Однако, культ секса не может удовлетворить человека, он только создает зависимость от себя, подобно наркотику, и поэтому секс постепенно вырождается в патологический секс, который устраивает людей еще и потому, что здесь исключается возможность зачатия ребенка.

Любовь связана с уважением человеческой личности. В патосексе личность и достоинство человека постоянно унижаются, а люди не только не видят этого, но испытывают болезненное наслаждение от унижения и насилия над собой. Безобразного любить невозможно. Развращенное сердце не может любить. Одна из причин катастрофического распада семей в том, что супруги не имеют основы христианского брака – любви и уважения друг к другу.

Одним из средств сокращения рождаемости является пропаганда секса, особенно в его извращенных, патологических проявлениях и формах. Человек, погружаясь в грязь блуда, теряет веру в Бога, утрачивает ощущение своей бессмертной сущности. Основы нравственности у него подорваны; даже формально исповедуя религию, он остается бытовым материалистом. И в этом заключена основная причина абортот – духовный нигилизм.

Культ наслаждений не ограничивается сексом. Человеку внушается, что счастье заключается в стяжании материальных благ и в возможности развлекаться. И все-таки человеческая душа, поработанная грехом, не чувствует радости,

и человек стремится бежать от мертвящей обыденности в ирреальный мир. Дорогу в этот «антимир» открывали раньше алкоголь и наркотики, теперь к ним присоединился телевизор. Он дает человеку возможность входить в интим других жизней, сопереживать их страстям, соучаствовать в тех приключениях и преступлениях, которые совершаются в глубине голубого экрана. Телевизор поработает человека, вживляя в его душу определенные программы и манипулируя его сознанием. Телевизор поражает творческие способности человеческой души, а взамен предлагает заложенный в телепрограммы стандарт. Около телевизора сидят члены семьи, но они разобщены друг с другом, каждый живет жизнью телевизора.

Эти зрелища не только развращают детей, но и подрывают авторитет родителей. Семья теряет свою нравственную структуру. Человек, постоянно видящий картины убийств и секса, привыкает к ним. Он теряет последние остатки любви к людям. Без естественной материнской и отцовской любви дети становятся ненужной обузой для своих родителей: они требуют заботы, а без любви она вызывает чувство раздражения и досады. Дети превращаются в своеобразных разрушителей семейного благополучия и спокойствия – а разрушителей и оккупантов надо вовремя уничтожать. Гитлер своей рукой убивал гомосексуалистов в Германии (убийство своего соратника Рэмма), но в тайных инструкциях требовал пропагандировать аборты, противозачаточные средства и разврат в оккупированных районах, чтобы сократить там население и увеличить жизненное пространство для арийской расы.

Вопрос о падении рождаемости представляется более серьезным, чем только экономический вопрос. Здесь нужно переделать и изменить самого человека с его же помощью, изменить шкалу ценностей и менталитет. Человек должен вернуть потерянную или отнятую у него любовь, научиться снова любить, подобно тому, как паралитик вновь учится

ходить. Он должен освободить себя от плена наслаждений, перестать видеть в деньгах и комфорте смысл жизни, отказаться от ирреального мира наркотиков и зрелищ, должен облагородить само супружество взаимной любовью.

Для этого нужен подвиг. Но здесь решается вопрос о жизни и смерти – и физической, и духовной. Раньше многовековой исторический опыт всех народов призывал бороться со страстями и чувственностью, быть господином, а не рабом собственных желаний; в нравственности видели свободу человека. А теперь свобода все более становится свободной от нравственности, свободой для демонизации людей. Мнимая свобода, как произвол или вседозволенность, делает человека жалкой игрушкой в руках собственных низменных страстей.

Опыт истории показал, что нравственность невозможна без веры в Бога. Что нужно для того, чтобы вернуть людям потерянное счастье? Ответ прост, но он требует напряжения всех сил человека. Для этого нужно раскрыть Евангелие и стараться исполнить то, что написано в нем, чтобы эта Вечная Книга стала книгой нашей жизни.

РАЗВРАТ — РАСЧЕЛОВЕЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

В последнее время открылось много храмов: возобновляются старые, строятся новые, число прихожан в церквях увеличивается. Но в то же время кривая статистики абортот не падает. Чем объяснить такой парадокс? Ведь обычно числом действующих церквей и количеством посещающих богослужения людей внешне определяется духовность народа. Что происходит?

Темный мир зла не отступил в борьбе с христианством, а

если и отступил, то для того, чтобы занять другие стратегические позиции. Церковь – это та духовная среда, где человеческая душа входит в общение с Богом. Без этого храмы, сколько бы их ни было, останутся надгробьями на кладбище бездуховности. Открываются храмы, но параллельно этому открываются узаконенные или слегка замаскированные «дома терпимости», ночные клубы, магазины эротики и так далее. Издается религиозная литература, но наряду с этим, и куда в больших масштабах издается самая развратная литература, порнографические кинофильмы и видеофильмы, и прочий духовный яд, который глубже, чем наркотики, отравляет современное общество, превращает детей в стариков, которые испытали все виды разврата, а стариков заставляет, забыв свой возраст, говорить всевозможные непотребства.

Люди живут в атмосфере цинизма и разврата – разврата наглого, объявившего целомудрие и стыд темными пережитками прошлого, неким атавизмом. Разврат смотрит на нас с витрин магазинов, с реклам, со страниц журналов. Люди, пропитанные гноем секса и разврата, стоят в храме, как мертвецы. Нужны многие годы покаяния и борьбы, чтобы избавиться от микроба разврата и сделаться способным к богообщению. Поэтому храм в этом море грязи, извращенной чувственности, цинизма и утонченно дикого разврата только для немногих остается больницей, а для большинства – моргом, где нераскаянные, не борющиеся с пороком в себе люди похожи на гниющие трупы. Сатана знал, что он делал, растлевая внутренний храм человеческой души и лишая человека покаяния; он уже не боится тех храмов, перед которыми трепетал еще вчера.

Представьте город, где в каждом квартале находятся больницы, а рядом с ними атомные реакторы, излучающие свои смертоносные лучи. Получай дозу радиации, а затем иди и лечись. Развращенная душа без долгого искреннего покаяния не может получить благодать Духа Святого, но, растленная грехом, становится почти неспособной к самоотвержен-

ному и тяжелому труду, к постоянной борьбе со страстями – получается замкнутый круг.

Всякий грех проходит несколько фаз в своем развитии. Перед тем, как убить своего ребенка, женщина внутренне совершает ряд грехов, связанных друг с другом, как звенья цепи. Она должна прежде убить в себе любовь к ребенку; это уже внутреннее отречение от Христа, Который есть Любовь и Который сказал: «Не препятствуйте детям приходить ко Мне». Затем она должна уничтожить в себе присущий женщине инстинкт материнства, то есть в этом отношении стать хуже животных, у которых этот инстинкт настолько силен, что они жертвуют собой ради детенышей. Затем она должна внутренне отчуждать себя от своего ребенка, смотреть на него не как на часть себя, а как на инородное тело в своем организме, вроде опухоли или кисты, которая подлежит удалению. Она отрицает вечную жизнь, оставляя ребенка неприобщенным к Церкви; она отрицает право Бога на этого ребенка, считая, что может распорядиться им, как вещью; она отрицает промысл Божий о ребенке, думая, что не сможет воспитать его; она отрицает Ветхий и Новый Завет, которые говорят: «Не убей».

Противопоставляя жизнь ребенка собственному благополучию, она отказывается от своего креста. Более того, убивая ребенка, она попирает и топчет свой крест. Убивая ребенка, она заглушает свою собственную совесть, и становится в нравственном смысле самоубийцей; убивая ребенка, она считает высшей ценностью себя. Убивая ребенка, она становится единым духом с сатаной, о котором Спаситель сказал: «Он был человекоубийца от начала» (Ин. 8, 44).

Перед физическим убийством ребенка она убивает его в своем сердце и в мыслях, и ребенок, будучи органически связанным со своей матерью, инстинктивно чувствует это. Он испытывает тревогу. Еще до физической пытки и смерти он уже ощущает их ужас.

Родители, убивающие своих детей, – враги всего человечества. Они враги настоящего, сегодняшнего дня человечества, так как уничтожают существа, принадлежащие всей человеческой семье; они враги перед будущим человечества, так как нравственные преступления родителей трансформируются в нервные болезни и уродства их потомства. Они враги человечества, так как своим преступлением увеличивают и сгущают поле демонических, черных, разрушительных энергий, уже нависших, подобно грозovým тучам, над землей.

Эта кровь невинных, вопиющая к небу, эта гекатомба младенцев, соединяясь с другими грехами человечества, разразится страшными потрясениями и катаклизмами, ядерной войной, всемирным голодом, неизлечимыми мучительными болезнями над миром.

В Притчах Соломона сказано: «Чего страшится нечестивый, то и постигнет его» (Притч. 10, 24). Тот, кто кровью детей думает купить иллюзорное счастье, тот приближает мировую трагедию, когда земля, напоенная кровью жертв, будет корчиться, как от страшных пыток в пламени пожарищ, в судорогах голода и в агонии войн.

Влияние греха на историю человечества

Объяснить историю логическим путем невозможно. Человеческий ум, даже опирающийся на огромную память компьютеров, не может выявить и определить тех факторов, из которых складываются исторические процессы. В истории существуют надзаконы – необъяснимые явления, которые не подчинены причинно-следственной связи. Они могут проявиться в самые критические периоды

и изменить ход событий. Но самый существенный и важный фактор – духовный план истории; это отношение человечества к Божеству, это нравственное состояние мира, это невидимая для глаз изнанка человеческой жизни. В духовном плане содержатся и суммируются деяния всего человечества, и определяется его будущее. Перед всемирным потопом на этой метафизической плоскости человечество исчерпало себя. Образно говоря, эта сфера бытия оказалась пустой, люди превратились в плоть, то есть они действовали по влечению слепой и развращённой плоти. Промысл Божий приговорил человечество к гибели именно потому, что в нем не оказалось сил и возможности для возрождения.

Современное состояние мира нельзя свести только к экономическим, политическим и другим условиям; эти факторы оказывают своё влияние, но все-таки они второстепенны. Повороты истории не предсказуемы для тех, кто занимается экономикой и социологией; их дешёвый футуризм не оправдывался никогда. Жизнь рвала все бумажные прогнозы экономистов и социологов, которые хотели предсказать историю, как прогнозируют погоду. Человек остаётся тайной, и поэтому история для нас необъяснима. В истории человечества присутствуют светлые и темные космические силы. Саму природу человечества поразил, как тяжелый порок, грех; он, подобно зараженной крови, проник во все клетки человеческого организма.

Грех присущ человечеству со времен трагедии в Эдеме. Но XX век особо отмечен невиданным до сих пор размером греха, как будто печать Каина, как огненное клеймо, легла на чело земли. В настоящее время грех детоубийства стал почти глобальным. В странах бывшего Советского Союза беременность в 70% оканчивается абортom, а если прибавить к этому противозачаточные средства, которые вызывают миниаборт, т.е. гибель эмбриона в течение нескольких суток, то кровью

убитых можно было бы напоить пески Сахары, а их трупами в несколько раз опоясать Землю.

Чем объяснить эту продолжающуюся эскалацию жестокости, эту вакханалию, называемую прогрессом? Нам кажется главная причина – это нравственная деградация человека, его эмоциональная холодность, и дефицит любви. Любовь расширяет бытие человека, в которое включается круг любимых им людей, они становятся как бы частицами его сердца, они становятся источниками его радости и страдания. Любовь делает жизнь человека более глубокой. Теперь мы видим другое – самозамкнутость и аутизм. Человек становится сам для себя единственной ценностью, как будто весь мир создан только для него. Отсюда возникает прагматичное отношение к другим людям: полезны они, или нет. Это становится главным условием взаимоотношений. К такому эгоизму приводят, по нашему мнению, два главных греха: гордость и блуд, а затем их «младшие братья» – лень и любовь к наслаждениям.

Аутизм иссушает в человеке любовь, сначала духовую, затем душевную, которая заменяется спорадическими вспышками страстей. Похоть и гордость образуют в душе какой-то постоянный мертвящий холод. Человек теряет чувство сострадания, даже такое, какого не лишены животные. Его не печалит чужое горе, его не радует, а скорее огорчает чужое счастье, хотя бы в виде временной удачи.

Темные силы все больше овладевают душой человека. Преподобный Серафим пишет: «Дьявол холоден». Ценность чужой жизни теряется для такого человека. Если сегодня люди перестают радоваться друг другу, то это значит, что завтра им на земле будет тесно, хотя бы они были разделены друг от друга пространством, как жители пустыни.

Зачем современному человеку нужны дети? Они становятся для него помехой. В детях человек не видит свой образ, повторение собственной жизни, он не переживает с ними

вновь свое детство, он уже настолько загрязнил свою жизнь развратом, что ему уже недоступно чувства ребенка. Раньше человек любил еще не родившегося ребенка, как бы согревая и окутывая его теплом своей души. Теперь человек подсознательно смотрит на ребенка как на тяжелую ношу, как на врага, думает о неудобствах и заботах, о лишнем труде, который доставит ему младенец, а взамен, как ему кажется, не даст ничего. И поэтому современный человек – уже потенциальный убийца собственных детей.

Есть еще один фактор – это безнадежность. Дети ассоциируются с будущим. А у человека нет собственного будущего, оно как бы закрылось для него. Раньше у людей была надежда, не будем говорить – правильная или ложная. Будущее представлялось им как свет, мерцающий впереди, теперь оно подернуто туманом. Поэтому человек живет сегодняшним днем, хотя этот день ничего не дает ему.

У человека существует инстинкт размножения, то есть передача жизни другому существу. Когда из него выделился и рафинировался секс, то инстинкт деформировался. Для человека похоть оказалась самоцелью, которую можно удовлетворять вне деторождения, поэтому само деторождение стало противодействием похоти. Человек не только избрал гнусную похоть, более того, он стал гурманом похоти, а гурманы теряют здоровый вкус. Поэтому сексология ведет к психопатологии.

Семья решает несколько задач: 1) деторождение; 2) удовлетворение инстинктов, которые у человека соединены с целой гаммой чувств; 3) взаимопомощь. Христианская семья решает также духовные задачи: это содействие друг другу в деле спасения, общность во временном и вечном, в материальном и духовном, общность в молитвах, которая делает семью малой домашней церковью.

Теперь это все разрушено. Секс убивает деторождение; гордость – взаимную любовь; эгоизм – заботу друг о дру-

ге. Семья создана, прежде всего, для деторождения. Может ли она быть построена на трупах и крови детей? Нож убийцы-врача, который рассекает тело плода, в духовном плане рассекает тело семьи.

Радость победы

Святой Антоний Великий писал о том времени, когда мир погрузится в темноту и всеобщее безумие покроеет землю своими черными крыльями. Тех, кто не погасил в душе своей свет веры и не отдался во власть страстей, будут считать душевнобольными или гордецами – фанатиками. «Если ты не поступаешь, как все мы, то значит – ты безумец», – таким будет приговор мира над исполняющими заповеди Христа. На такого человека станут смотреть как на врага, который хочет лишит остальных людей радостей жизни и проповедует какое-то нелепое и непонятное учение о грехе и вечном возмездии.

Теперь наступает время, когда считается, что «этической нормой», достойной современного человека, должна стать неограниченная свобода для возможности реализации всех его желаний и страстей, то есть – отсутствие нравственного фильтра. Но получается парадокс: вседозволенность вовсе не делает человека счастливым, напротив, происходит внутренний разлад, опустошенность и глубокая неудовлетворенность души; в лучшем случае – это тоска по чему-то дорогому и потерянному, а в худшем – это мертвенное безразличие, и отождествление себя со своими извращенными инстинктами. Затем открывается новая глубина человеческого падения, выявляется новый сгусток зла и концентрация душевной темноты – это демонизм, это порабощение человека невидимыми

паразитивными существами, внедрившимися в его душу.

Язычество было не только потерей Бога, но потерей самого человека. Языческая антропология извратила, а затем и утратила понятие о грехе. «Природное – прекрасно», – говорит язычник, не понимая, что космос и его духовная ипостась – человек – поражены грехом, что они представляют собой поле битвы между темными и светлыми силами, что человек в его психофизическом единстве – это больной организм, что наша бытийная данность – это не естественная жизнь, а извращенное состояние.

«Символ веры» современного мира состоит в том, что желания и страсти человека должны быть удовлетворены. Однако повседневный опыт учит нас другому: страсть всегда лжет, всегда обещает, но никогда не дает обещанного. После исполнения страстных желаний человек не испытывает ни радости, ни чувства удовлетворения. И, напротив, борьба со страстью и похотью оканчивается духовной радостью. После победы над страстью человек ощущает мир и покой в своей душе, он переживает особое чувство легкости и внутреннее просветление, как награду за подвиг. В победе над страстью и грехом человек ощущает пробуждение своего духа, возрождение своей личности. И в этой радости есть нечто мистическое.

Трагизм человечества состоит в постоянной ошибке – будто потакание страстям и удовлетворение аффективных чувств дает полноту жизни. Но это не так. Человек, идущий на – поводу своих страстей, иными, потухшими глазами смотрит на мир; он перестает видеть ту красоту, которую ощущал и переживал раньше. Его сердце становится холодным и жестоким, он как бы облекает свою душу в шкуру животного.

Грех – это метафизическая грязь. Даже потерявшая Бога душа, как будто адаптировавшаяся к греху, в какой-то своей глубине ощущает его зловоние. В рождении человека заклю-

чается тайна, в блуде – только пошлость. Первым обетованием Адаму после его грехопадения была надежда на то, что семя жены сотрет главу змея. Блуд и детоубийство, в какойто степени, – антипод этому обетованию. В нем потенциал человеческой жизни похищается и используется диаволом.

В Библии есть слова, которые кажутся нам странными, а именно: «Адам познал свою жену, и она родила ему ребенка». Это слова повторяются также по отношению к другим праотцам. И так ясно, что дети рождаются в браке, а в Библии нет лишних слов. Но здесь мы видим указание: близость между супругами существовала только для деторождения, кроме этой причины близости просто не было. Только впоследствии эти слова как бы исчезают со страниц Библии, однако деторождение всегда оставалось главной целью супружеских отношений у ветхозаветных праведников.

Современные люди не могут подражать древним праотцам в их воздержании, как монахи древним подвижникам в их аскетизме. Но все-таки общая идея остается той же: не в удовлетворении страсти, не в подчинении ей, а в преодолении чувственности и похоти открывается истинное бытие человека, неведомая для похотливых и безвольных душ глубина жизни.

Деградация человека сопровождалась тем, что секс был отделен от деторождения, а затем противопоставлен ему и возведен в степень культа, а теперь грозит стать «теневой» религией для человечества. Теперь секс, убивая еще не рожденную душу, разрушая семьи, затемняя образ и подобие Божие в человеке, стал врагом самого человека не только духовного, но и эмпирического.

Посредством селекции собаку – животное наиболее преданное человеку – можно превратить в зверя-людоеда. Так секс, посредством искусственных селекций с явно демоническим характером, превратился в убийцу людей и губителя

человеческих душ. Теперь этот зверь стремится стать некоронованным властителем мира и рабовладельцем человеческих душ.

Когда человек говорит, что секс дает ему радость, то он или лжет, или никогда не испытывал действительной радости. Почему у людей, как будто потерявших все духовное, вдруг появляется чувство ненависти к таким же развратникам, как и они сами, ненависть, как к ворам, которые украли, похитили что-то дорогое, принадлежавшее им? Люди, которые выпили до дна чашу земных наслаждений, но были достаточно честны перед собой, говорили, что не нашли в жизни радости, что на земле счастья нет. Например, человек демонический и утонченно-развратный, но в то же время, искренний в осознании своего падения, Александр Блок писал:

Все на свете, все на свете знают,
Счастья нет,
И в который раз в руке сжимают
Пистолет.

Другой поэт, хваставший количеством соблазненных им женщин, но достаточно чуткий, чтобы прислушаться к голосу своего сердца, писал:

Дар напрасный, дар случайный,
— Жизнь, зачем ты мне дана?

Творчество таких поэтических гениев, – и в то же время нравственных пигмеев, – как Байрон, Лермонтов и другие, пронизано каким-то безысходным трагизмом. Эти люди, испытывавшие все страсти, смогли увидеть свою жизнь сплошным кошмаром. Персонажи их книг – живые трупы, у которых только презрение к миру и тайная ненависть к себе.

Между тем люди, живущие высокими целями, а не страстями, знают, что «счастье есть», и чем выше цели, которыми они живут, чем больше они обуздывают свои изменные чувства, тем более они становятся счастливыми, значит, ис-

тинная радость – удел чистых сердцем. Есть еще более высокая радость – благодать Духа Святого, это та святость, которую ненавидит мир, видя в ней обличение своего уродства.

Может ли дать гневливость покой, зависть – счастье, чревоугодие – ясность мысли? Что оставляет после себя страсть в душе человека? Только грязь и мусор. Страсть даже внешне уродует человека. Во что превращается человек гневающийся, на кого он похож? Какое змеиное выражение лица у завистника? Какой смрад расточают вокруг себя развратники? В укрощении своих желаний, в победе высшего над низшим, в победе души над телом совершается пробуждение человека от тяжкого греховного сна.

Люди, которые видят разрешение своих проблем в искусственном планировании семьи, или готовые подвергнуться стерилизации, – это, в сущности, рабы секса, ради которого разрушается само понятие христианской семьи как «малой церкви». Такими рабами их сделала псевдокультура, давно утратившая свою духовность. Общество, отказавшееся от христианской нравственности, современные средства массовой информации – особенно телепередачи – с каким-то целеустремленным упорством внушают человеку, что он – всего-навсего сексуальное животное.

Уже само целомудрие и воздержание начинают рассматриваться как нелепый предрассудок, фобии, неестественный образ жизни, ведущий к психическим заболеваниям.

Человеку вбивается, навязывается мысль, что он должен испытать все виды разврата, дабы его жизнь была более «глубокой и красочной». «Испытай все!» – говорит современная мораль. Страсть и грех переходят в привычку, которая порабощает волю. Опыт убеждает человека, что такая жизнь пуста и ложна, но альтернативы ей он не видит.

Между тем, выход есть. Это не стремление к постоянному удовлетворению страсти, а волевое господствование над ней.

Воздержание до брака и целомудренные отношения в браке укрепляют уважение и любовь супругов друг к другу. Воздержание не противоестественно, а как раз – естественно, о чем нам говорит жизнь других существ; в этом отношении звери могут учить человека.

Неужели человек окажется не только самым разумным, но также и самым похотливым, то есть самым грязным из всех обитателей земли?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Грех аборта – апокалиптический грех, нарастающая трагедия, которая приближает мир к катастрофе и в метафизическом плане потрясает основание не только земли, но и всего мироздания. Наша голубая планета все более приобретает алый цвет от пролитой крови и становится подобной Марсу – кроваво-красной звезде. Человечество, пожирающее своих детей, превращается в мутантов-людоедов или безумцев, которые режут себе жилы и лижут собственную кровь. Этот грех уничтожает корни нравственности, парализует совесть, ожесточает сердце, лишает супругов любви друг к другу и тем самым разрушает семьи. Брак превращается в союз двух убийц, объединенных общим злодеянием. Этот грех сокращает сроки существования человечества, приближает мир к агонии и концу истории.

В данной книге я хотел немного приоткрыть черную бездну этого греха, от которой у человека может перехватить дыхание, бездну, по дну которой течет река человеческой крови. Голос невинных жертв слышан на небе, и я желал бы, чтобы этот безмолвный вопль был услышан на земле. Свяtitель Иоанн Златоуст, обращаясь с проповедью к народу, сказал: «Я говорю вам об аде для того, чтобы вы не попали в ад». Моя цель: помочь человеку избежать этого злодеяния, а если он совершил его, то не впасть в другой грех – в отчаяние, когда кажется, что выхода нет, что спасение потеряно навсегда. Но выход есть: это покаяние, которое святые отцы называли новым рождением. Грехи человека, как бы тяжелы

они не были, ограничены, а милость Божия – безгранична.

Обычно диавол, перед тем как человек совершит грех, успокаивает его, внушая мысли, что совершить грех заставляют обстоятельства, что так поступают все и т.д. А после совершения греха, когда у человека открываются глаза и просыпается совесть, демон начинает говорить противоположное: «Для этого греха нет прощения – теперь ты мой, поэтому забудь о Боге, не мучай себя бесполезным раскаянием, а продолжай грешить».

Отчаяние – это вид духовного самоубийства. Бог есть Любовь. Но для того, чтобы эта любовь действовала в душе человека, от него требуется осознание своего греха и покаяние, как суд над собой, прежде Страшного Суда. Человек рождается в этот мир через боль, а затем наступает радость, что еще одна жизнь засветилась на земле. В покаянии душа тоже рождается через боль, а затем у нее наступает радость прощения и возвращения к Богу.

Покаяние требует трудов над собой, борьбы с собственным эгоизмом и совершения добрых дел, противоположных прежним грехам. И здесь человек должен идти на определенные жертвы. Само христианство это учение о жертвенности. В древние времена в эпоху гонений христиан подвергали ссылкам, мучениям и смерти только за имя христианина. Теперь же на христиан поднялось невидимое гонение от духа современного мира, который узаконил беззаконие и оправдывает грех. Человеку предстоит борьба с демонической силой, которая старается обольстить и погубить его душу, а нередко с близкими для него людьми – близкими по плоти, а не по духу. Для человека выдержать эту борьбу, устоять перед этим гонением, создать и сохранить христианскую семью – уже подвиг. Поэтому лучше претерпеть трудности и испытания в этой временной жизни, чем оказаться в вечности отверженным от Бога.

СОДЕРЖАНИЕ

- Потеря любви – трагедия нашего времени / 5
История обличает / 7
Легенда, ставшая былью / 9
Убийство беззащитных / 12
Аборты – вид человеческих жертвоприношений сатане / 18
Материализм и эскалация жестокости / 29
О легализации абортов / 31
О противозачаточных средствах / 36
Аборт – вид пытки / 38
Аргументы защитников абортов / 41
Современный материализм и апология разврата / 47
Беседа убитого младенца с его убийцей / 51
О телевидении и сериалах / 53
Император – братоубийца / 55
Реабилитация Содомы и Гоморры / 57
Современный людоед / 58
Похищение и продажа детей / 59
Плач матери / 61
Отношение различных религий и сект к абортам / 64
Прощенный палач / 67
Благовещение и материнство / 71
Подвиг императора Константина / 75
Законы войны / 77
Техника против детей / 78
Христианский взгляд на душу человека / 81
Разврат и деградация человеческой личности / 83
Любовь и красота / 85
Последняя ночь детоубийцы / 88

Человек ли он? / 91
Цена жизни / 94
Роль мужчины в детоубийстве / 95
Современная подвижница гуманизма / 96
Мученический подвиг женщины / 99
Великодушные волчицы / 103
Смерть – начало новой жизни / 105
Имеют ли право на жизнь больные дети? / 107
Встреча на страшном суде / 111
Аборт – убийство души / 112
Свет материнских глаз / 114
Ритуальные убийства / 116
Кульг секса / 121
Сны ребенка / 124
Мертвая и живая вера / 126
Как облегчить участь некрещеных младенцев? / 129
Что случилось с человечеством? / 134
Жестокое молчание / 139
Кто мы? / 143
Безмолвный крик младенцев / 153
Дьявольский завет / 155
Рассуждения либерального христианина / 156
Апокалиптические сумерки / 162
Демон – дух уныния / 165
Кому нужно преподавание сексологии? / 166
Семейный трибунал / 169
Доброта либерала / 171
Проклятие сербского патриарха / 173
«Каин, где твой брат, Авель?» / 176

Апология блуда / 178
Вечная слепота / 179
Пресвятая Богородица – Владычица Грузии / 182
Дети без детства / 183
Детоубийца / 186
Евангелие – книга жизни / 188
Разврат – расчеловечение человека / 191
Влияние греха на историю человечества / 194
Радость победы / 198
Послесловие / 204